

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»

Philosophical Society of Uzbekistan

Faculty of Business Administration, University of Economics in Prague

Urgench State University named after al-Khorezmi

Academia Rerum Civilium – Higher School of Political
and Social Sciences

**MODERN PHILOSOPHIC PARADIGMS:
INTERRELATION OF TRADITIONS
AND INNOVATIVE APPROACHES**

Materials of the III international scientific conference
on March 3–4, 2016

Prague
2016

Modern philosophic paradigms: interrelation of traditions and innovative approaches : materials of the III international scientific conference on March 3–4, 2016. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2016. – 124 p. – ISBN 978-80-7526-084-0

ORGANISING COMMITTEE:

Ilona G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, the chief manager of the Science Publishing Center «Sociosphere-CZ» (Prague, Czech Republic).

Eva Kashparova, Ph.D., research associate at University of Economics in Prague (Prague, Czech Republic).

Umidjon R. Kushaev, Ph.D., senior researcher applicant of Tashkent Islamic University (Tashkent, Uzbekistan).

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Vadim N. Goncharov, doctor of philosophy, professor of philosophy chair at Humanities Institute of the North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia).

Anwar K. Kadyrov, doctor of philosophy, professor of Tashkent Institute of Chemical Technology (Tashkent, Uzbekistan).

Larisa D. Kozyreva, doctor of philosophy, professor of Northwestern's Institute for Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Shakhnoza O. Madaeva, Ph.D., assistant professor, head of the chair of the history of philosophy and logic at National University of Uzbekistan.

Miroslav Sapik, Ph.D., assistant professor, prorector of Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences (Kolin, Czech Republic).

Tomas Sigmund, Ph.D., academic staff of University of Economics in Prague (Prague, Czech Republic).

Maksuda S. Hajieva, doctor of philosophical science, assistant professor, head of the chair «Theory of building a democratic society in Uzbekistan and Philosophy» at Urgench State University named after Al-Khwarizmi (Urgench, Uzbekistan).

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines the problematic of modern philosophic paradigms. Some articles deal with questions of Eastern and Western philosophy today. A number of articles are covered categories, principles and theories of modern epistemology. Authors are also interested in values in the structure of the modern. Issues of dialectics of culture and religion are discussed.

UDC 1

ISBN 978-80-7526-084-0

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2016.

© Group of authors, 2016.

CONTENTS

I. EASTERN AND WESTERN PHILOSOPHY TODAY: COMMON PRINCIPLES AND DIFFERENCES

Sapík M.

Paradigma procesu ve filosofii dějin 6

Счастливец Е. А.

Феноменология Гуссерля и предметная область..... 11

Тангатарова Н. М.

Возникновение и основные идеи движения «Сирхак» 19

II. MODERN EPISTEMOLOGY: CATEGORIES, PRINCIPLES, THEORIES

Золотухин В. Е., Золотухина-Аболина Е. В.

Феноменологическая парадигма во французских интерпретациях..... 23

Ивашкин И. Ф.

Рефлексивно-мыслительный механизм как интеллектуальное средство
в свете современной методологической культуры 27

III. VALUES IN THE STRUCTURE OF THE MODERN: A PERSON, A FAMILY AND MORAL INSTITUTIONS

Богучарскова Г. И.

Роль Службы «Экстренная детская помощь» в социальном
обслуживании населения 31

Валеева Г. В.

Личностный успех как ценность современного общества 36

Зайцева Л. В.

Алгоритм и модель работы с семьёй, находящейся в социально
опасном положении в рамках индивидуальной
реабилитационно-профилактической работы..... 38

Керимова М. В.

Принципы педагогической работы современного педагога с родителями
воспитанников 44

Косых Г. В., Фомина К. В.	
Социально-психологическая готовность студенческой молодежи к созданию семьи.....	47
Куликова Е. А.	
Основные линии развития современной российской семьи	56
Lapteva O. I., Emelyanova E. Y., Filippova V.V.	
The moral state of modern Russian society	60
Разорвина А. С.	
Институт брака в условиях мировых социальных трансформаций.....	62
Chernyshkova E. V., Veretelnikova Yu. Ya., Rodionova T. V., Mukhina M. Yu.	
Gender peculiarities of the elderly couples	69
Чомаева З. М., Джанкезова А. А.	
Многодетность в современном российском обществе: проблемы восприятия и государственная помощь	72

IV. DIALECTICS OF CULTURE AND RELIGION

Kolosova O. Yu.	
Social and philosophical analysis of religion development in the context of spiritual culture.....	76
Сапрыкина Е. В.	
Философская критика в контексте культурного кризиса	82
Сагдиев Х.	
Противоречивое вероучение заблудших групп	86

V. TOLERANCE AS MORAL IMPERATIVE

Дорошина И. Г.	
Мораль как основа толерантности	92
Кушаев У. Р.	
Социальные и правовые основы толерантности	98

VI. SPIRITUAL AND MORAL PROBLEMS OF INFORMATION SOCIETY

Goncharov V. N.

Information society: social and humanistic aspect of development 106

Lapteva O. I., Emelyanova E. Y., Malenkova A. Y.

Spiritual moral values and education of young people as the major conditions
of the progress of Russia 112

Lapteva O. I., Emelyanova E. Y., Rassohina O. P.

Reasons for spiritual and moral problems in Russia 114

Облабердиева К. Д., Махкамов Г. М., Рузметов Р. Я., Абдупаттеев Х. А.

Воспитание информационной и нравственной культуры у современной
молодежи в интернете 116

План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана,
Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ» в 2016 году 119

Информация о научных журналах 121

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské
centrum «Sociosféra-CZ» 122

Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 123

I. EASTERN AND WESTERN PHILOSOPHY TODAY: COMMON PRINCIPLES AND DIFFERENCES

PARADIGMA PROCESU VE FILOSOFII DĚJIN

M. Sapík

*Ph.Dr., docent, prorektor,
Academia Rerum Civilium – Vysoká škola
politických a společenských věd,
Kutná Hora, Česká Republika*

Summary. Paradigm can be understood as a state, model that corresponds to the existing capabilities and forces in the future transition to a higher level. Model-making in the philosophy of history allows interpretation based on different ideas. The process is a topic that was already current in the ancient times. The ancient thinkers understand the process as an integral part of being and action. The concept changes in the nature depends on the possibilities of knowledge that has only one.

Keywords: philosophy; man; process; philosophy of history; history of philosophy; paradigm.

V současné době se často, v rámci teoretických postojů, uvádí přímá nebo nepřímá souvislost na počátek filosofického myšlení, první filosofické ideje, které byly opravdovým paradigmatickým projevem lidské abstrakce na jejím adekvátním stupni vývoje. Už v této fázi vývoje lidského „éthosu“ se jednotlivé události uskutečňují na sobě v kauzálním procesu příčin a účinků. S ohledem na nutnost lidského faktoru je důležité připomenout, že stěžejním atributem je existence člověka.

Již ve starověku první mudrcové vytvářejí primitivní a tím i původní názory na vznik světa, místo člověka ve světě, ale i zcela prokazatelně originální ideje. Na základě těchto původních názorů vznikají v časové posloupnosti vývoje dějin mnohočetné filosofické školy, které představují důležitou a nezbytnou součást života řecké společnosti v polis. Jednotlivé filosofické školy, které sdružovaly nejen významné osobnosti řeckého duchovního života, produkovaly originální filosofické dědictví pro budoucí evropskou kulturu. „Proto se žádné lidské individuum nemůže k pravdě prostě „přiradit“, tj. převzít ji běžným pohodlným školským způsobem. I když je jeho učitel sebevýznamnější a jím podávaná filosofie sebehlubší, neprobudí-li se v žákovi samém bytostná znepokojenost, údiv, hledačství, odstup ke všemu danému, odstup ke všemu přicházejícímu zvnějšku, bytostná potřeba sám se nově ptát, zůstane pod úrovní života vskutku filosofického. O této zvláštnosti filosofie se dlouho nevědělo ani mezi filosofy samými – i ti bývali spokojeni, pokud získali oddané žáky a domnívali se, že tito žáci, jsou-li oddáni jim, jejich myšlenkám,

přejímají tím a ponесou dál i jejich tvořivé filosofické schopnosti“ [1, s. 46]. Už v klasickém řeckém prostředí má velký význam fenomén vůdcovství. Jednotlivec neznamena v kontextu společnosti zcela nic. Ve starověkých řeckých školách vystupovali konkrétní jedinci v roli „učitelů“, kteří mohli předávat získané vědomosti vlastním posluchačům. Stejně tak se má i situace s pravdou. Člověk nemá možnost si pravdu jen tak vzít a vlastnit. K pravdě se musí člověk dopracovat na základě osobního přístupu a snahy. Pravdu se snažili učenci získávat prostřednictvím osobností – učitelů, kteří vystupovali v roli zvěstovatelů pravdy. V řecké společnosti měl podstatný význam a vliv učitel ve společenství se svými žáky. Nešlo jen o jednotlivce, ale ba naopak o společenský celek. „Už v antice se filosofové snažili vytvořit své školy a v nich předávat svou moudrost dál a dál v novověku tuto tendenci sledoval zvláště výrazně zejména pozitivismus. To bylo posíleno a skoro zesamozřejměno zejména také tím, že od dob úspěchů německé filosofie v 18. století začalo být považováno za něco takřka nutného a přirozeného, že filosofii tvoří téměř výlučně vysokoškolští profesori, ačkoliv v novověku právě nejpozoruhodnější profesorští filosofové začali mít o této proteovské obtížnosti filosofování již více či méně jasné vědomí, tj. začali chápat, že něčím přirozeným pro filosofii není škola, nýbrž daleko spíše ...“ [1, s. 46] se jedná o jedince, který je žákem někoho jiného. Předávat moudrost bylo i dokonce společenskou nutností, která byla velmi specificky hodnocena ve prospěch obce. Antika je velmi proslulá tím, že pro každou polis byla důležitá existence školy a jejich žáků s učiteli. Vždyť v této roli vystupoval i Platón, Aristotelés apod. Doba dospěla od antického prostředí až do období 19. století, kde jednoznačně se změnil postoj ve vztahu učitel a žák. To hlavně z toho důvodu, že filosofii představují pouze jedinci, kteří působí jen na akademické půdě. To je hlavní důvod úpadku.

Machovec v této souvislosti konstatuje: „Neboť právě ten žák, který si osvojí nejen učení, ale i tvořivého ducha svého mistra, právě ten nesmí zůstat žákem, ale musí tvořit samostatně a proto jinak!“ [1, s. 47]. Každý žák má předčít svého učitele, musí jít za hranice již poznatého, pokud to má být skutečně dobrý žák a nejen vykladač dané myšlenky a díla svého učitele. To předpokládá, že nikdy to nemůže být už na stejné úrovni a stejně, ale musí jít o vyšší úroveň vědomostí a zkušeností, které obohatí následující pokolení myslitelů a jejich pokračovatelů (následníků).

„Rozpoznání toho, že v dějinách filosofického myšlení existuje nejen změna, ale logický vzestup, tedy i pokrok – poznání samo o sobě správné – obsahuje v sobě ještě i další velmi nebezpečnou a osudnou zápletku (...): vzniká domněnka, že ony nižší stupně filosofického vývoje možno prostě ignorovat, stojí-li lidský jedinec výše. Chyba spočívá v tom, že ti opravdoví mistři filosofického myšlení – v novověku např. Leibniz, Kant, Hegel, Marx – žili vždy bez výjimky v neustálé hluboké duchovní komunikaci s mistry myšlení minulosti od Sokrata a Platona přes křesťanské systematiky a reformátory až ke generaci těsně předcházející (v uvedených případech např. Komenskému,

Humovi, Feuerbachovi aj.). Sami, tvořící vlastní nové originální dílo, žili přitom nicméně s velikány minulosti – s mistry myšlení jiného typu! – v neustálé komunikaci, komunikaci tak bytostné, že si její stálost a význam ani pořádně sami neuvědomovali“ [1, s. 48]. V kontextu dějin filosofie a v procesu vývoje lidského myšlení všeobecně je možné konstatovat, že podmínkou paradigmatického myšlení je akceptace oněch původních, nižších stupňů filosofického myšlení a samozřejmě i představitelů jednotlivých filosofických orientací. Tím, že dochází k postupné možnosti filosofického poznání v procesu, dostává se člověk do zcela nové a originální pozice. Je to pro každého takového člověka něco nového, co neměl možnost zažít v předchozím životě a vývoji.

Pro každého badatele jde o zcela novou zkušenost, která přechází do vyšších úrovní v podobě nových podnětů k dalším filosofickým teoriím nebo ta, která zaniká po velmi krátké době, protože lidé o ni a především vědci a badatelé, nemají potřebný zájem. Je to velmi nejasné a nekompromisní prostředí vědy a jedinců, kteří si i v současné době osobují, na úkor druhých, právo na diktování podmínek a limitů toho, co je a není vědecké, na potřebné úrovni a odpovídá-li dotyčný jedinec ani tak ne morálním, jako spíše společenským rozsahem konexí a důležitých kontaktů, které pomáhají udržovat uměle vytvořenou lagunu lidského poznání a tzv. „úrovni“. To je ovšem špatně a zásadně, všichni potichu ve svém ústraní tento fakt odmítají a ptají se proč? Proces se nedá zastavit. Má své počátky, následují fáze, které se můžou a nemusí hodnotit pozitivně. Problém a zaostalost moderních „vědců“ spočívá v jejich postmoderní neúctě k filosofické tradici. Přehlížení, pohrdání a manipulace s tradicí je hlavní a pro mnohé důležitý a signifikantní atribut „tzv. vědeckého bádání“ na všech úrovních a napříč humanitními vědami. Vítězí konstrukce a modernismy, které nemají v dosavadní tradici žádné opodstatnění ani bytostný význam. Důležití badatelé se z těchto důvodů nechávají volit do moderních výkřiků doby a vědy – tj. agentur, rad, výborů či komisí a tím dávají najevo druhým, kteří se nikdy do těchto monster nemají možnost dostat, moc, důležitost a bezpochyby nadřazenost. Proč trpíme tyto uzavřené struktury, které nikdy celku neprospívají a nebudou prospívat. To je i celá příčina stratifikace akademického prostředí současnosti. „Lidstvo dnes stojí na samém prahu úplné zkázy v neposlední řadě proto, že si během několika posledních staletí navyklo žít okamžikem, chvílí, falešně pojímanou přítomností, tj. dneškem zbaveným začleněností v čase, a již proto nesmyslným. Lidstvo se ukazuje neschopným uvědomovat si svou vlastní odpovědnost za budoucnost mj. proto, že žije scestným, falešně pojímaným „realismem“, chápaným jako kult přítomnosti, bezprostřednosti a „modernosti“, že ztratilo spojení s moudrostí minulých věků, a tím i vědomí sebe sama jakožto rodu. Ve skutečnosti moudrost jakékoliv přítomnosti nemůže vůbec ani vyzrát bez hluboké komunikace a moudrosti minulých věků, bez bytostného vědomí kontinuity a návaznosti“ [1, s. 49]. Jsme velcí obdivovatelé emocí a chvilkových příležitostí, rádi škodíme a máme radost z neštěstí druhých lidí, rádi jim k neštěstí vlastně pomůžeme a potom se jako

omylem divíme, to je fakt. Nikdo rád nepřijímá zodpovědnost za vše, natožpak do budoucnosti. Naše vědomí přítomnosti je skutečně scestné už jenom tím, že se řídíme podle falešných osobností – vedoucích, ředitelů apod. Reálný stav je zcela odlišný od toho, který jsme zvyklí prožívat a v něm i tvořit. Pro dnešní postmoderní situaci, ve které se musíme učit žít a vycházet s druhými, v prostředí krácející demokracie, nezanikl „kult osobnosti“, který mnozí „nějak smýšlející“ lidé odsuzují, ale na druhé straně, řídí se jím a plně napodobují.

„V době počínající krize mechanistické fyziky rozvinul pozitivisticky zaměřený filosof Richard Avenarius problém 'přirozeného pojmu světa'. Tento problém a tituly s ním spojené, jako 'přirozený svět' aj., měly velkou působnost, přesahující rámec jeho filosofie. Mělo být vyjádřeno, že se jimi distancujeme od umělého nazírání moderní mechanistické (meta-) fyziky, podle kterého okolí nám vjemově přístupné je subjektivní odlikou pravdivé, o sobě jsoucí a matematickou přírodovědou zachycované skutečnosti, což ovšem postuluje 'subjektivní nitro', zkušenostně nepřípustné, v němž se na základě kauzálních působností ve fyzikálním světě a z něho tento vnějšek obráží“ [2, s. 21]. Počínaje 19. stoletím vzniká celá řada zásadních vědeckých obrátů, které můžeme zařadit mezi paradigmata moderní vědy. Avenariův fenomén 'přirozeného světa' se stal po několika desetiletích stěžejním problémem ve filosofii 20. století a to přímo v několika filosofických orientacích. „Řešení, které se zprvu nabízelo, byl tzv. neutrální monismus, upravovaný v různých variantách od Avenaria a Macha počínaje až k Russellovi, Whiteheadovi, ruským intuitivním realistům a anglosaským neorealistům; podle něho skládá se objektivní i prožitková realita z týchž prvků a stává se objektivní či subjektivní podle vztahů, do kterých jsou datové prvky zařazovány“ [2, s. 21]. Neutrální monismus představoval odpovídající variantu výkladu strukturovaného světa, který se nachází v procesu, mění se a je úkolem vědců umět ho popsat a vysvětlit z pohledu těchto proměn a procesuálních stavů. Velmi zajímavý je i fakt, že se tento model osvědčil v prostředí německé vědy, anglosaské vědy a ruském vědeckém prostředí.

„Na popisech koncentrace a uvolnění trvání se však přitom ukazuje, že tato intuice trvání sama podržela leckterý rys mechanických schémat. Odvrat od řešení problému přístupu k předmětnosti na základě kauzálních působností vnějšku na nitro projevil se pak i v mnohých jiných filosofématech, která se snažila zkombinovat atomismus a nauku o kontinuitě, resp. o vztahu k univerzu vcelku, rozmanitým způsobem; všude se pokoušela vzít za základ jiné relace než kauzální (prehenze, gnoseologická koordinace atd.), ale tyto relace samy buď pojímala jako předmětné, nebo na základě předmětných, vždy v domněnku, že restituují 'přirozený názor světa' prostého lidského rozumu“ [2, s. 22]. Atomismus se stal výchozím teoretickým prostředkem ve filosofických souvislostech od starověku až do současnosti. Moderní věda použila modelové konstrukce, které reagují na proces změn v kontinuitním prostoru.

V polovině 20. století se změnil zásadní zájem o řešení přístupu k předmětnosti v kauzálním pojetí reality a v časovém horizontu. Metafyzika se dostává do další možné úrovně vlastního rozšíření v prostředí moderní vědy a v jejím propojení s výsledky exaktních věd, poznatků o přírodě a v této souvislosti i aplikace teoretických poznatků přírodních věd do praxe, jinými slovy, propojení teorie a praxe. Za poněkud krátkou dobu se ukázalo, že výzkum je omezen a limitován lidským potenciálem a možnostmi lidského poznání. Z těchto důvodů dochází k zásadním změnám a orientacím, ze kterých vědci můžou vycházet a daná témata zpracovávat. Klasickým případem je pojem „prehenze“, který se stal nedílnou součástí metafyzického systému v podání A. N. Whiteheada, anglického matematika a myslitele, který je znám jako autor procesuální filosofie, nového pohledu na skutečnost s využitím klasické řecké tradice. Whiteheadova prehenze je procesem sjednocení jednotlivých (tzn. dílčích) událostí, které se v univerzu vyskytují a lidé je dokážou evidovat a pracovat s nimi. Ve svém původním významu je prehenze fenomén, který má přímou vazbu na exaktní prostředí. „Heidegger přejal a přebudoval Husserlovu myšlenku, že problém je třeba uchopit u zjevování se toho, co se zjevuje, a u struktury onoho jsoucna, jemuž se zjevující se jsoucno ukazuje. Pochopil však toho, komu se zjevy zjevují, lidské jsoucno, jako jsoucno zcela zvláštní stavby, lišící se od všeho ostatního tím, že rozumí bytí, a to tím, že se k bytí vztahuje, chová se k němu (že je tímto vztahem). Pouze tak může dojít k tomu, že je otevřeno pro jsoucno (jemuž bytí náleží). ... Člověk ve své podstatě je tato otevřenost a nic jiného“ [2, s. 24–25]. S pojmem prehenze se setkáváme v omezené míře v podání Whiteheadova filosofického systému a ve vztahu k časovému sledu událostí v podobě jejich prolínání a srůstání do nových událostí, které mají evidenci jsoucna a konkrétního projevu bytí ve všem konečném.

„Otevřenost označuje možnost (základní možnost) člověka, aby se mu jsoucno (takového způsobu, jakým sám není, i takového, jakým jest – jsoucno otevřené) ukázalo samo od sebe, tj. bez zprostředkování něčím jiným ... Že jsoucno se mu může ukazovat, je bytostná zvláštnost člověka: že se může stát pro něho fenoménem, tj. ukázat se v tom, že je a jak je. Člověk není tedy ani místo, kde se jsoucno tvoří, aby se mohlo zjevit v originále, ani není lidský duch věc, v níž se odrážejí jevy jakožto účinky vnějšího světa“ [2, s. 25]. Není nám v tomto duchu daná možnost ukazovat či zjevovat něco co nemůžeme vnímat našimi smysly, vyhodnocovat a pracovat s nimi. Člověk je sám za sebe, není zprostředkován něčím druhým ve vztahu k sobě samotnému. V tom je právě bytostné určení člověka ve vztahu ke jsoucímu. Dává jsoucnu možnost jevit se a být zde.

Závěr. Současné filosofické myšlení se nachází v procesu paradigmatických proměn, které mají počátek v první polovině 20. století. Objevují se nová témata, která vznikají v důsledku postupných vědeckých nejen objevů, ale i změn v systematickém chápání reality všednosti. To, že vše se

odehrává v procesu a na druhou stranu proces vytváří je adekvátní už klasickým starověkým autorům, kteří nerozlišují mezi bytím a děním, ale chápou přírodu jako celek, jenž je nadán protiklady, a ty umožňují fungující harmonii jsoucna, v němž je člověk jeho nedílnou součástí.

Bibliografie

1. Machovec M. Filosofie tváří v tvář zániku. – Praha : Tomáš Filip – Akropolis, 2006.
2. Patočka J. Kacířské eseje o filosofii dějin. – Praha : Academia, 1990.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ГУССЕРЛЯ И ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ

Е. А. Счастливецва

*Доктор философских наук,
Вятский государственный
гуманитарный университет,
г. Киров, Россия*

Summary. Text of article touch of the problems of intencionalen and unintencionalen experience in philosophy of Husserl. These problems extend in problems of object sphere of modern formal logic. So ideas of Husserl in sphere intencionalen experience correlative modern ideas of logical research.

Keywords: object sphere; Husserl; logical research; intencionalen experience, sense (meaning).

В своей знаменитой статье «Преодоление метафизики логическим анализом языка» [8] Рудольф Карнап высказался с предельной точностью о сущности метафизики и метафизика. По обыкновению, мы склонны отождествлять метафизику с философией и с философскими принципами исследования. Однако эти принципы стоят далеко от понятия закона, муссируемого естественными науками. Карнап упрекает философов, во-первых, в использовании нелогических понятий, то есть таких слов и выражений, которые не проверяются обычными логическими средствами. Кроме того, второе условие истинности высказывания – соответствие высказываемых идей реальности, то есть, по-иному говоря, верификация, или опытная проверка предложения на соответствие действительности, в философских высказываниях не выполняется. Принимая во внимание эту, неверифицируемую сторону философии, Карнап причисляет метафизику к искусству. Недаром философ говорит, что самый лучший метафизик – это Ницше: он ближе всего к художественному творчеству. По меткому выражению Карнапа, метафизик – это музыкант без музыкальных способностей. Мы так спокойно можем отнестись к критике философии, поскольку Хайдеггер нам завещал совсем иную программу. В этой программе мы и найдем обоснование оригинальности философских принципов и методов. Они за-

ключаются в постижении философии средствами искусства. Это то, что как раз и необходимо метафизику, как глоток свежего воздуха.

По словам Е. В. Фалеева, Хайдеггер разработал «метод рефлексивно-го анализа языка», означающий выявление на поверхность глубинных слоев языка, древнего сказания. К слову, и у Пастернака мы тоже наблюдаем подобное явление, чем и объясняются порой тяжеловесные конструкции его стихов. Так, у Стефана Георге, как пишет Е. В. Фалеев, «в поэтическом переживании схвачено то же самое, над чем извечно билось и мышление – отношение между словом (именем, знаком) и вещью: “Не быть ничему (никакой вещи) там, где не хватает слова”». В поэтическом переживании, говорит Е. В. Фалеев, «слово и имя объединяются» [12, с. 28]. Это, с нашей точки зрения, значительно упрощает логический анализ языка. Если любое собственное понятие (имя) понимать как обычное слово, то можно легко заменять одно выражение на другое, например, «Александр Македонский» и «великий греческий полководец, покоривший Среднюю Азию, Вавилон и Египет». В логической науке такие взаимозаменяемые понятия называются экстенсиалами.

С другой стороны, отношение между словом и вещью, так сложно рассматриваемое в философии, в поэтическом переживании дает точное восприятие слова «как источника бытия» [12, с. 29].

Собственно, почему возникает вопрос, откуда существует «нечто», а не «ничто»? Очевидность для древних истины, что ничто не возникает из ничего, приводит к тому, что само ничто становится отсутствием чего-либо, даже мысли, поскольку сама мысль есть атрибут существующего не-что. Отсюда как «нечто» порождает мысль? Но развитие поэтического дара простирается дальше дара метафизического и способно «понятийно», по-именно возродить проблему порождающей мысли. Мысль творит себя из уст самого Божественного существа, которое, с одной стороны, есть мировой порядок, космос, а с другой стороны, универсальный принцип существования всего живого и мыслимого, то есть источник порождения самой мысли, то есть слова. В виде слов, указаний, знаков, намеков Бог дает человеку понять, как правильно истолковать то или иное событие, и в этом задача герменевтики Хайдеггера [12, с. 33]. Истолковывать – это искусство не проявлять сообразительность, а «вслушивание» в шифры мира – задача не для каждого, а имеющего поэтический дар, поэта, метафизика, умеющего вслушиваться в ритмы жизненного мира. Такую программу предлагает нам Гуссерль, вводя в свою феноменологию аристотелевское различение, как самую отчетливую операцию мысли: различение противоположного («ни один пингвин не летает» и «все пингины летают») и различение разнородного (белое и черное), но что составляет одно и то же (цвет) [см.: 1, с. 42]. Однако Гуссерль применяет метод различения, например субъективного и объективного, чтобы от трансцендентального, всеобщего сознания (понятия) устремиться к его истокам, скрытым в глубинах субъектив-

ного сознания, и наоборот, потому что субъективные и объективные структуры (акты) коррелятивны (параллельны) друг другу.

Гуссерль различает означающее (смысл, содержание высказывания) и то, что «именует» высказывание (предмет представления, означаемое), иначе говоря, значение и знак. В отношении любого имени Гуссерль проводит различие между тем, что оно «извещает» (то есть о психических переживаниях), и тем, что оно означает (смыслом, содержанием, номинативным представлением), и тем, что оно именует (предметом представления) [6, с. 36].

Все выражения коммуникативной речи функционируют как признаки, поскольку они служат тому, кто слушает, знаками мыслей говорящего, то есть знаками его смыслодающих (*sinngibende*) психических переживаний, принадлежащих интенции сообщения. Эту функцию языковых выражений Гуссерль и называет извещающей функцией (*kundgebende*) [6, с. 37]. Знаки функционируют в качестве признаков по той причине, что они указывают на предметное содержание представления. Благодаря этому типологическому свойству знака, о нем можно говорить как о символе в том смысле, что знак здесь не простой звук или буква, а содержательно значимый знак, интенциональный объект [см.: 6, с. 66].

Психические и интенциональные переживания суть не одно и то же. Психические переживания имеют место в разговоре двух или нескольких лиц, когда одно лицо оповещает о чем-нибудь другое лицо, и понимание наступает в том случае, когда психические переживания сторон совпадают, но полного равенства между этими переживаниями все же не происходит. Гуссерль говорит, что есть два рода познающего схватывания психических переживаний. Одно из них – «действительное схватывание в адекватном созерцании», а другое – «предположительное схватывание некоего бытия на основе созерцательного, но неадекватного представления». Второе созерцание никак не связано с истиной, а является всего лишь предполагаемым бытием [6, с. 38]. Интенциональные переживания указывают на предметное содержание, символическую природу нашего мышления и связаны со значением понятия или с его знаковой, предметной функцией. Психические переживания вполне могут играть роль пропозициональных установок аналитической философии, однако Гуссерль проводит между ними и интенциональными переживаниями резкую черту. Это позволяет ему подойти к самому высказыванию с точки зрения предмета, минуя пропозициональную установку (психическое переживание говорящего лица), что способствует большей объективности, адекватности восприятия информации.

Различие между знаком и значением, по иному, предметным содержанием и его модификациями позволяет Гуссерлю выстраивать выражение, его смысл и соответствующую предметность. Он осуществляет «поворот от реального отношения» смыслопорождающих «актов к идеально-

му отношению их предметов, или, скорее, содержаний». Так, субъективное рассмотрение уступает место объективному рассмотрению [6, с. 45].

Но *как* предмет обнаруживает свою «истинность»? [14, с. 171]. Очевидность действительно имеет место только в области идеальной как «усмотрение» сущности, как-то, что $1+2=2+1$, где оно выступает в адекватной данности. Здесь само «усмотрение» «разумно» (аподиктическая сущность, аподиктическое – необходимое – усмотрение). Здесь мы наблюдаем адекватность в эйдетической области и неадекватность в сфере опыта [14, с. 162]. Но как можно сочетать «царство идей» с очевидностью? Ответ тут напрашивается сам собою – идеальное усмотрение сущности, причем очевидность выступает ее «эквивалентом». Эта эквивалентность сущности означает, что «всякому “истинно существующему” предмету принципиально соответствует (в априорности безусловной эссенциальной всеобщности) *идея возможного сознания*, в котором предмет сам может быть подмечен (erfassbar) *первично*, и притом *совершенно адекватно*. Обратно, если эта возможность обеспечена, то предмет eo ipso истинно существует» [14, с. 163]. Роль идеи возможного сознания здесь выполняют «безвременные» идеи Гуссерля. Всеобщность как раз означает, что существует идея *возможного сознания*, так как в возможности может быть дан любой предмет, и в принципе, в возможности в сознании может оказаться каждый предмет. То есть, по сути, любой предмет может попасть в сферу сознания, что означает его принципиальную универсальность, которая черпает свои идеи из «царства» «априорной безусловной эссенциальной всеобщности». По сути, возможность любого сознания и подразумевает универсальность идеального, логического.

Шпет провозглашает мотивированность и разумность самого действительного бытия» [14, с. 170]. Эту тему он продолжает в другой своей работе [13]. Основная мысль ее в том, что Кант вымывает реальное основание из философии и оставляет одно логическое, и именно в таком виде философия Канта была воспринята его последователями. Между тем превращение ratio в чисто логическую форму тесно связано с устранением понятия сущности как трансцендентальной формы. Основание вещи как внутреннее ее свойство связано с ее сущностью. Еще Мейер указывал, что причина вещи связана с ее возможностью, а сущность – источник возможности как системообразующий ее принцип. Нельзя сказать, что люди и вещи – источники происхождения самих вещей как нечто внешнее по отношению к ним самим. Источником возможности не может быть вещь как нечто уже существующее вовне, тогда как сущее, которое только и может, что разворачиваться из внутреннего своего состояния во внешнее, как раз и подходит на роль источника всякой возможности вещи. Но как предмет обнаруживает свою «истинность», свою «разумность»? Как «возможное» становится действительным? Философ полагает, что частично эту проблему разрешает Юм, хотя бы феноменологической ее постановкой принять

на веру бытие и действительность самих явлений. Шотландская философия пыталась разрешить «сомнения Юма». Но именно Якоби, остававшийся на позиции *до* всякой теории, говорит, что «у реалиста нет ничего, кроме самого дела (*die Sache*); ничего, кроме факта, что вещи (*die Dinge*) действительно стоят перед ним». И этот факт, вещь есть атрибут веры. У нас есть только вера в действительное существование вещей. В их реальности мы убеждаемся только исходя из самого факта их существования [13, с. 46–48].

Феноменологическое означает дотеоретическое. «Живой и продуктивный метод описания не терпит никаких теоретических конструкций, а неисчерпаемое поприще для приложения всякого творчества – в интуиции». Старый спор о единичном и общем, реализме и номинализме в феноменологии переводится в «живую гущу интуитивного опыта, который в целом переживания и составляет “начало” и “источник”, “платоновское царство идей, раскрывающееся нам как наше царство”, и составляет одну из самых больших заслуг феноменологии [14, с. 217].

Чтобы разобраться в дотеоретическом, что же оно такое, обратимся к проблемам современной логики объектов. Проблема здесь была заложена еще во времена Фреге, когда возник вопрос о «пустых» понятиях. Проблема несуществующих объектов обозначилась как раз вследствие непонимания различий между абсолютно объективными и intersубъективными денотатами терминов («золотая гора», «кентавр», «единорог» и др.) [3, с. 104]. В отличие от Фреге Гуссерль признавал за данными терминами определенные значения. Кроме того, он считал, что если значение отождествляется с предметностью, то такое выражение, как «золотая гора», действительно не обладает значением [см.: 5, с. 122–123]. Однако значение Гуссерль отождествляет не с предметностью, а смыслом. Действительно, пишет А. В. Бессонов, в «Логических исследованиях» он приходит к выводу, что значения лингвистических выражений представляют собой нозматические смыслы соответствующих актов сознания. В *Идеях* же он высказывает тезис, согласно которому все нозматические смыслы могут быть выражены в языке, а значит, они принадлежат области лингвистических значений. Отсюда следует гуссерлевское отождествление значения и нозматического смысла. Всякое лингвистическое значение выражает определенный нозматический смысл, выразимый в языке [2, с. 21]. Из логики Гуссерля вытекает, что значение не объективно или субъективно, а intersубъективно, социально. Согласно концепции И. С. Нарского [3, с. 105], лингвистическими значениями могут обладать объекты различной природы: чувственно-воспринимаемые предметы, идеальные объекты, абстракции, процессы и т. д. Такое понимание соответствует гуссерлевской концепции intersубъективности.

Из логики, таким образом, не должны изгоняться мысленные объекты. Мы говорили, что Фреге рассматривал несуществующие объекты как

не обладающие денотативным значением [3, с. 105]. И тогда, интерсубъективные выражения мы вправе рассматривать как существующие. Во вторых, традиционно считается, что понятие истины – фундаментальное понятие самой логики [2, с. 73]. Согласно парадоксу лжеца, предложение, сформулированное Эвбуленом в IV веке до н. э.: «То, что я сейчас говорю – ложно», – истинно тогда и только тогда, когда оно ложно. Но данное предложение не истинно и не ложно, ибо в нем ничего реальное не утверждается и не отрицается, никакой предмет: что говорит Эвбулен, о чем он сейчас говорит? Тарский, строя логическую теорию истины, использует две идеи: 1) переход от естественного к формальному языку и 2) разделение языка на два уровня: язык и метаязык. Причину парадоксов он усматривает в семантической замкнутости естественного языка, поэтому семантика языка может быть выражена только в метаязыке, более богатом и в котором достаточно средств выражения объекта-языка. Более того, Тарский считал, что в естественном языке невозможно построить непротиворечивое определение истины, то есть невозможно ее непротиворечиво выразить [2, с. 78]. Однако предположение А. Тарского о том, что содержание всякой научной теории может быть адекватно формализовано средствами ее метаязыка, оказалось неверным. Поэтому лучше всего ориентироваться на естественный язык [2, с. 79]. Кроме того, имеется строгое доказательство непротиворечивости естественных замкнутых языков [2, с. 79]. Более того, именно развитие концепции предметной области, например в семантике возможных миров, дало мощный толчок построению самых разнообразных систем модальной логики, их все более широкому применению для экспликации реальных рассуждений, не укладывающихся в стандартную логику экстенсиальных предикатов [2, с. 95].

Теперь нужно уточнять отношения между понятиями «естественного языка» и сами эти понятия. Привлечение концепции предметной области оправдано, когда эксплицируемый контекст естественного языка достаточно определенно выражает отношение языка, а через него и мышления, к внеязыковой действительности (в этом случае предметная область – это модель внешнего мира) [2, с. 96]. Предметная область как совокупность идентифицируемых значений терминов, введение которых не означает связи с «обоснованием логического вывода» и осуществляется на предлогическом уровне, является фундаментальным условием применимости символической логики как таковой [2, с. 97]. Таким образом, мы подошли к весьма важному положению о том, что существует некий предлогический уровень, который представлен, скорее всего, предметными структурами, исходящими, как мне кажется, из общего идеального (системообразующего) источника, который и формирует эти структуры. Существует некий предлогический, дотеоретический уровень, предшествующий семантической логике.

Формальная логика Аристотеля зафиксировала в законе тождества ($A=A$) неизменность смысла (значения выражения). Применение символической логики – от аристотелевской силлогистики и до современных формальных систем – основывается на предпосылке, согласно которой лингвистическое выражение используется всегда в одном и том же смысле, то есть не изменяет своего значения [2, с. 96], и в этом выражается предлогическая предпосылка идентификации значения термина «А» [2, с. 98]. В то же время существует тенденция на изменение или наращивание смыслов. Даже мыслимое, intersубъективное существование «пустых» слов и выражений может говорить в пользу смысловой концепции, поскольку в этих выражениях при отсутствии предмета, есть intersубъективное образование – смысл. Концепция А. Лосева, к примеру, тяготеет к самопорождающемуся и саморазвивающемуся смыслу, без которого «естественная речь» не имеет никакого отношения к проблеме истинности [4, с. 699].

«Схватывание» и есть акт интеллектуальной интуиции, а посему он уже изначально содержит в себе логику. Идеация – это такой интенциональный акт, который отождествляет предмет с идеей, но только интенционально, коррелятивно [4, с. 431]. В этом акте идеации мы «переживаем идею», закон тождества, закон логики [4, с. 433]. При этом идеализирующие акты меняются, как предметы, а смысл их остается один и тот же ($2 \times 2 = 4$). Акты созерцания или восприятия, в которых данный смысл находит свое конкретное «выполнение», Гуссерль называет «*bedeutung erfüllende Akte*» («выполняющие смысл акта» [4, с. 436]. Смысл может быть возможным и невозможным (круглый квадрат). «Совпадение, мыслимое в идее, и есть истина. Она не предполагает действительного совпадения, *реального выполнения*; это совпадение мыслится в ней только как возможное только в идее». Отдельные акты этого совпадения суть акты переживания истины или акты очевидности, то есть адекватного восприятия истины. При этом истина не входит в наше сознание, она только находит в нем конкретную реализацию (например, как число пять реализуется в пяти пальцах руки) [4, с. 437]. Задача трансцендентального метода есть проецирование внутреннего предмета (содержания сознания) вовне, то есть его объективирования или опредмечивания [4, с. 440]. Проецирование предмета вовне (или объективация) происходит путем «категоризации» сознания. Интенция направляет «катеґорию» на конкретный предмет и таким образом предполагает объективацию в акте суждения (трансцендентальный метод). Но акт суждения здесь является чисто логическим, закономерным, поскольку мир не есть объект моей психики, поскольку она сама часть этого мира. Мир есть объект науки, логики, логического акта суждения как атрибута универсальной истины, коррелята мира-объекта [4, с. 441].

Таким образом, можно сказать, что отношение между чистой логикой и феноменологией, которым проникнуто все творчество Гуссерля, состоит в том, что структуры субъективного акта и объекта – абсолютной ис-

тины – коррелятивны. Но это уже вопрос коррелятивного исследования [15, с. 113]. Имманентизм и реалистическая феноменология, уповая на непосредственность восприятия очевидности, все же не прописывают генетическую, конститутивную структуру сознания, это оказалось под силу лишь трансцендентальной феноменологии. С другой стороны, с реалистической феноменологией связан ярко выраженный персонализм, который у Гуссерля не получил должного развития [7, с. 149]. Персонализм как раз нашел свое воплощение в реалистической феноменологии Н. О. Лосского.

У Гуссерля не сама очевидность встроена в сознание, то есть находится в нем, а она существует через коррелятивное а priori категорий к бытию в акте полагания. Категории у Канта выводят нас к очевидности, опытному, трансцендентному. У Гуссерля же они находятся в коррелятивном отношении к действительному. Коррелятивная логика берет свое начало еще от Аристотеля, когда мысль устанавливается тождественной предмету. Только Гуссерль выстраивает корреляцию между восприятием и воспринятым. Тем не менее метод корреляции есть лишь способ конституирования очевидности, и он не является конечной идеей Гуссерля. В этом смысле можно процитировать Боузида, который сказал, что «в корреляционном анализе нозматического акта и нозматического предмета не содержатся задачи феноменологического анализа». Шестое Логическое исследование интенционального сознания подводит к тому, что «корреляционный анализ» носит «только вспомогательный характер». Цель «Логических исследований» первоначально разъяснялась как истина, которая состоит в том, что «основание абсолютного познания просматривается через феноменологическое исполнение чувственных феноменов в очевидности» [17, с. 40]. В этом отрезке рассуждений интересен феномен внутреннего опыта, который также приводит к очевидности и может быть использован как имманентной философией, так и феноменологией. Размышления о внутреннем опыте мы находим уже у Августина Блаженного, когда он говорит, что каждый человек видит и знает только один свой ум и не видит ума других людей [11, с. 579]. Если признать, что душевная организация сходна у всех людей, то можно с утверждением Августина не согласиться. В этом смысле интересно рассуждает Джоберти, о том, что субъективные устремления людей не только индивидуальны, но и конкретны, так как подразумевают в своем существе конкретный предмет («чувственное впечатление обуславливается восприятием самого предмета») [15, с. 578].

Библиографический список

1. Артамонова Ю. Д. Ум в интерпретации Аристотеля и Декарта и некоторые особенности новоевропейской логики // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. – 1993. – № 6. – С. 35–55.
2. Бессонов А. В. Предметная область логической семантики. – М., 2010. – 112 с.
3. Бессонов А. В. Теория объектов в логике. – М., 2010. – 136 с.

4. Гоготишвили Л. А. Лосевская концепция предикативности // Лосев А. Ф. Личность и Абсолют. – М., 1999. – С. 393–494.
5. Гуссерль Э. Избранные работы. – М., 2005.
6. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. I. Исследования по феноменологии и теории познания. – М., 2011. – 565 с.
7. Зайферт Й. Значение *Логических исследований* Гуссерля для реалистической феноменологии и критики некоторых гуссерлевских текстов // Вопросы философии. – 2006. – № 10. – С. 130–152.
8. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. – 1993. – № 6. – С. 11–26.
9. Ланц Г. Эдмунд Гуссерль и психологию наших дней // Вопросы философии и психологии. – 1909. – № 98. – С. 393–494.
10. Лосский Н. О. Новая форма философского критицизма (по поводу книги А. И. Введенского «Логика как часть теории познания») // Вопросы философии и психологии. 1912 (1).
11. Попов И. Учение Блаженного Августина о познании // Вопросы философии и психологии. 1915 (130).
12. Фалеев Е. В. Герменевтический метод М. Хайдеггера в применении к стихотворению Стефана Георге «Слово» // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. – 1993. – № 6. – С. 27–34.
13. Шпет Г. К истории рационализма XVIII века // Вопросы философии и психологии. – 1915. – № 126 (1). – С. 16–61.
14. Шпет Г. Явление и смысл. – М., 1914.
15. Шпигерльберг Г. Феноменологическое движение. – М., 2002. 678 с.
16. Эрн В. Философия Джоберти // Вопросы философии и психологии. – 1915 (130).
17. Bouzid K. Die phänomenologische Methode und ihre ontologische Relevanz. Die Weiterführung der Phänomenologie E. Husserls durch M. Heidegger. Und das daraus entsprungene Ontologieverständnis. – Münster, 1999. – 144 s.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ИДЕИ ДВИЖЕНИЯ «СИРХАК»

Н. М. Тангатарова

*Студентка,
Ташкентский государственный
институт востоковедения,
г. Ташкент, Узбекистан*

Summary. This article is devoted to the ideological movement of Korea, which took place in 17–18th centuries. There are the origin and further development of the movement being observed in this part. Also the main purposes of the movement and the supporters' attitude to the country's condition are highlighted. There are ideas of the Syrhak advocates on economical and cultural development of the country.

Keywords: Korea; Syrhak; ideological movement; social reforms.

В результате переломного периода в феодальном режиме Кореи, среди господствующего сословия стали все чаще наблюдаться разногласия и классовая борьба. И утверждение крепкой диктатуры норонов-«стариков», имевшее место в XVIII и первой половины XIX веках, вовсе не

знаменует ликвидацию конфликтов среди властвующих. Это была лишь попытка концентрировать силы для отражения все более усиливавшегося сопротивления со стороны крестьянства и влияния торгово-ремесленных слоев населения [2].

Крестьянство выражало свое несогласие по поводу безжалостной эксплуатации и угнетения со стороны землевладельцев, и именно в то время начали появляться литературные и фольклорные произведения, выражавшие мечты крестьян о лучшей жизни. Но стоит отметить, что в ходе тех самых разногласий в феодальном обществе Кореи, некоторые представители высшего сословия приняли сторону сил, направленных против феодалов. Тем самым они отреклись от старых конфуцианских принципов и принялись пропагандировать идейное движение сирхак («за реальные науки»). Из этого следует, что идейное течение зародилось в XVII–XVIII вв. Оно выражало интересы борцов за модернизацию общества, и искало выход из сложившейся ситуации, в которой находилась феодальная Корея.

Еще в XVI веке корейский философ Ли И, будучи не представителем идейного течения сирхак, придал этому понятию несколько иное значение: согласно ему, под «реальными» следует понимать науки, применимые в практике.

Однако, несмотря на то, что само, движение «Сирхак» было целым мировоззренческим проявлением, ставшим следствием определенных исторических условий в Корее XVII–XVIII веков, пропагандисты же, выдвигавшие сирхакистские идеи, было разрозненны в организационном плане. В социальной жизни того времени были отмечены два основных очага. И это было вполне естественно для страны, внутривластная обстановка которой представляла собой две партии высшего сословия, разделенные в XVII веке. Эти две партии были «южная» и «западная». «Западная», в свою очередь, была разделена на две конфликтующие партии – «стариков» и «молодых».

Одним из очагов объединения литературных и интеллектуальных сил служило семейство Ли во главе с Ли Иком (1692–1764), талантливым и выдающимся сирхакистом, а также его племянником Ли Ёнхю – не менее ключевой фигурой в литературной и общественно-политической жизни государства. В этот состав стоит включить и сыновей Ли Ёнхю – Ли Гахван и Ли Онджин, внесших огромный вклад в развитие корейской литературы и культуры. В том числе ученики и последователи Ли Ика и Ли Ёнхю – Ан Джонбок (1712–1791), Сим Гвансе (1712–1775), Ли Гванса и др. Кроме того, под влиянием этой ассоциации мыслителей и ученых, как гордость корейской культуры сформировался виднейший сирхакист Чон Ягён. Основой для образования этого союза послужила выше упомянутая «южная» противодействующая партия [3].

Вторая же ассоциация ученых сформировалась на базе «западной» партии. Руководителями этого объединения выступали Хон Дэён (1731–

1783) и Пак Чивон (1737–1805) – признанные деятели «Сирхак». Также не менее известны «четыре стихотворца», стремившиеся к этой ассоциации. Это были Ли Согу (1754–?), Пак Чега (1750–1805), Лю Дыккон (1748–?), Ли Донму (1741–1793). Данное звание объясняется тем, что все четверо обладали поэтическим дарованием. Помимо их, ряд последователей Хон Дэёна и Пак Чивона пополняют естествоиспытатель Ким Чон Хи, Ли Кю Ген, Чхве Ханги и другие, выступавшие приверженцами «учений с Севера». Так как и изобразительное искусство вошло в число областей деятельности Сирхак, к представителям этого течения можно отнести корейского художника Ким Хон До, художника Син Юн Бока, выдающихся мастеров пейзажа конца XVIII и первой половины XIX века Син Ви (автор картины «Черный бамбук») и Нам Ке У. Также ярыми сирхакистами были ученые XVI века, такие, как Хан Бэккём (1552–1615) и Ли Сугван (1563–1628), Ким Юк (1580–1658). Среди ученых XVII века был Лю (Ю) Хёнвон (1622–1673).

Как нам уже известно, XVII век в Корее отмечен расколом в обществе. И сирхакистское движение явилось результатом подобного рода конфликта. Приверженцами этого идейного движения преимущественно были представители интеллигенции, которые путем глубокого осознания положения своей родины пытались найти выход из внутривластного и экономического кризиса, настигнувшего страну после Имджинской (1592–1598) и Маьчжурской (1637) войн [2]. Пришедшая в упадок экономика страны все же систематически возобновлялась. В основном, это касалось сельского хозяйства. Теперь города исполняли роль не только административных, но и ремесленных и торговых центров. Соответственно, увеличивалась численность населения в этих городах. Все активней давало о себе знать среднее сословие. Однако государство оказалось неспособным отвечать требованиям времени в силу своего феодально-бюрократического режима. Аффективные ограничения, строго контролировавшие внутреннюю и внешнюю торговлю, влекли за собой застой в экономике страны. Так называемая политика «закрытых дверей», обеспечивавшая внешнеполитическую изоляцию государства, ставило под угрозу корейскую науку и культуру. И единственным спасением из создавшегося положения сторонники движения «Сирхак» считали реформы. Они понимали необходимость ввести реформы в самые различные области жизни. Выражая недовольство по поводу существовавшей системы землепользования, они ратовали за справедливое распределение земли между теми, кто на ней трудился непосредственно (В своих трудах Пак Чивон и Чон Ягён пытались отразить крестьянские представления о справедливом землепользовании). Чон Ягён известен тем, что находясь в длительной ссылке, он создал социальную утопию, проект идеального общества, где главенствующим принципом было: «Земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает, и не может принадлежать тем, кто ее не обрабатывает». Особое внимание со стороны сирхакистов было уделено сфере образования. *Сирхакисты* призывали к отказу

от *исключительного* изучения конфуцианской классики, настаивая на введении в школьную программу таких предметов, как родная история, география, арифметика. Их главной целью была ликвидация существовавшей системы государственных экзаменов на чин, сфокусированные на книжном, отдаленном от жизни знании, на догматическом толковании древних китайских текстов, что требовало многих лет подготовки. Приверженцы «Сирхак» ратовали за развитие практических наук, заимствование научных и технических достижений Китая и Запада, протестовали против политики «закрытых дверей», приостанавливавшей не только развитие экономики, но и научную мысль Кореи. Кроме этого, они выступали за равенство представителей всех сословий в отношении образования. Сирхакисты требовали создания необходимых условий, дававших возможность талантливым людям из низов проявить себя. К примеру, сирхакисты Пак Чега и Хон Дэён предлагали наделять чиновничьей должностью не только янбанов и их потомков, а также и простых людей, имевших соответствующие способности. Также они подвергали критике представителей высшего сословия за косность мысли и прихлебательский образ жизни [1].

Идейное течение «Сирхак» – явление сложное и противоречивое. Объективно, сторонники данного течения направляли свою деятельность против существовавшей социальной системы, и тем самым, расстраивали основы феодального общества. Тем не менее, осознание ими положения государства оставалось в рамках тех же конфуцианских представлений о личности и обществе. Соответственно, они считали себя преданными поданными государя и, радея о благе своей родины, с помощью реформ и знаний они пытались укрепить те же устои в государстве.

Библиографический список

1. Андропова Л. А. Культура Кореи. – М., 2014. – 84 с.
2. Курбанов С. О. История Кореи с древности до XXI века. – М., 2009. – 680 с.
3. Лосева Е. А., Войтишек С. В. Литература Кореи. – М., 2009.

II. MODERN EPISTEMOLOGY: CATEGORIES, PRINCIPLES, THEORIES

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ВО ФРАНЦУЗСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ

Е. В. Золотухина-
Аболина,
В. Е. Золотухин

*Доктор философских наук, профессор,
Южный федеральный университет,
Доктор философских наук, профессор,
Ростовский государственный
строительный институт,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Summary. The article considers the problem of the interpretation of the basic theoretical paradigm by the followers of its founder. The author examines Husserl's phenomenological paradigm as an example of the interpretations diversity and demonstrates special features of re-thinking of Husserl's main ideas by Merleau-Ponty, Levinas and Dufrenne. Also, the author concludes: the interpretation change the paradigm in different aspects i.e. the method, the topic and the main object.

Keywords: paradigm; interpretation; phenomenology; object; method; themes; the author's pathos.

Феноменология – одно из самых странных и загадочных направлений философствования XX века, продолжающее свою активную интеллектуальную деятельность и поныне. Многие философские школы, имеющие у своих истоков «отца-основателя», были распылены последователями на многочисленные ответвления-интерпретации, по-разному истолкованы, в результате чего на свет появились неокантианство и неогегельянство, неоплатнизм и неотомизм, большое количество школ психоанализа и марксизма. Думается, феноменология занимает в этом списке «перетолкованных парадигм» едва ли не первое место. Бросим взгляд на ведущие идеи «основателя феноменологической парадигмы» Э. Гуссерля и убедимся, что последователи уходят от «своего исторического корня» так далеко, что едва ли могут считаться феноменологами, строя свою собственную совокупность взглядов и сохраняя лишь слабый, сугубо субъективно понятый «мостик» между теоретическим истоком и всем корпусом последующих текстов, принадлежащих «ученикам и сторонникам».

Для удобства сравнения выделим главные моменты, составляющие «парадигмальный каркас» всякого философского учения. Это – предмет исследования и понимание его специфики, метод исследования, главные темы, открытые «отцом основателем» характеристики предмета, а также ведущий пафос и задачи, которые хочет решить автор, разрабатывающий

свой оригинальный подход, способный дать плоды в виде последующих разработок.

Э. Гуссерль, который сам активно менялся и развивался в ходе творчества, тем не менее, предложил миру несколько фундаментальных идей, которые и составили его авторскую «феноменологическую парадигму». Предмет его изучения – сознание, причем взятое и как «чистое» (в установке редукции), и как обычное. Метод изучения сознания – дескриптивный, основанный на факте очевидности. Результат исследования – структура и характеристики сознания: смыслы, феномены, интенциональность, свобода, нозис и нозма, идеация, разные способы полагания внутренних предметов. Ведущие темы: достижение «трансцендентальной субъективности», горизонтность мировосприятия, понимание Другого, интерсубъективность. Пафос – сначала стремление к научной строгости, затем – переход к пониманию укорененности сознания в жизненном мире.

Многие эти сюжеты оказались отвергнуты французскими интерпретаторами учения, хотя после Второй мировой войны центр феноменологических исследований сместился во Францию. Французы взяли из «парадигмального каркаса» буквально, что захотели, то, что было каждому из них интуитивно близко, и отбросили одну из важных идей Гуссерля – трансцендентальную субъективность. Об особенностях французских интерпретаций мы можем достаточно подробно и обстоятельно прочитать у И. С. Вдовиной и Г. Шпигльберга [1; 3], здесь же ограничимся коротким сопоставлением подходов. И. С. Вдовина отмечает, что феноменология во Франции была тесно связана с экзистенциализмом и впитала в себя многие идеи М. Хайдеггера, так, что подходы Гуссерля и Хайдеггера сплелись во французской интерпретации в единое полотно, кроме того, на первый план вышла тема интерсубъективности, причем в некоторых случаях она получила своеобразное прочтение (например, у М. Дюфрена). В чем же была изменена и существенно перетолкована феноменологическая парадигма?

1. **Морис Мерло-Понти.** Отталкиваясь от гуссерлевской идеи «предданного», М. Мерло-Понти делает *предметом* своего интереса целостный человеческий опыт с акцентом на его дотеоретических слоях. Его интересует не «чистое сознание», а восприятие, тесно связанное с человеческим телом и само «феноменальное тело», которое задает условия восприятия. Тело – целостность и ведет, по его мнению, к постижению целостности, оно также несет в себе опыт свободы.

Метод постижения восприятия и тела в их связи с миром – не очевидность или идеация, несущая в себе заряд интеллектуализма, а вопрошание, полное желаний и страстей. Одна из главных *тем* автора – бытие, в то время как гуссерлевское сознание само является особым регионом действительности, для которого не важно, существует ли предмет. «Дикое бытие» – основа воспринимаемого мира, человеческая чувствительность исходит из «пред-восприятия», переплетенного с миром. Полагая, что «про-

должает феноменологическую редукцию», Мерло-Понти обращается к теме «плоти», которая оказывается у него некой сращенностью объективного и субъективного, проходящей по линии прикосновения. Иначе, нежели Гуссерль, понимает Мерло-Понти и проблему Другого: здесь нет гуссерлевской драматической постановки вопроса о закрытости чужого сознания от нас. Напротив, Я и Другой для Мерло-Понти – это концентрические окружности, которые отличаются друг от друга едва заметным смещением. Я, мир и Другой – единая плоть, Другой даже «излишествует» в моем восприятии, он присоединяет к моему миру собственный мир опыта. Пафос Мерло-Понти – пафос телесного, чувственного единства действительности, которое обеспечивает восприятие.

2. *Эммануэль Левинас*. Предмет исследования Э.Левинаса (если считать исследованием его таинственные мифо-художественные тексты) – это индивидуальность и конкретность. Метод осмысления ее – метод описания, но описания метафорического, образного, не строгого. Сам Левинас полагал, что в своей устремленности к единичному и неповторимому, он додумал то, чего не додумал основатель парадигмы – Э. Гуссерль. В частности, он развивает гуссерлевскую тему очевидности переживания вне всякого внешнего эталона, для него «значение конечного в самом конечном». Феноменологическая редукция видится ему способом обнаружить конкретную жизнь помимо любых обобщений (в работах самого Гуссерля, по его мнению, не хватало как раз «жизни»). Тема интенциональности трансформируется у Левинаса, сужаясь по своему смыслу: это прежде всего, «направленность на Другого». Левинас также развивает заявленный Гуссерлем сюжет об инаковости Другого (так как другой создает свои смыслы) и доводит этот сюжет до крайности: Другой оказывается у него радикально Иным.

Главный пафос и ряд ведущих тем Левинаса связаны с этическими установками. Левинас – борец со всеобщим в любых его видах (в частности, с Бытием, которое для него безлично и все нивелирует). Человеческое Я он именует словом Тожественное и видит в нем попытку тотальной нивелировки всего Иного. Однако насильнические устремления Я умеряются наличием Другого (Иного), который является источником человечности, запрета на убийство, ограничителем свободы Я. По Левинасу Другой всегда приоритетен (чего, несомненно, не было у Гуссерля), право на жизнь Другого предшествует праву на жизнь нашего Я. Этическая позиция диктует нам отказаться от «эгоизма Тожественного» в пользу Другого, быть ответственными перед Другим и за Другого. В то же время наша забота и ответственность не могут быть активными. С Другим мы встречаемся в нашей пассивности, не навязывая ему ничего, ожидая того, как он сам себя выразит. Другой несет мне Истину вне языка и логики, а опыт человеческой близости с Другим возможен потому, что мы оба смертны. Совсем далеко уходя от исходной феноменологической терминологии, явно и не-

явно обращаясь к религиозным текстам, Левинас говорит о чистом опыте явления нам Лица Другого. Это «опыт без концепта», след Бога. В подобной встрече душа взирает на душу.

3. *Микель Дюфрен*. Эстетическая концепция М. Дюфрена – еще один вариант «ухода от парадигмы» при сохранении косвенной связи с ней. Дюфрен, как и другие французские авторы, отказывается от темы трансцендентальной субъективности, заменяя ее воплощенным сознанием. Главный предмет его исследования – эстетический объект (произведение искусства) в связи с художником и зрителем (читателем, слушателем). В отношении метода он идет по пути описания, которое, впрочем, не лишено анализа и сравнений, так как речь идет не о внутреннем мире как таковом, а о сложном переплетении творческого созидания и восприятия, в которое вовлечены разные люди и плоды их совместной активности. В художественном объекте Дюфрен видит выразительный объект, наполненный эмоциями и переживаниями, потому кантовское априори, предваряющее познание, радикально трансформируется у него в «аффективное априори». Этот, можно сказать, экзистенциал, означает у него глубинную родственность художественного произведения, созданного человеком для человека, внутреннему миру людей, а внутреннего мира – одухотворенной природе. «Все соответствует всему», в основе действительности лежит принцип взаимной прозрачности и открытости, корреляции, эмоции и переживания объединяют дух явный и дух неявный (Природу, понятую в шеллинговском ключе). Интенциональность, по Дюфрену, свойственна не только субъекту, но и объекту, а творец не только создает свой художественный мир, но и сам оказывается вызван и призван неким художественным миром. В то же время «автономная истина», которую несет произведение, требует зрителя, и эстетический опыт сбывается именно в зрительном зале, при чтении романа или созерцании статуи. Только сотворчество зрителя дает жизнь и реализацию художественным произведениям. Встреча трех компонентов: творца, произведения и зрителя, возможна лишь за счет аффективного априори. «Мир и человек состоят из одной и той же плоти, принадлежат одному и тому же роду». Гуссерлевский вопрос о «понимании Другого» снимается с повестки дня фактом «симпатической рефлексии»: творческая выразительность получает выразительное переживание.

Завершая этот небольшой и неполный обзор французских интерпретаций феноменологической парадигмы, хочется отметить, что сегодня французские авторы еще дальше отходят от идей «отца-основателя», обратившись к «глубоким феноменам», «скрытым феноменам», к структурам бессознательного, к религиозным и мистическим переживаниям, к рассмотрению «кажимостей» и «мерцающих феноменов» [2]. Видимо, данный Э. Гуссерлем посыл свободы и очевидности, не может не воплощаться в постоянном рождении новых версий феноменологии.

Библиографический список

1. Вдовина И. С. Феноменология во Франции. – М. : Канон+2009. – 400 с.
2. (Пост)феноменология (новая феноменология во Франции и за ее пределами) / сост. С. Шолохова, А. Ямпольская. – М. : Академический проект, 2014. – 288 с.
3. Шпигельберг Г. Феноменологическое движение. – М. : Логос, 2002. – 680 с.

РЕФЛЕКСИВНО-МЫСЛИТЕЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ СРЕДСТВО В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

И. Ф. Ивашкин

*Кандидат философских наук, доцент,
Вологодская молочнохозяйственная
академия им. Н. В. Вережагина,
г. Вологда, Россия*

Summary. The article analyzes the reflective-thinking mechanism as a means of removing the difficulties in communication, thinking and acting. Reflective-thinking mechanism is revealed as platemaking start as a special intelligent technology, which, settling in personality, becoming its capacity as an organization.

Keywords: reflective-thinking mechanism; a way-ness; identity; activity; intellectual means.

Актуальность данной темы определяется реформами в образовании, введением компетентностного подхода в Госстандарте третьего поколения, описанием множества компетенций, куда входит и рефлексия как компетенция учителя и ученика, преподавателя и студента. В работах, посвященных анализу рефлексии как компетенции, рефлексия рассматривается на основе исследований в философии, философских, психологических и педагогических словарях. Например, в Энциклопедическом философском словаре рефлексия определяется, как процесс осмысления чего-либо при помощи изучения и сравнения [10, с. 395]. В Аналитическом словаре рефлексия определяется как анализ человеком собственных действий в реализации нормы [1, с. 87]. В психологическом словаре К. К. Платонова рефлексия определяется как самопознание в виде размышлений над собственными мыслями [9, с. 127]. В педагогическом словаре под редакцией Л. Н. Юмсуновой рефлексия предстает как размышление полное сомнений и противоречий, как самопознание, самооценка, как сознательное отражение деятельности для ее регуляции и т.д. [7, с. 76]. В методологическом словаре О. С. Анисимова говорится, что рефлексия – это процесс коррекции способа действия через посредство реконструкции хода действия и причин затруднений [2, с. 157]. В работе А. А. Бизяевой «Психология думающего учителя. Педагогическая рефлексия» на основе анализа представлений о рефлексии в философии и психологии анализируется вопрос о

профессиональной рефлексии учителя. Автор раскрывает понятие педагогической рефлексии, ее роль в педагогической деятельности учителя, выделяются виды педагогической рефлексии, представлены современные концепции рефлексии. В качестве задачи для А. А. Бизяевой предстает такое исследование рефлексии, которое бы позволило этому феномену стать объективной реальностью, доступной для изучения [4]. По мнению А. А. Бизяевой, рефлексия педагога в деятельности – это мысленный анализ проблемы, ее постановка и решение в личностной позиции [4, с. 62]. Подобное понимание педагогической рефлексии совпадает с трактовкой рефлексии в современной методологической культуре, когда рефлексивный анализ предстает как циклический процесс, завершающий депроблематизацией, проектированием и реализацией проекта [3, с. 178]. Следует заметить, что еще Джон Дьюи писал о необходимости формирования рефлексивного мышления, подчеркивая тот момент, что рефлексия – это мыслительные утверждения, которые должны базироваться на основаниях, на высших критериях [5, с. 15], но его начинание подхватывается только в последние годы. Интересной представляется мысль Е. И. Кузьминой о единстве рефлексии и деятельности, но она рассматривает этот вопрос в аспекте психологии [8], а не как социально-кооперативное образование. Надо заметить, что вопросам рефлексии в современном образовании посвящено много работ, но реально в условиях информационного потока у студентов все больше проявляется «клиповое мышление», а не рефлексивное.

Все это ставит вопрос о дальнейшей разработке рефлексивно-мыслительного механизма. Для того, чтобы отличать термин «рефлексия» в психологических, философских и педагогических исследованиях в статье будет использоваться термин рефлексивно-мыслительный механизм как понятие современной методологической культуры. В аспекте механизма рефлексия предстает как целостное образование, представленное внутри себя концептуально-технологически.

Целью данной статьи является анализ рефлексивно-мыслительного механизма не как продукта познания, а как интеллектуального средства на основе современной методологической культуры.

Выход на интеллектуальное средство обусловлен разработкой деятельностного подхода в современной методологии. Осознание мира деятельности как процесса реализации нормы привело к разделению деятельности на управленческую и исполнительскую, на материальную и интеллектуальную. Интеллектуальная деятельность стала рассматриваться не просто как активность субъекта деятельности, а как организованность со своим исходным материалом, конечным продуктом, средством, способом использования средства, нормами и способностью субъекта деятельности [1, с. 42]. Норма и становится продуктом управленческой деятельности.

В осуществлении деятельности могут возникать затруднения, в том числе, и в управленческой. Для снятия затруднений и используется ре-

флексивно-мыслительный механизм: простой, если деятельность функционирующая, и сложный, если речь идет о развитии деятельности. Таким образом, в современной методологии деятельность и рефлексивно-мыслительный механизм рассматриваются в единстве. За счет рефлексивно-мыслительного механизма деятельность проектируется, а в ходе функционирования деятельности вновь обращаемся к рефлексивно-мыслительному механизму, если возникают затруднения. А сегодня они возникают постоянно, что и определяет необходимость такой разработки рефлексивно-мыслительного механизма, чтобы можно было гарантировать развитие рефлексивного мышления как способности личности.

В законе об образовании элементами образования предстают воспитание и обучение. Обучение предполагает и развитие способностей. Г. П. Щедровицкий относительно связи обучения и развития писал, что эту проблему не решить усилиями психологов и педагогов, что у них нет средств для обсуждения и решения этой проблемы. Сделать это можно только на основе теории деятельности и методологического анализа [11, с. 197]. Деятельность при этом рассматривается не как действия психологического индивида, а как социо-культурное образование.

Одновременно с формированием современной методологии формировался и ее язык. Это язык схематических изображений [2, с. 186]. Благодаря такому языку в интеллектуальной деятельности появляется средство для преобразования исходного материала в виде информации, знаний, теорий в нормативное содержание, которое затем передается исполнителю. При этом изобразительная схема с одной стороны выполняет функцию познания объекта по сущности, а с другой стороны предстает именно как интеллектуальное средство. Но средством является не само изображение на бумаге, не рисунок, а освоение схемы как внутреннего средства. В этом плане, схема, освоенная как средство, не наблюдаема. Тогда как в «Законе об образовании» под средством понимается только то, что может быть материализовано: приборы, оборудование, компьютеры, печатные и электронные ресурсы [6]. Например, наличие схемы воспроизводимой деятельности позволяет осознанно и рационально проектировать новую деятельность, а наличие схемы рефлексивно-мыслительного механизма позволяет осознанно и технологично осуществлять поиск и снятие затруднения в форме проекта как особой нормы. То есть, основная причина всех затруднений в деятельности связана с необходимостью корректировать нормы или создавать новые. В мышлении затруднения связаны с отсутствием понятий и категорий как мыслительных средств. Затруднения в общении связаны с потребностным отношением одного человека к другому, а затруднения в общении снимаются благодаря концептуально-технологической изобразительной схеме общения.

На основе схематизации рефлексивно-мыслительный механизм можно представить, как пять пространств или пять «досок», которые тех-

нологически связаны между собой. Это реконструкция затруднения, аксиологизация (ценности и идеалы), концептуализация, проблематизация и проектирование. На каждой доске процессы предстают также в виде изобразительных схем [3, с. 169]. Таким образом, рефлексивно-мыслительный механизм в современной методологической культуре предстает не только как знание о себе самом, но и как форма, которая соединяясь с личностью, становится организованностью и тем самым универсальной способностью, которая может преломляться к любой сфере деятельности и с обслуживающим эту деятельность общением и мышлением.

Библиографический список

1. Аналитический словарь. – М., 2015. – 132 с.
2. Анисимов О. С. Методологический словарь для управленцев. – М., 2002. – 295 с.
3. Анисимов О. С. Рефлексия и методология. – М., 2007. – 419 с.
4. Бизяева А. А. Психология думающего учителя. Педагогическая рефлексия. – Псков : ПГПИ им. С. М. Кирова, 2004. – 216 с.
5. Дьюи Д. Психология и педагогика мышления. – М. : Совершенство, 1997. – 208 с.
6. Закон об образовании. URL: <http://ipipir.ru/zakon-ob-obrazovanii-2/gl1/> (дата обращения: 24.02.3016).
7. Краткий словарь современной педагогики / под. ред. Л. Н. Юмсуновой. Изд-е 2-е, перераб. доп. – Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2001. – 100 с.
8. Кузьмина Е. И. Психология свободы: теория и практика. URL: <http://www.dslib.net/obwaja-psixologia/refleksivno-ijatelnostnyj-analiz-fenomena-svobody-lichnosti.html> (дата обращения: 24.02.3016).
9. Платонов К. К. Краткий словарь системы психологических понятий. – М. : Высшая школа, 1981. – 175 с.
10. Философский энциклопедический словарь. – М. : ИНФРА-М., 2009. – 570 с.
11. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. – М. : Шк. Культ. Полит., 1995. – 800 с.

III. VALUES IN THE STRUCTURE OF THE MODERN: A PERSON, A FAMILY AND MORAL INSTITUTIONS

РОЛЬ СЛУЖБЫ «ЭКСТРЕННАЯ ДЕТСКАЯ ПОМОЩЬ» В СОЦИАЛЬНОМ ОБСЛУЖИВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ

Г. И. Богучарскова

*Специалист по социальной работе,
Казенное учреждение
Ханты-Мансийского автономного
округа-Югры
«Социально-реабилитационный центр
для несовершеннолетних «Зина»,
г. Урай, ХМАО-Югры, Россия*

Summary. The article describes the main provisions of the activities of the service «Emergency children's help». The algorithm of care for children and families in situations of family crisis. Provided target indicators of efficiency of activity of Service for four years.

Keywords: service «Emergency children's help»; early prevention of family problems; activities Service.

В настоящий момент одним из приоритетных направлений социально-экономического развития являются вопросы профилактики кризисных процессов в семье, рост семейного и школьного неблагополучия, увеличения числа семей, воспитывающих детей, нуждающихся в социальной защите. В связи с этим сложилась устойчивая тенденция падения уровня психологического здоровья семьи с детьми и, соответственно, воспитательных возможностей.

Для успешной реализации деятельности по своевременной профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в августе 2011 года, на основании приказа Департамента социального развития Ханты-Мансийского автономного округа-Югры №363-р, от 11.08.2011 года «Об организации работы службы «Экстренная детская помощь», на территории города Урай была внедрена инновационная технология по организации службы «Экстренная детская помощь» (далее Служба) на базе Казенного учреждения Ханты-мансийского автономного округа – Югры «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Зина» (далее Учреждение). Служба призвана оказывать содействие в повышении эффективности профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; предоставлять своевременно социально-правовую, психолого-педагогическую и медицинскую помощь детям, находящимся в социально опасном положении.

Для достижения поставленной цели Службой решаются следующие задачи:

- выявить детей и семьи, находящихся в социально опасном положении;
- предоставить детям и семьям, оказавшихся в социально опасном положении, экстренную помощь (социально-правовую, психолого-педагогическую, медицинскую);
- защитить права и законные интересы несовершеннолетних в случае угрозы их жизни и здоровью;
- предупредить явления социального сиротства, беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних;
- уменьшить число правонарушений, безнадзорности и беспризорности среди несовершеннолетних за счет раннего выявления семейного неблагополучия;
- предупредить жестокое обращение с детьми и преступлений совершаемых против них.

Служба помогает несовершеннолетним, если:

- ребенок остался один, без присмотра родителей, что угрожает его жизни и здоровью;
- ребенок имеет признаки физического и/или психологического насилия;
- ребенок находится в условиях угрожающего его жизни и здоровью (антисанитарные условия проживания, отсутствия продуктов питания, асоциальное поведение родителей, безнадзорность и т. п.);
- беспризорность детей.

Служба осуществляет деятельность согласно нормативно-законодательной базы по следующим законам и постановлениям: Конвенции о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) [1]; Федеральному закону от 24.06.1999 г. №120-ФЗ (ред. От 02.11.2015г.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [2]; Федеральному закону № 195-ФЗ от 10.12.1995 г. «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» (ред. от 21.07.2014г.) [3]; Федеральному закону от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ» [4]; Федеральному закону №48-ФЗ от 28.04.2008 г. «Об опеке и попечительстве» (ред. 28.11.2015 г.); Федеральному закону Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»[5]; Постановлению Правительства ХМАО-Югры от 02.09.2009 № 232-п «О порядке организации на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Юры органом опеки и попечительства деятельности по выявлению и учету детей, права и законные интересы которых нарушены» (ред. 27.11.2015) [6]; Постановлению Правительства ХМАО – Югры № 113-п от 15.05.2009 г. «О порядке предоставления социальных услуг несовершеннолетним, находящимся в

социально-опасном положении или иной трудной жизненной ситуации, в учреждениях социального обслуживания ХМАО – Югры» [7]; Приказу Департамента социального развития ХМАО – Югры от 11.07.2011 г., № 363-р «Об организации работы службы «Экстренная детская помощь».

Направления деятельности Службы:

- организационно-методическое обеспечение Службы – повышение компетентности специалистов, обобщение и внедрение новых технологий раннего выявления семей с детьми группы риска, применение разнообразных видов и форм работы с семьями, разработка программного обеспечения системы профилактики семейного неблагополучия;

- реабилитационно-профилактическое – реализация программ психолого-педагогического и социально-правового просвещения родителей по проблемам воспитания, социализации, адаптации детей;

- аналитическое направление – организация системы мониторинга и оценки эффективности профилактики семейного неблагополучия;

- информирование населения о функционировании Службы посредством взаимодействия с учреждениями систем профилактики семейного неблагополучия, создания позитивного имиджа кровной семьи, распространения печатной продукции (памятки, буклеты), размещения информации на официальном сайте учреждения sciga.ru.

В состав службы входят: специалисты по социальной работе, психолог, специалист Отдела опеки и попечительства, специалисты комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав; представители органов министерства внутренних дел, социальные педагоги школ, медицинские работники.

Алгоритм оказания помощи детям и семьям в рамках Службы:

1. Экстренный вызов (поступившая информация по телефону).
2. Формирование команды (по содержанию поступившего запроса).
3. Выезд по адресу.

4. Составление представителями Службы акта о выявлении неблагополучной социальной ситуации в семье, требующей оказания экстренной детской помощи; о психофизическом состоянии несовершеннолетнего; о дальнейших реабилитационно-профилактических мероприятиях в отношении ребёнка, семьи.

5. В случае нахождения несовершеннолетнего в социально опасном положении, угрожающего его жизни и здоровью специалисты имеют право в установленном законодательном порядке принять меры по изъятию ребёнка из семьи и поместить в Учреждение, специализированный окружной Дом ребенка по г. Урай, Урайскую городскую клиническую больницу.

6. В случае отсутствия угрозы для жизни и здоровья несовершеннолетнему, когда не требуется изъятие ребенка из семьи, но необходима помощь (психолого-педагогическая, медицинская, социально-правовая) специалисты оформляют документы для постановки семьи на учёт в Учре-

ждение для проведения дальнейшей реабилитационно-профилактической работы.

В результате деятельности Службы были разработаны: положение о Службе «Экстренная детская помощь», «Технология по оказанию экстренной детской помощи», «Программа профилактики социально опасного положения семьи и детей «Право на счастливое детство», и соглашения о межведомственном взаимодействии с учреждениями систем профилактики семейного неблагополучия на муниципальном уровне.

Сотрудниками Службы разработаны материалы: «Сборник рекомендаций по повышению социально-педагогической компетентности родителей»; буклеты, памятки, визитки по направлению деятельности Службы. Опубликовано статьи по профилактике жестокого обращения над детьми в семьях, о правовых обязательствах со стороны родителей в отношении детей.

С целью пропаганды Службы проведены информационно-профилактические мероприятия в рамках городских акций «16 дней против насилия», «Предлагаем жизнь!»

В результате деятельности Службы за 2011–2015 годы были осуществлены выезды сотрудников в семьи, данные представлены на рисунке 1.

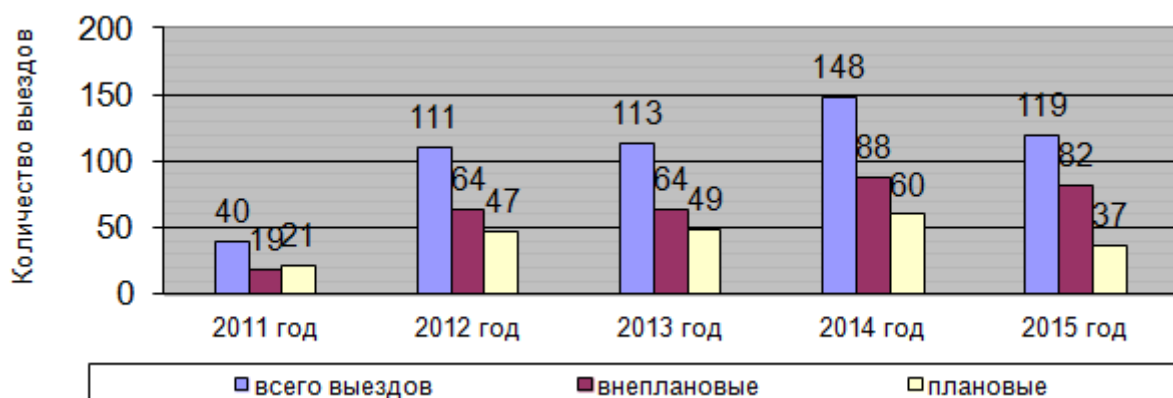

Рис. 1 – Количество выездов, осуществлённых специалистами Службы

Количество выездов (плановых, внеплановых) специалистов Службы свидетельствует о том, что в 2014 году всего было осуществлено 148 выездов, которых по сравнению с 2011 годом (40 выездов) увеличилось в 3,7 раза. Данные показатели по общему количеству вызовов можно охарактеризовать как востребованность в функционировании Службы, и раннего выявления и предотвращения профилактики семейного неблагополучия.

По результатам функционирования Службы за 2011–2015 годы были обслужены несовершеннолетние, находящиеся в социально опасном положении и помещены в отделение социальной реабилитации Учреждения, данные представлены на рисунке 2.

Рис. 2 – Количество детей, находящихся в социально опасном положении, выявленные и помещённые в Учреждение

Согласно показателям 2011–2015 годов большее количество детей, выявленных и помещённых в отделение социальной реабилитации, было осуществлено в 2012 году, что свидетельствует о качественной работе специалистов на начальном этапе внедрения и реализации Службы.

По результатам 2013 года в рамках работы Службы выявление и помещение несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении уменьшилось в 2 раза, а в 2014 году – в 2,3 раза.

В 2015 году количество детей, находящихся в социально опасном положении не было выявлено, однако осуществлённые выезды (плановые, внеплановые) проблему семейного неблагополучия перевели в разрез профилактической деятельности Службы, которая решала проблемные вопросы на территории семей.

Таким образом, целевыми показателями эффективности деятельности Службы является увеличение охвата кровных семей, получивших своевременную психолого-педагогическую и социально-правовую помощь на этапах ранней профилактики семейного неблагополучия; сокращение числа помещения несовершеннолетних в Учреждение; наличие технологий социального реабилитационно-профилактического сопровождения семей и вариативного использования разработанного пакета социальных услуг в муниципальном образовании, расширение межсекторного взаимодействия с учреждениями и организациями систем профилактики семейного неблагополучия.

Библиографический список

1. Конвенция о правах ребёнка. URL: <http://base.consultant.ru/cons/>
2. Федеральный закон от 24.06.1999г. №120-ФЗ (ред. От 02.11.2015г.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». URL: <http://base.garant.ru/12116087/>

3. Федеральный закон № 195-ФЗ от 10.12.1995 г. «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» (ред. от 21.07.2014г.) URL: <http://base.garant.ru/105642/#help>
4. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ» URL: http://zakonrf.net/ob_osnovnykh_garantiyakh_prav_rebenka_v_rf/
5. Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/
6. Постановление Правительства ХМАО-Югры от 02.09.2009 № 232-п «О порядке организации на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Юры органом опеки и попечительства деятельности по выявлению и учету детей, права и законные интересы которых нарушены» (ред. 27.11.2015) URL: http://www.glavbukh.ru/npd/edoc/81_254106
7. Постановление Правительства ХМАО – Югры № 113-п от 15.05.2009г. «О порядке предоставления социальных услуг несовершеннолетним, находящимся в социально-опасном положении или иной трудной жизненной ситуации, в учреждениях социального обслуживания ХМАО – Югры» URL: <http://base.consultant.ru/regbase/>

ЛИЧНОСТНЫЙ УСПЕХ КАК ЦЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Г. В. Валеева

*Кандидат философских наук, доцент,
Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого, г. Тула, Россия*

Summary. The article discusses personal success as an essential attribute of the individual and society. Success, as an indicator of human autonomy as individuals and a norm of social action is not only value, but also motivation, purpose in life and a particular challenge that defines modern socio-cultural environment.

Keywords: value; value preferences; success; personality; modern society; goal; motivation.

В современном обществе понятие о ценности складывается в процессе экономических, политических, социальных преобразований, а так же в процессе усложнения связей между людьми и роста новых потребностей. В широком смысле, ценность – это «сложившаяся в условиях цивилизации и непосредственно переживаемая людьми форма их отношения к общезначимым образцам культуры и к тем возможностям, от осознания которых зависит способность индивида проектировать будущее и сохранять в памяти прошлое» [5, с. 88]. Основой ценностных предпочтений современного общества являются рыночные отношения, порождающие рост потребностей материальных. Преимущественными становятся социальное благополучие, карьерный рост, профессиональное самовыражение, «видимость» человека успешного. «Человек современного общества ориентирован на

ценности индивидуализма... А в качестве мировоззренческого ориентира человек выбирает благо личности как высшей цели» [1]. Тем самым, личностный успех являясь неотъемлемым атрибутом современного общества, занимает место в ряду прочих жизненных ценностей, а так же, в независимости от того, что он дает человеку, является ценностью сам по себе. Успех это то, что «может быть названо благом благ» в современном обществе: «человек успеха ориентирован на вдохновляющие цели экзистенциального свойства, принадлежащие к уровню базовой ценности человеческого существования» [2, с. 79].

Этимологический анализ слова «успех» показывает его связь с понятиями «успеть» («Успевать, успеть в чем, иметь успех, удачу, достигать желаемого... Успеть куда, поспеть, быть к сроку... Успешное дело, с успехом, удачное» [4]) и «состояться» (свершиться, сбыться и т. п.). Успешен тот, кто успевает, является мобильным, строит планы и достигает их, учитывая реальность времени; быть успешным, значит состояться в жизни и в обществе в целом. «Успеть и состояться – это характеристики, которые являются существенными гранями образа человека успеха» [1]. Успех, в современном обществе, является критерием оценки: чем больше человек достигает в политической, социальной и прочих сферах, чем больше у него престижа, славы, власти и т.п., тем выше и прочнее положение в обществе. «Успех определенным образом вписывается в контекст жизненного пути личности, используется в системе самооценок, притязаний, самоидентификаций, что придает всей проблематике успеха экзистенциальный смысл» [3, с. 51]. Такие представления зависят от сложившейся социокультурной ситуации, мотивирующей человека на достижение определенных результатов и демонстрацию успешности.

Современное общество сформировало и утвердило доктрину личностного успеха. Ориентация на успех и его достижение в разных сферах жизни, следование и выражение определенных стандартов успешности является тем фактором, который в значительной степени структурирует социальную реальность и определяет поведение личности и общества в целом. Успех в современном обществе является ценностью и мотивацией, целью в жизни и определенной задачей, которую задает современная социокультурная среда. И если общество «способствует формированию лидерства, состязательности, то есть предпочтительными становятся социальные инвестиции лидерства и достижения успешности, то это увеличивает потенциал как личности, так и общества, расширяет спектр возможностей их развития» [6]. Успех – это то, что вдохновляет человека, тем самым являясь результатом и достижением в процессе приспособления к изменчивой окружающей действительности; это несомненный показатель самостоятельности человека как личности и норма социального действия.

Библиографический список

1. Валеева Г. В. Успех как ценность современного общества // Электронный ежемесячный научно-практический журнал. URL.: <http://vestnik-rzi.ru/2014/09/2270ISSN2309-7426> (дата обращения: 25.02.2016).
2. Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В. Гражданское общество: этика публичных арен : монография. – Тюмень : НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2004. – 268 с.
3. Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В. Этика политического успеха : научно-публицистическая монография. – Тюмень-Москва : Центр прикладной этики, 1997. – 747 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь // Успеть. URL: <http://slovardalya.ru/description/uspevat/41653> (дата обращения: 25.02.2016).
5. Кемерова В. Е., Кемерова В.Е. Современный философский словарь. – М. : Академический проект, 2004. – 864 с.
6. Якутина О. И. Социальные практики успеха: дискурс повседневности и социально-философское понятие. // Автореферат диссертации на соискание степени доктора философских наук. – Краснодар, 2011. URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsialnye-praktiki-uspekha-diskurs-povsednevnosti-i-sotsialno-filosofskoe-ponyatie> (дата обращения: 25.02.2016)

АЛГОРИТМ И МОДЕЛЬ РАБОТЫ С СЕМЬЕЙ, НАХОДЯЩЕЙСЯ В СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ В РАМКАХ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИОННО- ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Л. В. Зайцева

*Специалист по социальной работе,
Казенное учреждение Ханты-
Мансийский автономный округ-Югра,
«Социально-реабилитационный центр
для несовершеннолетних «Зина»,
г. Урай, ХМАО-Югры, Россия*

Summary. The article describes the main provisions of the activity of specialist social work with families at social risk. The described algorithm and the model of working with families. We analyzed the results of professional social work for five years.

Keywords: families with children are in a socially dangerous situation; the algorithm and model of working with families; early prevention of family problems.

Из всех проблем, стоящих перед Казенным учреждением Ханты-Мансийского автономного округа-Югры «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Зина», в том числе, специалистом по социальной работе, наиболее важной является проблема семей и детей, находящихся в социально опасном положении, которая во много определяет возникновение такого социального явления как социальное сиротство.

Семья, находящаяся в социально опасном положении – это семья, имеющая детей, в которой родители или лица их замещающие, не исполняют обязанности по воспитанию, обучению, содержанию, отрицательно влияют на их поведение, или жестоко обращаются с ними.

Критерии, определяющие семьи, находящиеся в социально опасном положении:

- неисполнение родителями своих обязанностей по материальному обеспечению детей;
- отсутствие материально-бытовых условий для воспитания детей;
- втягивание детей в противоправные действия;
- жестокое обращение над детьми (физическое, психологическое, сексуальное насилие, пренебрежение нуждами);
- отсутствие контроля над воспитанием и обучением детей;
- семьи, в которых дети совершили преступление, правонарушение.

Основные направления деятельности специалиста по социальной работе с детьми и семьями, находящимися в социально опасном положении, являются: выявление и дифференцированный учёт семей с детьми; организация и предоставление социальных услуг разных видов и форм (социально-правовых, психолого-педагогических, медицинских, социально-экономических); формирование воспитывающей среды; привлечение учреждений и организаций систем профилактики семейного неблагополучия к решению вопросов помощи родителям и детям.

Условно можно выделить следующие типы семей, находящихся в социально опасном положении:

- конфликтная семья, в которой преобладают разногласия и противостояние в межличностных отношениях;
- аморальная семья, характеризуется пренебрежением моральных и этических норм;
- педагогически несостоятельная семья, которая характеризуется низким уровнем общей и психолого-педагогической культуры, ошибками и дефектами в воспитании;
- асоциальная семья, в которой дети с раннего возраста находятся в обстановке игнорирования общепринятых социальных и моральных норм, усваивают навыки отклоняющегося и противоправного поведения.

С целью совершенствования деятельности специалиста по социальной работе по вопросам предотвращения социального сиротства были внедрены эффективные технологии: «Технология по работе с асоциальной семьёй», «Технология работы с семьями, имеющими нарушения условий содержания и воспитания детей», позволяющих оказывать оптимальную поддержку как родителям, детям, так и отдельным членам расширенной семьи, а также были разработаны алгоритм и модель работы с семьями, оказавшимися в социально опасном положении.

Главными направлениями в алгоритме по работе с семьёй являются оказание необходимых социальных услуг семье и ребёнку; проведение анализа проблем семьи; уменьшение количества социальных сирот, проживающих на территории муниципального образования г. Урай.

Специалист по социальной работе, предупреждая, проводя профилактику и предотвращая неблагополучие в семье, руководствуется следующей нормативно-правовой базой: Конвенцией о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) [1]; Федеральным законом от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ (ред. От 02.11.2015 г.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [2]; Федеральным законом № 195-ФЗ от 10.12.1995 г. «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» (ред. от 21.07.2014 г.) [3]; Федеральным законом от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ» [4]; Федеральным законом № 48-ФЗ от 28.04.2008 г. «Об опеке и попечительстве» (ред. 28.11.2015 г.); Федеральным законом Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [5]; Постановлением Правительства ХМАО-Югры от 02.09.2009 № 232-п «О порядке организации на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Юры органом опеки и попечительства деятельности по выявлению и учету детей, права и законные интересы которых нарушены» (ред. 27.11.2015) [6]; Постановлением Правительства ХМАО-Югры № 113-п от 15.05.2009 г. «О порядке предоставления социальных услуг несовершеннолетним, находящимся в социально опасном положении или иной трудной жизненной ситуации, в учреждениях социального обслуживания ХМАО – Югры» [7].

Используя вышеперечисленные законы, были разработаны этапы, алгоритм и модель организации индивидуальной реабилитационно-профилактической работы с семьями, находящимися в социально опасном положении.

1 этап – раннее выявление семей, находящихся в социально опасном положении, и формирование банка данных (посредством устных или письменных обращений граждан, органов и учреждений систем профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних).

2 этап – первичная работа специалиста по социальной работе с семьёй (установление контакта с семьёй, детьми; изучение жилищно-бытовых условий; оценка семейной ситуации и факторов риска для ребёнка, оценка рисков и ресурсов семьи, интервьюирование, консультирование по проблемам, анализ появления негативных условий и причин в семейной системе, оформление документации).

3 этап – представление семьи на медико-психолого-педагогическом консилиуме Учреждения (ознакомление членов консилиума с первичными

результатами индивидуальной реабилитационно-профилактической работы (анализ документов, бесед, диагностики) с семьёй).

4 этап - постановка на реабилитационно-профилактический учет семьи, организация работы по улучшению семейной ситуации (осуществление патронажей, организация семейного и воспитательного пространства, изучение индивидуальных особенностей членов семьи, контроль и сопровождение семьи с детьми, ведение документации).

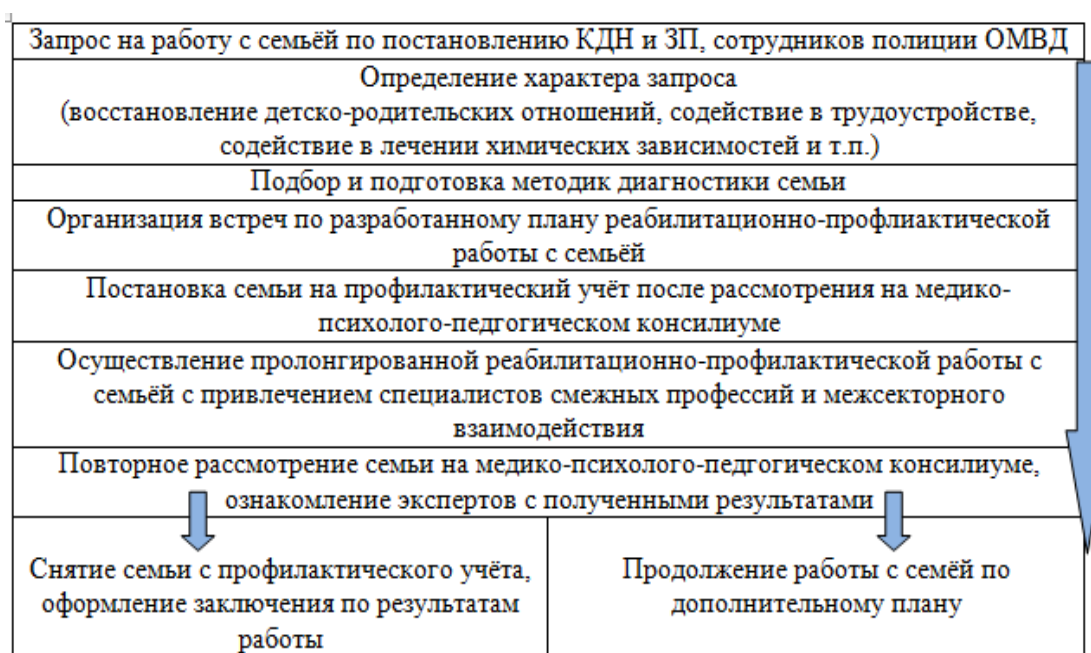
Для устранения неблагополучия в семье и успешной социальной адаптации детей проводилась целенаправленная работа с родителями, а именно: решение проблем, возникающих в процессе воспитания и обучения; консультирование по индивидуальным особенностям ребенка; изучение семейных ценностей и традиций; организация психолого-педагогического и социально-правового просвещения родителей посредством посещения клуба «Нам по пути», решение конфликтов в детско-родительских отношениях с помощью применения технологии медиации в «Социальной Службе Примирения».

5 этап – представление промежуточных или окончательных результатов работы с семьёй (соответствие поставленных целей, задач, выявленным проблемам, на которые они были направлены в рамках реабилитационно-профилактической работы). В случае не достижения эффективности в индивидуальной профилактической работе, по объективным причинам, социальная работа с семьёй продолжается. В том случае, если семья достигает положительного результата в решении неблагополучия, члены консилиума выносят суждение о прекращении пребывания её на реабилитационно-профилактическом учёте.

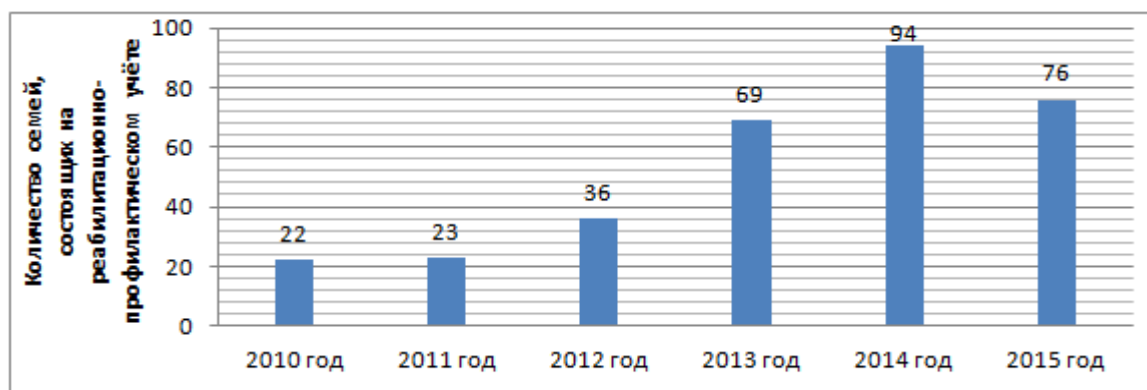
Основные критерии оценки эффективности индивидуальной профилактической работы с семьёй: улучшение положения и качества жизни ребенка; устранение причин неблагополучия; расширение возможностей защиты права на достойную жизнь, здоровье и образование.

В результате анализа теоретических и практических материалов была создана модель организации и поэтапной работы специалиста по социальной работе с неблагополучными семьями.

**Модель работы специалиста по социальной работе с семьями,
находящимися в социально опасном положении**

За период с 2010–2015 годы на реабилитационно-профилактическом учёте у специалиста по социальной работе состояло всего 320 семей, из них 193 отца и 230 матерей ($35,8 \pm 4,2$ лет), 413 детей в возрасте от 3 до 18 лет. Количество семей, состоящих на учёте, представлено на рисунке 1.

*Рис. 1 – Количество семей, состоящих
на реабилитационно-профилактическом учёте*

Реализация алгоритма и модели работы с семьями, оказавшимися в социально опасном положении, позволили достигнуть следующих результатов: за период с 2010–2015 годы с реабилитационно-профилактического учёта в связи с позитивной динамикой с семейной ситуацией было снято 124 (39 %) семьи с улучшением в детско-родительских отношениях и снижением высококонфликтных отношений; 74 (23 %) семьи сняты с учёта в связи с повышением морально-этических норм и культуры поведения ро-

дителей. 80 (25 %) семей повысили свою социально-педагогическую грамотность, культуру отношений в воспитании детей посредством консультирования, информирования и просвещения; 42 (13 %) семьи были сняты с реабилитационно-профилактического учёта в связи с психологической и социально-педагогической коррекцией отклоняющегося и противоправного поведения у детей, с помощью специально разработанных профилактических программ, социальных технологий.

В 2015 году сократилось число семей с детьми, постановленных на профилактический учёт, это было обусловлено повышением качества оказания социальных услуг семьям с детьми по выходу из социально опасного положения на территории семьи, без необходимости изъятия ребёнка.

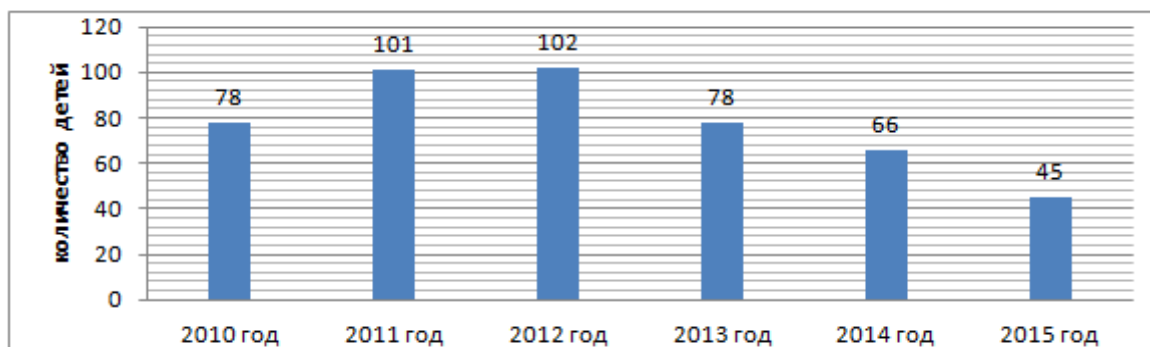

Рис. 2 – Количество детей помещённых в Учреждение из семей, находящихся в социально опасном положении

В результате большой целенаправленной работы по оказанию помощи семьям на этапах ранней профилактики неблагополучия, связанного с риском жестокого обращения, положительных изменений в работе с семьями, находящимися в кризисном состоянии – наполняемость отделения социальной реабилитации Учреждения по сравнению с 2011–2012 годами снизилась и составила в 2013 году – 76,5 % (78 детей), в 2014 году – 64,7 % (66 детей), в 2015 году – 44,1 % (45 детей).

Увеличилось количество служебных сообщений, поданных в субъекты профилактики безнадзорности и правонарушений, по раннему выявлению семейного неблагополучия, что свидетельствует о формировании системы раннего выявления семейного неблагополучия.

В результате раннего выявления семейного неблагополучия, нарушения прав детей и жестокого обращения удалось пересмотреть свои профессиональные позиции, сформировать единый взгляд на проблемы семей и оказания социальной помощи семьям с детьми, донести до населения города, что применение насильственных методов и форм воспитания непозволительно.

Библиографический список

1. Конвенция о правах ребёнка. URL:<http://base.consultant.ru/cons/>
2. Федеральный закон от 24.06.1999г. № 120-ФЗ (ред. От 02.11.2015г.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». URL:<http://base.garant.ru/12116087/>
3. Федеральный закон № 195-ФЗ от 10.12.1995 г. «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» (ред. от 21.07.2014 г.). URL:<http://base.garant.ru/105642/#help>
4. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ». URL:http://zakonrf.net/ob_osnovnykh_garantiyakh_prav_rebenka_v_rf/
5. Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/
6. Постановление Правительства ХМАО-Югры от 02.09.2009 № 232-п «О порядке организации на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Юры органом опеки и попечительства деятельности по выявлению и учету детей, права и законные интересы которых нарушены» (ред. 27.11.2015). URL:http://www.glavbukh.ru/npd/edoc/81_254106
7. Постановление Правительства ХМАО – Югры № 113-п от 15.05.2009 г. «О порядке предоставления социальных услуг несовершеннолетним, находящимся в социально-опасном положении или иной трудной жизненной ситуации, в учреждениях социального обслуживания ХМАО – Югры». URL:<http://base.consultant.ru/regbase/>

ПРИНЦИПЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ СОВРЕМЕННОГО ПЕДАГОГА С РОДИТЕЛЯМИ ВОСПИТАННИКОВ

М. В. Керимова

*Воспитатель,
МАДОУ «Радость», детский сад № 157
«Колокольчик», г. Нижний Тагил,
Свердловская область, Россия*

Summary. This article observes the main principles of pedagogical work with parents and the teacher's role in the system of relations between the preschool educational institution and parents.

Keywords: preschool pedagogy; educational work; pedagogical principles.

Процессы либерализации и гуманизации, внедрение нового Федерального государственного образовательного стандарта в сфере дошкольного образования привели к необходимости более тесного сотрудничества между семьей и педагогом. Более того, формирование единого образовательного и воспитательного процесса требует усилий как педагогического коллектива, так и законных представителей воспитанников.

Во избежание противоречий педагог должен быть верен ряду принципов при взаимодействии с родителями. Во-первых, значительное влияние на воспитание ребенка оказывает семья. Именно семья – первичный

институт, закладывающий основы физического и нравственного развития ребенка. Педагог как активный участник этой системы направляет и поддерживает воспитательную деятельность родителей. Это не означает, что роль педагога в воспитании подрастающего поколения отодвигается на второй план. Социальное и семейное воспитание взаимозависимы. Педагог представляет интерес для семьи, поскольку он предлагает свое информационное поле, которое охватывает основы педагогики и психологии [1; 4]. Исходя из этого, педагог может повысить родительскую осведомленность в постижении внутреннего мира ребенка, его чувств, переживаний, мотивов и потребностей. Таким образом, зарождаются партнерские отношения при установлении связей между воспитателем и родителями.

Основа партнерского сотрудничества – обоюдное согласие. Педагог и родители берут на себя взаимные обязательства и соглашаются нести ответственность за воспитание и развитие ребенка. Результатом принципа соглашения является выработка общего воспитательного и образовательного пространства.

Партнерские отношения обуславливают принцип дружелюбной, открытой манеры общения педагога с семьями воспитанников. Положительный настрой всех участников воспитательной системы способствует эффективному сотрудничеству.

Педагогическое общение – плодотворное взаимодействие [2, с. 24]. Результатом положительного педагогического общения с родителями является внутреннее обогащение всех участников воспитательного процесса. Педагогу необходимо придерживаться принципа доброжелательного стиля общения не только с родителями, но и с детьми. Культура общения воспитателя с воспитанниками должна соответствовать педагогической этике, поскольку большинство родителей «видят» педагога глазами ребенка [3, с. 61]

Принцип толерантности предполагает терпимое отношение педагога к мнению, ценностям и мировоззрению родителей. В дошкольной организации представлены различные этносы и социальные группы. Несхожесть культур участников воспитательного процесса может вызвать несогласование воспитательных воздействий.

Педагогическая толерантность не должна рассматриваться как преодоление педагогом чувства неприятия родителя, поскольку такая позиция наносит вред основам гуманизма.

Плюрализм, многообразие социальных групп, доминирование различных ценностей в обществе и семье порождают принцип индивидуального подхода. Любое воздействие на ребенка должно происходить с учетом его индивидуальных особенностей. Индивидуальный подход подразумевает дифференциацию родителей. Дифференциация строится с учетом самобытности условий жизни отдельной семьи, возраста, уровня образованности, социального статуса родителей, межличностных отношений. Де-

тальное изучение каждой семьи помогает педагогу увидеть воспитательный потенциал родителей.

Взаимодействие между педагогом и родителями должно носить непрерывный характер. Реализация дифференцированного подхода, предоставление корректной психолого-педагогической помощи, а тем более вопросы воспитания и развития личности ребенка осуществляются на основе принципа системности. Все элементы образовательной системы представляют собой единое целое. Педагог не вправе игнорировать родителя как неотъемлемого элемента этой структуры. Педагог, постоянно поддерживающий связь с родителями воспитанника, знает его особенности, навыки и умения, что благоприятным образом отразится на учебно-воспитательном процессе.

Итак, педагог – объективная необходимость в системе отношений педагог – родители воспитанников. Условием для успешного сотрудничества между родителями и педагогом является профессионально-этическая подготовленность последнего. А принципы – это исходные положения, на которые опирается воспитатель при достижении педагогических целей. Эффективное сотрудничество между родителями и педагогом, основанное на общечеловеческих принципах и ценностях, дает возможность претворить в жизнь единую программу воспитания и образования ребенка.

Библиографический список

1. Грязнова Г. А., Михальцова Л. П. Деятельность воспитателей по формированию психолого-педагогической компетентности родителей в вопросах образования, воспитания и осуществления полноценного развития ребенка. URL: <http://www.asdou1.ru/wp-content/uploads/2014/12/kv-rab-rod.pdf> (дата обращения: 20.02.2016)
2. Полосова Л. Б. Феномены педагогического общения, влияющие на взаимодействие субъектов педагогического процесса // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 2. – С. 24–27.
3. Тимонина И. В. Профессиональная этика педагога. URL: <http://pedagog.kemsu.ru/Content/userfiles/files/umd/Профессиональная%20этика.pdf>. (дата обращения: 21.02.2016)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К СОЗДАНИЮ СЕМЬИ

Г. В. Косых,
К. В. Фомина

*Кандидат психологических наук,
студентка,
Воронежский институт экономики
и социального управления,
г. Воронеж, Россия*

Summary. For young people characterized by socio-psychological readiness to create a family, which is due to the severity of a number of components that are included in the structure of readiness and the social-role model.

Keywords: functions of the family; the crisis of the family; model of socio-psychological readiness of men and women to create the family.

Актуальность исследования социально-психологической готовности студенческой молодежи к созданию семьи состоит в том, что глобализация всех процессов мироустройства приводит к преобразованию ранее существовавших традиций, норм, ценностей и способствует изменению образа и стиля жизни людей, включая и жизнь студенческой молодежи. В связи с этим встает вопрос о своевременной работе по восстановлению и развитию института семьи с традиционными ценностями, и прежде всего, готовности современной молодежи к созданию семьи. Именно недостаточное изучение данной проблемы в современном обществе делает тему данного исследования в значительной степени актуальной.

В исследованиях отечественных и зарубежных ученых Т. В. Андреевой, Б. М. Бим-Бад и С. Н. Гаврова, Е. В. Бондаревской, Т. В. Красильниковой, Дж. Ловендуски отмечается, что в настоящее время можно говорить о кризисе института семьи [4; 9; 10; 17; 20]. В частности, на современном этапе развития нашего общества, ученые отмечают снижение значимости ценностей семейных отношений и семьи в связи с формированием новой идеологии, основанной на приоритете индивидуалистического «Я», утратой семейных традиционных ценностей, разрушением семейного уклада, низким уровнем представлений о родительских функциях.

О проблемах семьи и добрачного воспитания молодого поколения писали ученые прошлого Я. Корчак, Н. К. Крупская, А.С. Макаренко, В. А. Сухомлинский, К. Д. Ушинский [16; 18; 21; 28; 29].

Современные ученые А. С. Батнасунов, С. Н. Гавров, С. В. Заев, И. Ю. Зудилина, А. Митрикас, Н. Х. Орлова, Т. П. Харькова в проводимых исследованиях и опросах, фиксируют факт выбора ценностей семьи современной молодежью среди значимых ценностей, не интерпретируя этот факт с точки зрения представлений современной молодежи о семье [8; 11; 12; 14; 22; 24; 30].

Исходя из различных теоретических и методологических подходов к изучению темы готовности молодежи к созданию семьи, ученые в своих исследованиях, находятся в противоречии друг к другу, и на данный момент не понятно истинное состояние проблемы. Исследование социально-психологическая готовность молодежи к созданию семьи становится во все большей степени одной из наиболее важных и интересных тем для изучения.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что для молодежи характерна социально-психологическая готовность к созданию семьи, которая обусловлена выраженностью ряда компонентов, входящих в структуру готовности и представляющих ее социально-ролевую модель.

Методологической основой исследования стали основные методологические принципы, разработанные в общественно-гуманитарных и естественно-технических науках отечественными учеными: принцип гуманизма, или принцип ценности, выделенный И. Кантом и получивший свое развитие в работах Л. И. Анциферовой, когда человек предстает не только как носитель ценностей, но и как личность, борющийся с негативным влиянием, которое оказывается ему внутри семьи, пытающийся самореализоваться и адаптироваться [5; 15]; частный методологический принцип потенциального и актуального, описываемый в работах О. С. Анисимова и В. Г. Асеева [3; 7]; принцип разработки стратегии жизни, описанный в работе К. А. Абульхановой-Славской [1]. Таким образом, в контексте нашего исследования мы обращаемся к изучению готовности современной молодежи к созданию семьи с позиции, объединяющей несколько подходов, которые позволяют рассматривать проблему социально-психологической готовности к созданию семьи в интересующих нас аспектах – функциях семьи.

Под функцией (от лат. function – совершение, исполнение) понимают отношения объектов, в котором изменению состояния и свойств одного из них соответствует изменение другого или других [26, с. 409]. Функция может рассматриваться с точки зрения взаимосвязь объектов или явлений в границах целостного образования, например, семьи как группы живущих вместе родственников [23, с. 711].

С. Н. Гавров выделяет восемь функций семьи [11]:

- репродуктивная – рождение потомства;
- воспитательная – воспитание детей, самореализация родительских чувств;
- хозяйственно-бытовая – удовлетворение материальных потребностей членов семьи;
- рекреативная – восстановление физических и интеллектуальных сил;
- эмоциональная – удовлетворение потребностей в симпатии, уважении, признании, поддержке, эмоциональной защите;
- духовная – совместные проведение досуга и духовное обогащение;
- социальная – социальный контроль, социализация и инкультурация;

- сексуально-эротическая – удовлетворение сексуально-эротических потребностей.

Начиная с Ф. Энгельса и, осмысливая его опыт, такие исследователи как Ю. Е. Алешина, А. И. Антонов, С. В. Заев, А. Г. Лидерс, Н. Х. Орлова, Г. Б. Рябова единодушны в том, что функции отражают исторический характер связи между семьей и обществом, динамику семейных изменений на разных исторических этапах [2; 6; 13; 19; 25; 27; 32]. В настоящее время семья утратила многие функции, объединяющие ее в прошлом, например, производственную, охранительную, образовательную.

Под функцией семьи Л. Б. Шнейдер понимает внешние проявления свойств какого-либо субъекта в данной системе отношений (семье), определенные действия по реализации потребностей. Функция отражает связь семейной группы с обществом, а также направленность ее деятельности. Однако часть функций являются устойчивыми к изменениям, их можно назвать традиционными, отнести к ним следующие функции [31]:

- репродуктивная – в любой семье важнейшей составляющей является деторождение. Цельность сексуальной потребности, обеспечивающей продолжение рода, и любви как высшего чувства делает невозможным отделение одного от другого. Супружеская любовь в значительной мере зависит от характера удовлетворения сексуальных потребностей, особенностей их регулирования, отношения супругов к проблеме деторождения и самим детям;
- хозяйственно-экономическая – включает формирование и расходование домашнего бюджета, питание семьи, приобретение и содержание домашнего имущества, одежды, обуви, благоустройство жилища, создание домашнего уюта, организацию жизни и быта семьи;
- образовательно-воспитательная – состоит в удовлетворении потребностей в отцовстве и материнстве, контактах с детьми, их воспитании, самореализации в детях, социализации подрастающего поколения. Семейное воспитание более эмоционально по своему характеру, чем любое другое воспитание, так как основано на родительской любви к детям и формирует ответные чувства детей к родителям;
- первоначального социального контроля – моральная регламентация поведения членов семьи в различных сферах жизнедеятельности, а также передача ответственности и обязательств в отношении между супругами, родителями и детьми, представителями старшего и среднего поколений;
- социально-статусная – предоставление определённого социального статуса членам семьи, воспроизводство социальной структуры;
- регенеративная – проявляется в наследовании статуса, фамилии, имущества, социального положения. Сюда же относят передачу архивных ценностей или фамильных драгоценностей и другого наследства;

- рекреативная – связана с отдыхом, организацией досуга, заботой о здоровье и благополучии членов семьи;
- духовного общения – личностное развития членов семьи, духовное взаимообогащение;
- психотерапевтическая – позволяет членам семьи удовлетворять потребности в симпатии, уважении, признании, эмоциональной поддержке, психологической защите.

Эмпирической базой исследования готовности современной молодежи к созданию семьи послужила организация МОАУ ВО «Воронежский институт экономики и социального управления». В исследовании приняли участие студенты и сотрудники организаций в возрасте от 20 до 25 лет. Общее число опрошенных составило 60 человек, из них 30 мужчин и 30 женщин.

Корреляционный анализ данных выявил ряд взаимосвязей и позволил сформировать модели социально-психологической готовности мужчины и женщины к созданию семьи. Каждая из моделей включает четыре сферы семейной жизни и пятую составляющую проявления фемининности-маскулинности объектами моделей.

По группе мужчин.

В интимно-сексуальных отношениях мужчины уверены в себе ($p = 0,00$), не настроены скрывать неприятные чувства ($p = 0,00$) и нетерпимы к физическому дискомфорту ($p = 0,02$). Готовы и склонны к проявлению гиперсексуальности и ожидают того же от партнерши ($p = 0,01$), кроме того считают секс возможным в семье с партнершей, которая будет разделять их досуг ($p = 0,01$) и обладать достаточным социальным статусом ($p = 0,03$). От партнерши в семье ожидают верности ($p = 0,00$), удовлетворения в сексуальной жизни ($p = 0,03$), эспрессивности ($p = 0,00$), смелости и решительности ($p = 0,00$), а так же умения расстаться с партнером без сожаления и излишних переживаний ($p = 0,00$).

В хозяйственно-бытовой сфере мужчины считают, что на них нужно ориентироваться как на эталон ($p = 0,03$), принося себя при этом в жертву ($p = 0,03$), считая, что такое поведение положительно скажется на сексуально-интимных отношениях ($p = 0,00$), создаст эмоциональную близость в семье ($p = 0,00$). При выборе партнерши для семейных отношений мужчины проявляют избирательность ($p = 0,03$), так как считают, что быт не должен превалировать в семейных отношениях, в которых женщина должна оставаться социально-активной в профессии и общественной жизни ($p = 0,00$), выполнять родительско-воспитательные обязанности по отношению к детям ($p = 0,00$) и одновременно поддерживать мужчину в его досуговых развлечениях ($p = 0,03$).

В сфере, связанной с родительско-воспитательными обязанностями, мужчины видят для себя престиж ($p = 0,00$), но и нагрузку на хозяйственно-бытовую часть жизни ($p = 0,00$), с одновременной утратой гиперсексу-

альности в интимных отношениях ($p = 0,01$), утратой части платонических отношений, то есть любви как высшей ценности ($p = 0,02$), в результате чего они будут испытывать сильные страдания от потери любимого человека ($p = 0,05$).

В сфере эмоционально-психотерапевтической близости мужчины ждуют личной идентификации с супругой ($p = 0,03$), у них повышается экспрессивность в отношениях ($p = 0,00$), верность ($p = 0,04$), снижается вероятность сексуальных контактов на службе ($p = 0,01$) и достигается взаимопонимание в сексуально-интимных отношениях ($p = 0,00$), увеличивается хозяйственно-бытовая совместимость ($p = 0,00$).

Проявляя качество фемининности мужчины приобретают со стороны партнерши любовь, которая является для них высшей ценностью ($p = 0,05$), но считают, что утрачивают при этом внешнюю привлекательность ($p = 0,03$), социальную активность, статусность и волю ($p = 0,01$). Вместе с феминностью у них снижается способность категорично оценивать людей ($p = 0,04$) и появляется неумение скрывать неприятные чувства ($p = 0,05$), что плохо сказывается на их профессиональной деятельности и способности поддерживать статусность.

По группе женщин.

В интимно-сексуальных отношениях женщины ожидают от партнера поддержки и совместимости ($p = 0,00$), считая, что при этом они нормализуют отношения с партнером и получают эмоциональную близость ($p = 0,01$), поддержку в хозяйственно бытовых ($p = 0,03$) и в родительно-воспитательных ($p = 0,00$) ситуациях, опираясь при этом на верность к партнеру в семье ($p = 0,05$), испытывая чувство ревности ($p = 0,01$), что приводит к категоричности в оценке окружающих ($p = 0,01$).

В хозяйственно-бытовой сфере женщины подают себя как эталон ($p = 0,02$), считая, что привлекают мужчину, который обеспечит им эмоциональную близость ($p = 0,01$), интимно-сексуальные отношения ($p = 0,00$) и в родительно-воспитательной деятельности ($p = 0,02$). У женщин активно занимающихся хозяйством и бытом семьи отмечаются длительные перерывы в сексуальных отношениях ($p = 0,03$).

Родительно-воспитательные обязанности для женщин взаимосвязаны и взаимоподдерживаются всеми сферами семейной жизни: интимно сексуальными отношениями ($p = 0,00$); эмоциональной близостью ($p = 0,02$); хозяйственно-бытовой совместимостью ($p = 0,02$). Женщины становятся категоричными в оценках других ($p = 0,00$) и не умеют скрывать неприятные чувства ($p = 0,03$). Тем не менее, они связывают родительно-воспитательные обязанности с социальной активностью как профессиональной, так и общественной ($p = 0,00$), необходимой для этого внешней привлекательностью ($p = 0,00$) и личной идентификацией с супругом, поддержкой его досуговых развлечений ($p = 0,01$).

В сфере эмоционально-психотерапевтической близости женщины стремятся переделать партнера под собственные стандарты ($p = 0,00$), уверенно чувствуя себя в сфере эмоций могут быть раскованными до гиперсексуальности ($p = 0,04$), стремятся обладать и воздействовать на партнера посредством внешней привлекательности ($p = 0,00$), добиться той ситуации, в которой они будут любимы, а не только любить сами ($p = 0,02$).

Проявляя качество фемининности женщины проявляют жертвенность в отношениях к партнеру семейных отношениях ($p = 0,02$), принимая на себя большую часть хозяйственно-бытовых дел ($p = 0,01$), которую ожидали от партнера, поэтому стремятся быть избирательными в выборе партнера для создания семьи ($p = 0,00$). Фемининность снижает нетерпимость к физическому дискомфорту ($p = 0,03$), формирует неуверенность в себе ($p = 0,02$).

При таких противоречивых представлениях мужчин и женщин можно говорить о неподготовленности их к вступлению в семейные отношения, о необходимости представить им точку зрения каждого и найти области соприкосновения в представлениях, опираясь на которые, расширять область взаимодоверия друг к другу.

На основании результатов исследования разработан тренинг межличностных отношений в гипотетической семейной паре, способствующий сближению представлений о семье в среде студенческой молодежи. Полученные результаты представляются важными как в рамках индивидуально-психологического консультирования, так и в групповой психотерапевтической работе.

Ускорение исторической и социокультурной динамики общественного развития в переходном периоде XX–XXI веков, поставило человечество в никогда ранее не переживаемые ситуации. Продолжая изменять материальный мир вокруг себя, человек подходит ко все более глубокому изменению реалий повседневного существования, изменению формы семьи и семейных отношений, включая активное развитие генетической науки, влияющей на нормативную репродуктивную функцию, заменяя ее искусственно созданным индивидом, включаемым в самые нетрадиционные формы современной «семьи».

В жизни каждого человека важную роль играет осознание себя не только через самовосприятие, но и через восприятие других людей и сравнение себя с ними. Контакт человека с социумом начинается еще в раннем детстве, начинаясь с контакта с родителями. У ребенка формируются первые представления о себе, самооценка, образ, к которому он сознательно или неосознано стремится, начинает анализировать свое поведение, ситуации, в которые попадает, сверяясь с воспринятым мнением родителей. В этом случае модель поведения родителей действует как своего рода внутренний фильтр, который определяет характер восприятия человеком любой ситуации. Проходя сквозь этот фильтр, ситуация осмысливается, по-

лучает значение, соответствующее сложившимся представлениям молодежи о себе и своих ценностях.

К сожалению, мир, в который мы быстро вступаем, настолько далек от нашего прошлого опыта, что все психологические гипотезы выглядят сомнительно, но ясно то, что внешние силы воздействуют на изменение социального характера человека в обществе, что проявляется в развитии одних черт, подавлении других и, таким образом, приводит к изменению не только одного человека, но и всех, находящихся в общественном взаимодействии людей. Все более и более люди будут гораздо отличаться друг от друга, и завтра это будет больше, чем сегодня. Многие из них будут взрослеть раньше, раньше брать на себя ответственность, лучше адаптироваться и проявлять больше индивидуальности. Они будут более склонны, чем родители, ставить под сомнение авторитеты. Над ними в меньшей степени, чем в индустриальном, а тем более в доиндустриальном обществе будет довлеть груз социокультурной традиции. В отношении многих санкционированных ею элементов общественной жизни, норм, ценностей, моделей поведения многое может быть решено посредством экономической вседозволенности. Уже сегодня в рамках всего ареала христианской/постхристианской цивилизации наблюдается возрастающий уровень эгалитаризма в семейных отношениях, происходит взаимообусловленный процесс феминизации мужчин и маскулинизации женщин, характеризующийся текучестью и подвижностью казавшихся ранее незыблемыми, как сама половая принадлежность человека, его гендерными ролями [25].

Перемены, представляющие собой отход от апробированных на протяжении длительного времени жизненных практик, норм, ценностей, моделей поведения являются необходимым условием успешных изменений в рамках семьи и семейных отношений. Важную роль в возникновении новаций в сфере семейной жизни играет девиантное поведение семьи, нарушающей установленный образ жизни. Однако степень приемлемости данного отклонения от освященных социокультурной традицией общепринятых норм во многом определяется потребностями адаптации складывающегося на наших глазах социума к изменяющимся условиям существования, как внешним, так и внутренним. Сегодня то, что еще совсем недавно воспринималось как девиантное, общественно осуждаемое поведение, например однополые браки, приобретает в ряде стран Европы конвенциональный статус.

Эволюция семьи продолжается, и этот процесс уже не остановить, история человечества не закончилась, и хотя мы не можем предугадать будущее, возможно предположить, что произойдет не только возникновение новых моделей семейных отношений, но и возврат к более ранним формам семьи и семейных отношений. Какими бы не были изменения, хотелось бы, чтобы они вели к становлению более гуманного общества и человека.

Социально-психологическая готовность к созданию семьи играет, по существу, полифункциональную роль, способствуя достижению внутренней согласованности личности, определяя интерпретацию опыта и являясь источником ожиданий и реализации человека, которая зависит от общения, в котором они развиваются и опыта, в который им передали.

Результаты исследования позволили сформулировать модели социально-психологической готовности к созданию семьи современной студенческой молодежи и в дальнейшем разработать рекомендации, способствующие сближению представлений о семье в среде студенческой молодежи.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М. : Мысль, 1991. – 299 с.
2. Алешина Ю. Е., Гозман Л. Я., Дубовская Е. М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. – М. : Наука, 1987. – 164 с.
3. Анисимов О. С. Основы методологии. – М. : Наука, 1994. – Т. 1. – 390 с. – Т. 2. – 432 с.
4. Андреева Т. В. Психология семьи : учебное пособие. – СПб. : Питер, 2014. – 336 с.
5. Анциферова Л. Н. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техника» ее бытия // Психологический журнал. – 1993. – № 2. – С. 24–51.
6. Антонов А. И. Микросоциология семьи. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 368 с.
7. Асеев В. Г. Личность и значимость побуждений. – М. : Наука, 1986. – 245 с.
8. Батнасунов А. С. Досуг как сфера жизнедеятельности современной российской молодежи Диссертация ... кандидата социологич. наук. Ставропольский государственный университет, 2004. – 159 с.
9. Бим-Бад Б. М., Гавров С. Н. Семья как социокультурный феномен // модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ : монография. – М. : Интеллектуальная книга, Новый хронограф, 2010. – С. 27–53.
10. Бондаревская Е. В., Кульневич С. В. Педагогика: Личность в гуманистических теориях и системах воспитания. – Ростов н/Д. : Творческий центр «Учитель», 1999. – 560 с.
11. Гавров С. Н. Историческое изменение институтов семьи и брака. – М. : МГУДТ, 2009. – 366 с.
12. Заев С. В. Гендерные барьеры в сценариях супружеского самоопределения молодежи. – СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2006 – 201 с.
13. Заев С. В. Гендерный аспект семейных ожиданий студентов // Личность и бытие: субъектный подход: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар : КубГУ, 2004. – С. 54–59.
14. Зудилина И. Ю. Формирование психологической готовности студентов к брачным отношениям: диссертация ... кандидата психологических наук, Самара, 2008. – 226 с.
15. Кант И. Критика практического разума. – СПб. : Наука, 1995. – 528 с.
16. Корчак Я. Несерьезная педагогика. – М. : Самокат, 2016. – 256 с.
17. Красильникова Т. В. Морально-правовые аспекты брачного договора в России // Власть. – 2009. – № 11. – С. 55–57.
18. Крупская Н. К. О воспитании в семье: Избр. статьи и речи / сост. и предисловие Н. И. Стриевской. – М. : Академия пед. наук РСФСР, 1962. – 208 с.

19. Лидерс А. Г. Психологическое обследование семьи : учебное пособие-практикум для студентов факультета психологии вуз. – М. : Академия, 2007. – 432 с.
20. Ловендуски Дж. Равенство полов и правила игры / Обеспечение равенства полов: политика стран Западной Европы. – М. : Идея-Пресс, 2000. – 312 с.
21. Макаренко А. С. Воспитание в семье. – Куйбышев : ОГИЗ, Куйбышевское областное издательство, 1949. – 87 с.
22. Митрикас А. Семья как ценность: состояние и перспективы изменений ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования. – 2004. – № 5. – С. 102–183.
23. Ожегов С. И., Шведов Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – М. : Азбуковник, 1998. – 944 с.
24. Орлова Н. Х. Семья как объект социально-философского исследования Эволюция семейных отношений на рубеже XX–XXI столетий : дисс. ... кандидата философских наук, РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. – 156 с.
25. Орлова Н. Х. Эволюция христианских воззрений на пол и брак в европейской культурной традиции : дисс. ... доктора философских наук, СПбГУ, 2006. – 314 с.
26. Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. – М. : Педагогика-Пресс, 1996. – 440 с.
27. Рябова Г. Б. Семьеведение : учебное пособие. – Томск : ТМЦДО, 2004. – 171 с.
28. Сухомлинский В. А. Как воспитать настоящего человека. – М. : Педагогика, 1990. – 288 с.
29. Ушинский К. Д. Русская школа. – М. : Институт русской цивилизации, 2015. – 688 с.
30. Харьковская Т. П. Соотношение семейных и профессиональных представлений в образе Я личности // Человек. Сообщество. Управление. – 2011. – № 3. – С. 45–53.
31. Шнейдер Л. Б. Функционально-Ролевая структура семейных отношений / Психология семейных отношений : курс лекций. – М. : Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 512 с. – С. 132–133.
32. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – СПб : Азбука, 2009. – 256 с.

ОСНОВНЫЕ ЛИНИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ

Е. А. Куликова

*Кандидат исторических наук, доцент,
Пензенский государственный
технологический университет,
г. Пенза, Россия*

Summary. The author revealed the essence of the demographic, social and economic development of the lines of the modern Russian family. In addition, the author raised the issue of the demographic situation in the Russian Federation. The article presents statistical data on demography and the level of well-being of Russian families.

Keywords: family crisis; demography problem.

Проблема развития российской семьи в конце XX – начале XXI вв. является актуальной для отечественной науки. Современные социологи используют понятие «жизненный цикл семьи». Так, А. Г. Волков и Е. Л. Сороко подразумевают под жизненным циклом семьи последовательность существенных в социальном и демографическом отношении состояний, в которых находится семья с момента ее образования до того, как она прекратит свое существование [4, с. 41].

Специалисты выделяют три основных линии в развитии семьи: 1) демографическую; 2) социальную; 3) экономическую. Демографическая линия развития семьи – периоды изменений демографического состава семьи. По подсчетам социологов, примерно 75 % первых рождений приходится на первые 2 года существования семьи, 11 % – на последующие 3–4 года. Средний возраст семьи при появлении первого ребенка составляет 2 года, второго ребенка – 6 с половиной лет. У 30 с лишним процентов семей деторождение завершается в течение 5 лет существования семьи, а у остальных семей – в течение 10 лет [10, с. 172].

Социальная линия развития семьи включает в себя фазы развития социального статуса семьи. По мнению Е. Б. Бреевой, можно выделить 4 фазы развития социального статуса семьи. Первая фаза заключается в утверждении социального статуса семьи и ее роли в общественном производстве (возрастные границы – 0–17,5 лет). Вторая фаза – фаза роста социального статуса семьи, активного включения в производство женщин и взрослых детей (возрастные границы – 17,5–22,5 лет). Третья фаза сопровождается снижением социального статуса семьи в связи с выбыванием взрослых детей из родительской семьи (22,5–35 лет). Затухание трудовой активности в связи с выходом родителей на пенсию происходит на четвертой стадии развития семьи (35 и более лет) [3, с. 182–183].

Социальный статус семьи (ее положение в обществе) зависит от участия членов семьи в общественном производстве, от занимаемых ими

должностей, престижности их профессий, уровня заработной платы, предпринимательского дохода [3, с. 39].

Экономическая линия развития семьи рассматривается в работах И. А. Герасимовой, Л. М. Прокофьевой, Н. М. Римашевской [10] и других исследователей. По их мнению, решающее значение для формирования экономического потенциала семьи имеют количественный состав семьи, ее половозрастная структура, число работающих членов семьи и иждивенцев. Экономические ресурсы семьи характеризуются показателями душевых доходов (доходов на одного члена семьи), а также располагаемых ресурсов (сбережения, ценные бумаги, недвижимое имущество, количество квадратных метров на 1 человека и т. д.).

В целом уровень благосостояния семьи определяется занятостью членов семьи, размерами их заработков, а также величиной иждивенческой нагрузки. Под иждивенческой нагрузкой понимается соотношение работающих и неработающих членов семьи. Трудовой потенциал семьи включает в себя трудоспособных членов семьи и членов семьи с ограниченной трудоспособностью. Ухудшение состояния здоровья какого-либо члена семьи влияет на жизнь всей семьи. Н. М. Римашевская в работе «Человек и реформы: Секреты выживания» отмечает, что потенциал здоровья человека снижается скачкообразно. По ее мнению, первый скачок вниз происходит в 25 лет. С 25 до 35 лет показатели здоровья, как правило, удерживаются на относительно стабильном уровне. Наиболее резкий спад показателей здоровья наблюдается к 50 годам. С 50 до 60 лет сохраняется относительная стабильность. С 60 лет может начаться новый спад и т. д.

Одной из глобальных проблем современности является демографическая проблема. В начале XXI века численность населения Земли превысила 7 млрд. человек. Такие страны, как Китай и Индия, страдают от перенаселенности. На их долю приходится примерно 2,5 млрд. человек.

Российская Федерация занимает первое место в мире по площади (17 млн. кв. км). При этом численность населения в нашей стране составляет всего лишь около 150 млн. человек. В Индонезии, которая занимает примерно ту же площадь, что и Европа, проживает на 70 с лишним миллионов человек больше, чем в России. Социологи полагают, что в настоящий момент Россия переживает демографический кризис. Под демографическим кризисом понимается глубокое нарушение воспроизводства населения, которое угрожает существованию конкретной страны.

Одной из важных функций семьи является репродуктивная (детородная) функция. Во многих экономически развитых странах мира наблюдается изменение репродуктивного поведения населения, которое привело к снижению уровня рождаемости [11, с. 8–9].

Для обеспечения простого воспроизводства населения необходимо, чтобы среднететных (с 2-мя детьми) и многодетных (с 3-мя и более детьми) семей было не менее 51 % от всех семей. Для расширенного воспроиз-

водства доля среднедетных и многодетных семей должна быть более 60 %, а доля малодетных (с одним ребенком) семей – 35 %.

По данным переписи населения 1989 года, доля малодетных семей в СССР составляла 51 %, среднедетных – 39 %, а многодетных – 10 % [8]. В 1989 – 2002 годах наблюдалось дальнейшее снижение уровня рождаемости. В результате доля малодетных семей увеличилась с 51 % до 65 %, а доля среднедетных семей уменьшилась с 39 % до 28 %, многодетных – уменьшилась с 10 % до 7 % [8, с. 181].

К падению уровня рождаемости в нашей стране в 90-е годы XX века привела неблагоприятная социально-экономическая ситуация. Низкий уровень жизни является одним из факторов, влияющих на рождаемость в России.

Из-за финансовых трудностей многие семьи решаются на рождение только одного ребенка. Из-за отсутствия постоянной работы, плохих жилищных условий и других причин некоторые женщины вообще отказываются от рождения детей [9, с. 15].

Специалисты пытаются установить, каков уровень материальной обеспеченности горожан и сельчан. Так, например, в 2009 году научно-исследовательский центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан провел социологическое исследование в городах и селах этого региона.

В результате выяснилось, что 37,8 % опрошенных жителей городов (Казань, Набережные Челны, Чистополь и др.) могли позволить себе только покупку продуктов и одежды, а 35,4 % – только покупку продуктов. У 45,4 % жителей сельской местности возникали финансовые трудности при покупке одежды, у 25,3 % – при покупке товаров длительного пользования, у 17,2 % – при покупке продуктов питания, несмотря на наличие собственного хозяйства. 42,5 % опрошенных отметили, что страдают от нехватки денег, 4,1 % – от задержки зарплаты, 2,6 % попали под сокращение. У 88,4 % респондентов основным источником доходов семьи была зарплата по основному месту работы, 3,2 % совмещали основную работу с подработкой, 2,6 % семей жили на пенсию, 1,8 % – на алименты, пособия и 3,4 % – за счет собственного бизнеса.

В 2009 году более 60 % опрошенных говорили, что жить трудно, но пока еще можно, а более 6 % утверждали, что терпеть бедственное положение уже невозможно [9, с. 216].

Не менее важной является жилищная проблема. Например, по результатам социологического исследования, проведенного еще в 1997 – 1998 годах в Таганроге как одном из типичных российских промышленных городов, выяснилось следующее. 8,8 % супружеских пар с детьми и 28,6 % неполных семей (мать или отец с детьми) проживали в общежитии. 71 % проживавших в отдельных квартирах приходился на супружеские пары без детей [11, с. 10–13]. Однако снижение демографических показателей свя-

зано не только с тяжёлым материальным положением значительной части семей, но и с некоторыми идейно-психологическими аспектами утвердившейся в России в постсоветское время либеральной парадигмы, в рамках которой на первый план выходит воспроизводство неодушевлённого капитала, а капитал человеческий может с большей выгодой для его эксплуататоров пополняться за счёт мигрантов [5, с. 52].

На основании социологических опросов и данных статистики специалисты делают вывод о том, что современная российская семья переживает кризис. Они полагают, что кризис семьи связан с ослаблением ее репродуктивной функции, потерей привлекательности брака (рост сожительства) и нестабильностью семьи (рост разводов).

Благодаря общероссийскому опросу 2007 года выяснилось, что 45 % юношей и 39 % девушек считали допустимым так называемый гражданский брак, т.е. сожительство. При этом жители крупных городов более терпимо отнеслись к сожительству, чем жители небольших городов и сельской местности. Это объясняется степенью трансформированности мировоззрения жителей мегаполисов относительно жителей небольших и преимущественно сельских населённых пунктов, заключающейся в отходе от религии в направлении потребительства, культа денег и удовлетворения личных пристрастий [2, с. 12]. Именно под влиянием потребительского менталитета преимущественно в городской социокультурной среде распространяется не творческое и ответственное, а меркантильное и «лёгкое» отношение к семье, поскольку профанизация социальных институтов уже не раз отмечалась исследователями как прямое следствие потребительства [6, с. 29].

Как было сказано ранее, одним из проявлений кризиса института семьи в России является рост числа разводов. Специалисты пытаются выяснить, каковы причины разводов. С этой целью, например, в 2009 году Научно-исследовательский центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан совместно с Управлением ЗАГС Татарстана провел опрос среди разведенных супругов. Среди причин разводов были названы вмешательство родственников, материальные сложности, стесненные жилищные условия, алкоголизм, наркотическая зависимость, измены, физическое насилие, непонимание между супругами и др. [9, с. 28]. Далеко не самой оптимальной альтернативой разводам являются и семьи с предельно либеральными отношениями супругов, в которых супруги имеют установки, с одной стороны, ни в чём ни сдерживать друг друга, а с другой стороны – на бездетность [1, с. 31].

Кризис современной российской семьи связан с изменившимися условиями жизни всего общества. Старшее поколение не всегда в состоянии приспособиться к новой жизни. По этой причине оно утрачивает авторитет в глазах молодежи. Современная российская семья недостаточно эффективно выполняет социализирующую функцию. Органам народного

образования и государству необходимо оказывать помощь семьям для успешной их адаптации к существованию в обществе.

Библиографический список

1. Антипов М. А., Дорошин Б. А. Деинституализация как проявление архаизации постсовременного общества // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2013. – № 3 (50). – С. 29–33.
2. Антипов М. А., Исполатова А. а. Нравственная деградация как актуальная проблема современного российского общества // Социосфера. – № 12. – С. 11–13.
3. Бреева Е. Б. Основы демографии. – М., 2004. – 350 с.
4. Волков А. Г., Сороко Е. Л. Типология семей и домохозяйств в России: Развитие и анализ // Вопросы статистики. – 1999. – № 5. – С. 38–45.
5. Дорошин Б. А. Некоторые противоречия российской либеральной концепции архаизации общества // Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия: материалы II международной научно-практической конференции 15–16 октября 2012 года. – Пенза – Прага – Колин : Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – С. 51–56.
6. Дорошин Б. А., Дорошина И. Г. Деструктивные идеологические и социально-психологические аспекты потребительства // Социосфера. – 2010 – № 1. – С. 28–33.
7. Комаров М. С. Введение в социологию. – М., 1994. – 317 с.
8. Медков В. М. Демография. – М., 2004. – 576 с.
9. Ресурсный потенциал жизненного цикла семьи / под ред. В. М. Жеребина. – М., 2010. – 246 с.
10. Римащевская Р. М. Человек и реформы: Секреты выживания. – М., 2003. – 245 с.
11. Семья и общество: грани взаимодействия / под ред. Р. А. Валеевой. – Казань, 2012. – 147 с.

THE MORAL STATE OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

O. I. Lapteva,

E. Y. Emelyanova,

V.V. Filippova

Candidate of psychological sciences,

assistant professor,

assistant professor,

student,

*Siberian institute of management –
branch of Presidential Russian academy
of national economy and public
administration, Novosibirsk, Russia*

Summary. The article considers the problem of moral state of modern Russian society. The spiritual and moral potential of the youth in the conditions of modernization is analyzed.

Keywords: morality; moral state; spiritual and moral potential; youth.

Today, despite the economic progress, political stability and other positive trends, the overall state of modern Russian society, unfortunately, looks very disturbing. According to statistics, Russia ranks first among the countries of Eu-

rope and the CIS in the number of murders. It occupies the second place among the countries of Europe and the CIS in the number of suicides. It also takes the first place among the countries of Europe and the CIS in the number of deaths due to alcohol poisoning. Russia has a high percentage of deaths due to road accidents. Such statistics indicates the indifferent attitude of many of our fellow citizens to their own and someone else's life, which in turn suggests a morbid state of society.

In our opinion, the main reason for this state of modern Russian society is the domination of "economic determinism" in the approach to solving the major problems of society. After all, it is no secret that the material well-being for the modern man came to the fore, and spiritual values become secondary. Just one of the reasons for the moral degradation of modern Russian society is the abolition of social institutions of moral control, which role in the Soviet society was performed by the communist party and Komsomol organizations and other agencies. And besides, today, the understanding of freedom as non-compliance with any rules and restrictions, as licentiousness and irresponsibility has widely spread. Basing on all this, we can conclude that it is the moral state of society that plays a crucial role among the motives of suicide, as well as of direct relevance to the depressing statistics, drug addiction, alcoholism, accidents, and so on. In addition, the level of morality has a significant impact on the social and political processes. Summarizing, we can suggest some possible ways out of this situation. Namely, it is necessary to consider such issues as the revision of the concept of freedom, the revival of moral control institutions and the shortfall of domestic regulators of moral society, as well as the broad involvement of scientists – sociologists, psychologists in the development of laws. After all, the laws are not just legal norms and rules of social interaction, which should be developed and introduced in practice. They organize the whole life of any society and can influence the state of the morals [1, p. 239].

Indeed, the moral condition of modern Russian society remains troubling. But if each of us thinks about the correctness of our actions and their possible consequences, the situation will change for the better. The main thing is to start these changes for the better, but you need to start with yourself. And to do that, we need to overcome the principle firmly entrenched in our minds, which states that all people live on their own. We must become more attentive both to ourselves and to those around us. And if all of us are able to change ourselves, if not everybody, it will be a small but sure step towards the healing of the whole society. Values lying in the foundation of modern political culture of young people are more often analyzed in our time, the conditionality of globalization and modernization is traced from the point of view of forming political values.

We consider that the prospect of the solution to above mentioned problems depends, first of all, on the intelligence, spirituality and activity of the youth. But it is rather difficult to find such a group of people who would be interested in the life of the state in general or in its political system in the modern

world. For Russia the problem of spirituality has always been of great importance. People opened for themselves such concept as "pluralism", now, we continually hear about the freedom of speech and freedom of thought, all this results rather in spiritual immorality, than in the development of spiritual and moral potential of the youth. Innovative nature of the process of modernization constantly dictates the need to create the national political youth elite. An example is the Soviet option of modernization when the youth became an active participant of transformations in the country. I consider it was quite reasonable and the youth should be involved in the life of society presently. There shouldn't be indifferent people, they all have to be interested in how the state and its political system develop. Now we notice that the youth, on the contrary, doesn't take part in the life of the state. I think it contradicts the main aim of the state: to develop its citizens and make their life comfortable and safe.

Perhaps, people don't understand yet how it is necessary to behave in such new conditions, how to cope with a huge flow of information and various novelties. The information age and modernization have just begun, therefore we are sure that soon, both the youth, and the senior generation will learn how to use new conditions to the benefit to the state and, of course, for themselves.

Bibliography

1. Lapteva O. I. The role of the acmeological environment in the development of professional competences // Philosophy of the education. – 2012. – № 6 – P. 238–243.

ИНСТИТУТ БРАКА В УСЛОВИЯХ МИРОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

А. С. Разорвина

*Аспирант,
Ульяновский государственный
педагогический университет
им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия*

Summary. The article deals with global trends of changes of the institution of family and marriage. Particular attention is paid to such changes in the United States of America and Russia, there are some similar and different trends in these countries. The author justifies the conclusion that despite many changes and transformations, the value of family is paramount for human.

Keywords: marriage; family; illegitimate children; gay marriage; extended family; marriage contract; childbearing age; divorce.

Глобальные преобразования, произошедшие в конце XX века и мире, коснулись экономики, политики, государственного устройства и социальной инфраструктуры практически всех государств мира. Глобализация се-

рьезно затронула брачно-семейные отношения. При этом в России трансформация семейных отношений происходила в условиях крупнейших преобразований, изменивших всю структуру российской экономики и российского общества, нравственные и смысловые ориентиры.

Как пишет известный российский ученый С. В. Рогачев, «Важнейшей стороной новой цивилизации является господство многообразия: многообразия потребностей и форм их удовлетворения, плюрализм политических идеалов и нравственных ценностей» [7]. Традиции и обычаи определяли жизнь большинства людей на протяжении большей части истории, но многие исследователи отмечают, что мировые социальные трансформации приводят к смене ценностных ориентиров. Отмечается, в частности, что функции семьи понимаются более упрощенно, с позиций личного удобства, практицизм и рационализм вытесняют сердечность, так свойственную многим семьям в старые времена. Поэтому не случайно проблемы сохранения традиционной семьи или отдельных ее аспектов – во многих регионах мира вызывают оживленную дискуссию.

Приметой нашего времени является борьба за равноправие женщин и мужчин. Это не просто важнейший принцип демократии, но и условие для счастливой и наполненной жизни в семье. Как показывают социологические опросы в США и Европе, лишь очень немногие девушки и юноши хотят вернуться к традиционной роли мужчин и женщин в семье, основанной на принципах патриархата. Несколько другая ситуация в странах Востока, хотя идеи равноправия полов имеют сторонников и там.

Сопоставление состояния брачно-семейных отношений в разных странах свидетельствует о наличии общемировых тенденций в этой сфере, к которым можно отнести:

- изменение брачного поведения. Речь идет о молодых людях, живущих в незарегистрированном официально союзе;
- значительное увеличение среднего возраста вступления в брак;
- рост числа разводов в большинстве стран мира;
- распространение методов планирования семьи и, как следствие, сокращение среднемирового уровня рождаемости.
- снижение рождаемости сопровождается изменениями в возрасте деторождения. В половине всех развивающихся стран – снижение среднего возраста матери, в развитых странах – увеличение среднего возраста матери вследствие откладывания деторождения [2].

В данной статье обратим внимание на тенденции таких трансформаций в США и России. США традиционно считается страной, из которой по всему миру распространяются новации в различных областях жизни человека, Россия – страна, которая пережила множество потрясений за последние 20 лет, которая ищет свой путь дальнейшего развития и исторически традиционно перенимает западный опыт во многих сферах жизни.

В США наиболее либеральные взгляды на брачные союзы, которые в этой стране отличаются разнообразием: нуклеарные, разделенные семьи, семьи с одним родителем, расширенные и однополые семьи.

Возраст вступления в брак относительно высок по сравнению с другими странами, до официального заключения брака партнеры могут проживать вместе достаточно длительное время. Только в течение одного десятилетия число домашних хозяйств, включающих не состоящих в браке партнеров, увеличилось на 72 % – от трех миллионов до более чем пяти (2000 г.). В общем и целом большинство (52 %) всех домохозяйств в США все же состояло из супружеских пар (54,5 млн). В большинстве домашних хозяйств, включающих не состоящих в браке партнеров, были партнеры противоположного пола (4,9 млн), но приблизительно одна из девяти (594 000) сожительствующих пар были однополыми. 41 % семейных домашних хозяйств сожителей (по сравнению с 46 % домохозяйств, состоящих из женатых пар) включал детей моложе 18 лет, по крайней мере одного сына или дочь.

Официальный брак очень важен для американцев, т.к. представители этой страны крайне прагматично относятся к юридическим аспектам жизни, и особенно в ситуации, когда рождается ребенок или в случае развода. В 1970 году 45 % мужчин и 64 % женщин к двадцати четырем годам уже были мужьями и женами. Сегодня до 29 лет не вступают в брак 43 % мужчин и 29 % женщин. Если же посмотреть на динамику по различным социальным категориям, разница будет еще больше, – образованные девушки не только не торопятся замуж, наоборот – всевозможными способами откладывают день свадьбы. Американка стремится сделать карьеру наряду с мужчиной, поскольку хочет быть от него независимой – и материально, и психологически [5].

Процедура составления брачного контракта прочно вошла в ритуал бракосочетания по-американски, она существенно упрощает процедуру развода в вопросах раздела имущества. Это обязательный формальный акт. Это, возможно, особенность культуры, где многое традиционно строится на расчете, не в ущерб чувствам, а им в помощь. По нашему мнению, в России нужно обязательно вводить процедуру составления брачного договора. Хотя она противоречит традиции первенства эмоций нашего народа, но поможет избежать дополнительных стрессов при разводе, которых и так предостаточно в ситуации распада семьи.

Макс Лернер: «Большинство американских детей, особенно среднего класса, рождается только после того, как родители тщательно взвесили, могут ли они себе позволить иметь детей – как с точки зрения первоначальных затрат, так и с точки зрения их будущего содержания: хорошее образование, проживание в пристойном окружении, общение с подходящими людьми...» [3]. В 1960 году у незамужней матери появлялся каждый двадцатый ребенок, в 1970-м с таким же статусом он рождался у каждой

десятой, сегодня составляет 25,7 %. Это в целом по стране, а если взять афро-американскую общину, то получается, что 60 % детей появились на свет вне брака. Сегодня взрослые женщины чаще, чем раньше, принимают решение рожать вне брака. Общественное мнение к такому положению вещей относится все более лояльно, семьи матерей-одиночек получают социальную поддержку от государства.

Обратимся к ситуации в России. Сегодня среди молодежи до 25 лет половину всех партнерских союзов можно назвать неформальными. Каждая пятая-шестая пара – это те, кому за 30. Даже в старшем поколении, у 60-летних, 10 % мужчин и 7 % женщин живут без регистрации брака. Это говорит о падении ценности брака, регистрируемого государством. В то же время анализ трансформации ценности семьи в России показал, что пары не регистрируют свои отношения, но они вместе, и ценность семейного образа жизни не утрачена. Следствием является появление так называемых внебрачных детей, их доля растет, сейчас она составляет порядка 27–28 %.

Количество неполных семей в России за последние годы выросло до 30 %, на настоящий момент 6,2 млн семей в стране являются неполными: в России насчитывается 5,6 млн матерей-одиночек и 634,5 тыс. одиноких отцов (данные на 2012 г.). Неполная семья – это не только семья разведённых родителей, но и семья, потерявшая кормильца, семья матери-одиночки, а также женщины, которая решила взять ребёнка из детского дома [4].

В России был осуществлен так называемый демографический переход – резкое снижение уровня рождаемости. Россия в этом вопросе идет по пути, который ранее проделали Германия, Италия, Испания, другие страны и даже, к сожалению, значительно опередила их. Ожидаемое число детей – показатель, который является отражением изменений индивидуальных репродуктивных ориентаций под воздействием условий среды. По данным опроса 2006г. оно оказалось равным 1,8 на одного респондента независимо от пола. При этом 3,4 % не планируют иметь детей вообще, 28,4 % – планируют иметь одного ребенка, 55,3 % – двух, 10,3 % – трех, а 2,6 % – четырех и более детей. Как показывает опрос, редуцирование репродуктивных установок россиян связано с двумя группами факторов: социально-экономических и социально-психологических. Среди них доминируют материальные затруднения, проблемы со здоровьем, страх за будущее детей.

В США достаточно много семей, состоящих в официальном браке, но проживающих раздельно в разных городах – так называемые *разделенные семьи*. Получить хороший контракт в США дело нелегкое: конкуренция среди дипломированных специалистов очень высока. Обычно претендент рассылает свои резюме в десятки, иногда сотни компаний по всей стране и из полученных предложений выбирает лучшее. Иногда оно может поступить из города, расположенного за тысячи миль от дома, а другой супруг не может найти там подходящего места работы. И тогда тот, кто нашел работу далеко от дома, уезжает и живет вдали от семьи. В России

подобные семьи тоже начали появляться, вследствие кризиса и отсутствия достойного заработка в месте постоянного проживания семейные люди уезжают «на заработки» вахтовым методом или на постоянной основе в отдаленные регионы или даже в другие государства, где их труд более востребован или лучше оплачивается. Если говорить о перспективах таких браков, здесь, как правило, два варианта, либо брак распадается, либо поездки с целью заработка прекращаются через некоторое время.

Вопреки распространенному мнению о том, что в США подавляющее большинство нуклеарных семей и американцы считают, что разные поколения должны жить отдельно, в 2000 г. более чем 65 % американцев жили с одним или несколькими родственниками, а в опросе избирателей (2006) указывается, что примерно один из пяти американских взрослых, по крайней мере с одним ребенком, имеет в домохозяйстве одного близкого родственника, живущего с ним (тётю, дядю, дедушку или бабушку). В переписи населения США 2000 г. сообщается о 3,9 млн расширенных домашних хозяйствах, многие из которых находятся в районах, где проживают новые иммигранты и их родственники. В этих районах имеется дефицит жилищного фонда или стоимость жилья высокая и семьи вынуждены жить вместе. Несмотря на это, эти районы характеризуются относительно высокими показателями рождаемости в браке. В *расширенной семье* имеет место балансирование между требованиями к воспитанию детей и заботой о старших членах. Все работы в таких семьях ложатся преимущественно на женщину средних лет.

Здесь мы не наблюдаем контраста с Россией по нескольким причинам – в нашей стране совместное или близкое проживание родителей и детей для большинства является желательным, как правило, у молодых супругов еще нет своей жилплощади, они еще не приобрели финансовой самостоятельности, поэтому проживают в одной квартире с родителями и в значительной мере полагаются на их помощь.

Необходимо упомянуть об *однополох браках* – проблеме, привлекающей исследователей разных стран мира. Сторонники узаконения однополых браков и придания подобным семьям равного статуса с обычными утверждают, что институт брака постоянно эволюционирует, поэтому запрет брака мужчины с мужчиной и женщины с женщиной – это фактически попытка остановить развитие цивилизации. Противники легализации подобных союзов убеждены в том, что однополые браки противоречат догматам основных религиозных конфессий мира, они уничтожат традиционный институт семьи и окажут разрушающее воздействие на человечество.

Однополые браки, тем не менее, узаконены в ряде стран Европы и многих штатах США. Толерантное отношение к таким семьям прививается с детского возраста, и таким семьям разрешено усыновление детей. Перепись населения США 2000 г. показала, что в 96 % всех американских округов есть по крайней мере одна однополая сексуальная пара, которая

воспитывает детей моложе 18 лет. В России в 2004 году (впервые за тысячелетнюю историю) в одном из храмов был освящен однополый брак, что вызвало серьезную негативную реакцию как Русской Православной Церкви, так и всего общества. В 2007 году, поддерживая мнение широких слоев населения, мэр г. Москвы не разрешил проведение гей-парада на центральных улицах города. Есть основания полагать, что в России однополые браки не будут узаконены еще долгое время.

Процент разводов в США один из самых высоких в мире, особенно в крупных городах. «В последние годы,— пишет М. Лернер, — у американцев наметилась тенденция нового отношения к браку. В нем они пытаются найти удовлетворение многих своих потребностей — и душевных, и сексуальных, и социальных. Но в поисках счастья обнаруживают все большее несоответствие мечты и реальности... Разрыв между идеалом и жизнью все чаще приводит брак к распаду». Анализируя данные статистики можно обнаружить, что на первом разводе история семейной жизни для многих бывших супругов не кончается. Многие выходят замуж (или женятся) во второй раз, в третий. Они не разочаровываются в самом институте брака, не перестают верить в ценность семьи. «Уровень повторных разводов так велик, что позволяет предположить: американцы разводятся не потому, что разочаровались в браке как таковом, а потому, что верят в него глубоко и снова пытаются стать участниками, но уже успешного, а не обанкротившегося предприятия» [3]. Иными словами, их не оставляет надежда найти нового партнера, с которым можно построить новые, счастливые отношения.

Необходимо сказать о том, что американцы, известные в мире как свобододолюбивая и оптимистичная нация, считают ситуацию развода стрессовой и справляются с ней с помощью психологов. Нельзя не упомянуть в этой связи о том, что система социально-психологической помощи в США на очень высоком уровне, и человек, оказавшийся в трудной жизненной ситуации (развод, жестокое обращение в семье, насилие, личностные кризисы), обращается в подобные центры и получает квалифицированную помощь. После развода психологи не рекомендуют год или полтора строить новые отношения и вступать в новый брак.

В России количество разводов за последние десятилетия многократно выросло, а число браков существенно сократилось. В 1960 г. на 100 свадеб приходилось лишь 12 разводов, в 1985 г. уже 41 развод, а в 2005 г. — 57. Исследователей в первую очередь интересовал 22-летний временной отрезок в жизни россиянок, ограниченный рамками от 18 до 40 лет. В 1950-е годы женщины вступали в свой первый партнерский союз в среднем в 25–26 лет. Длился он в среднем 14 лет и 7 месяцев. После его распада в силу овдовения или расставания — полтора года одиночества. Затем появлялся новый партнер.

На наш взгляд, безусловной поддержки заслуживают предложения, разработанные фондом «Наследие» по заказу американской администрации в 2005 году. В них сформулированы, в частности, следующие принципы:

- государственная политика должна защищать, развивать и поддерживать брак как законный союз одного мужчины и одной женщины;
- государственная политика должна продолжать поддерживать традиционную полную семью как основную ячейку нашего общества;
- законы и нормативы, разработанные демократическими институтами для защиты и продвижения ценностей семейной жизни, должны основываться на социологических исследованиях [6].

Рассматривая проблемы будущего семьи, известный российский социолог С. И. Голод на основе анализа фундаментальных трудов теоретиков Ф. Ле Пле, Ф. Энгельса и П. Сорокина делает вывод о том, что детально предсказать пути развития семьи вряд ли возможно, но при всех социальных трансформациях маловероятно, что люди откажутся от возможности жить в семье. Семья изменяется вместе с обществом, проходя иногда через фазу кризиса, она обладает громадным эволюционным потенциалом, и современные реалии дают возможность более полной самореализации личности в этом социальном институте [1].

Библиографический список

1. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. – СПб., 1998.
2. Климантова Г. И., Виноградская Т. М. Семья в условиях мировых социальных трансформаций // Культура здоровой жизни. – 2005. – № 2. – С. 14–17.
3. Лернер Макс, Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мыслей в Соединенных Штатах сегодня. В 2 томах. – М. : Радуга, 1992.
4. Разорвина А. С. Гендерный аспект воспитания в неполных семьях // Высшая школа. – 2015. – № 20. – С. 10–12.
5. Разорвина А. С. Некоторые особенности семейного воспитания в США // Евразийский научный журнал. – 2015. – № 10. – С. 189–192.
6. Разорвина А. С. Основные тенденции государственной семейной политики в современной России // Педагогические традиции народов России и зарубежья материалы международной научно-практической конференции. ФГБОУ ВПО «УГПУ им. И. Н. Ульянова». – Ульяновск, 2015. – С. 94–100.
7. Рогачев С. В. Политико-экономическая доминанта российской государственности: вызовы XX века. – М., 2003.

GENDER PECULIARITIES OF THE ELDERLY COUPLES

E. V. Chernyshkova,

*Doctor of Sociological Sciences,
head of department;*

Yu. Ya. Veretelnikova,

*candidate of psychological sciences,
senior lecturer;*

T. V. Rodionova,

senior lecturer;

M. Yu. Mukhina

senior lecturer,

Saratov state medical university

named after V. I. Razumovsky,

Saratov, Russia

Summary. The article observes sociological research data of gender peculiarities and stereotypes that are common in perception of elder individuals. Psychological effects of ageing-rupture social bonds are discussed. Marital relationships in elder couples are revealed to be more contradictory and complicated.

Keywords: gender peculiarities; elderly age; gender inequality.

Reaching the elderly age, a person faces not only health status changes but has to be confronted with psychological effects of ageing-rupture social bonds. Being socially active in the family ties is likely to be the best tactic of psychological effects minimization. The family provides a key environment for the emotional needs and mutual help needed by the elderly member. However, there tends to be gender inequality in this sphere of life.

Scientific research and other studies have demonstrated that gender stereotypes are still common in perception of elder individuals, gender inequality being vague though. More «elastic» gender roles' distribution is found to be characteristic for families in later life period experiencing no gender differentiation in most cases. The increase of female life expectancy has been resulting in elderly families' reduction. Single women, who are widowed, or late-life divorced women are not inclined to start a family. Unmarried aged women look for a way to occupy their time helping children, house holding and bringing up the younger generation. The family interaction, promoting parent-child relationships, is an opportunity to avoid feeling socially isolated.

In the elderly age, need for caregiving situations and other people emotional dependency increase, human interaction forming the key component of social life. Late-life remarriages bring positive opportunities to get realized as a social partner, increasing life interest and motivation. The common points, that are being debatable, refer to men creating families with much younger women. According to the research data [1], there is a growing tendency among older men to initiate marriage that is unequal by age. As it has been previously considered, life expectancy decrease among males has been due to divorces and emotional love affairs with younger partners. However, according to the statistics shown by Max Planck Institute for Demographic Research, Germany, mar-

riage is more beneficial for men, especially for those who live with younger wives. Except positive psychological and social effect, relationships with a younger spouse tend to affirm physical functioning and maintain man's activity in an old age [2]. It should be noticed, however, that in most cases decline of physical and psychological activity, changes in financial position impede possibilities to marry a younger partner.

There appears to be a strong tendency for remarried women having smaller social support compared to men who are more likely to be socially approved. The same underlying gender inequality in social attitudes is found to be marked in the case of East and Southeast Asia. In the 19th century Italy widowers got remarried up to 4 times more frequently than widowed women, the fact being not characteristic for most European countries of the time. In the mid 80s of the 20th century American older men had more than 8 times higher remarriage rate than women. The gap remains substantial and has a strong tendency to grow according to socio demographic statistics in perspectives on the family demography trends. The percentage of elderly persons who are married is strongly connected with society demographic changes, the life expectancy gap between men and women being contributing to higher remarriage rate among men.

Marital relationships in elder couples are revealed to be more contradictory and complicated. In later life couples family contributes significantly to the sense of emotional and psychological wellbeing, support, connection and inner peace. Mutual-aid relationship forms characteristics of long-term marriages. Though according to new reports the divorce rate in elderly has been growing, it is still a quite rare event in the lives of the elderly population [2, 4, 5]. Divorcing during the senior years takes place for a wide range of reasons, the most common ones being social and psychological frustration, accumulated by loss of responsibilities for grown up children, short-term life perspectives and experiencing family interaction problems.

History shows different ways to terminate marriages in the past. In ancient Rome, for example, marriage bonds were radically ruptured following bathetic wife's funeral scene. A bit later there appeared a year marriage contract that could be simply terminated. Gender inequality in solving relationship problems was demonstrated by men who had the exclusive right to initiate divorces.

Nowadays there is a common opinion that women are likely to initiate 65% divorces during the senior years. Based on «medicalistic» context of social attitude towards women, scientists have come to the conclusion concerning the reasons to terminate marriage: «Hormone imbalance, affecting brain activity, makes women feeling more pragmatic. The symptoms are worsened prior to menstruation, causing a woman to distort reality» [4]. Though this approach is not considered to be based on statistics data, so it can't be taken as the most common one referring to the problems of getting divorced during the senior years.

Sexual function and activity in old age is another essential aspect that has been inadequately studied world over. Human sexuality is the key determinant of the psychological wellbeing and particularly in the elders [3]. Aging is characterized by physiological, behavioral and psychological changes that can all affect sexual functioning of one or both partners in older couples, and it is difficult to disentangle their individual effects. Considerable progress has been made in recent years in the field of pharmaceutical industry companies promoting medications maintaining healthy sexual activity. Though it should be noted that sexual health medications are preferably used by men, women having no any ideas of medical aid benefits to solve the problem. These methods are sometimes proved to be useful in keeping marriage healthy and maintaining relationships [6; 7; 8]. On the other hand, though, they may negatively influence family life. On the whole, the problems of physical intimacy in older couples are often treated as a taboo by society, and it is not only due to biological issues but social stereotyping and traditions we depend on.

Family stands out as a leader in the culture and value system of the elderly. Special essence of an elderly family functioning is the real existence of a close person, possibility to live together, to support each other and to participate in life activities. However, contemporary demographic situation, characterized by a longer women's life span, has significantly influenced the increase of lonely women number, thus even making a pronounced accent on gender disbalance situation in this sphere of human life.

Bibliography

1. Белецкая Л. Как виагра стала разлучницей.
URL:http://news.bbc.co.uk/hi/russian/life/newsid_3280000/3280881.stm (дата обращения: 20.01.2016).
2. Елютина М. Э. Супружеские отношения в пожилом возрасте // Социологические исследования. – 2010. – № 11. – С. 83–92.
3. Козлова Т. З. Самооценка пенсионеров // Социологические исследования. – 2003. – № 4. – С. 58–63.
4. Лучшее лекарство от старости – молоденькие жены? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.razvody.ru/psychologist/131> (дата обращения: 25.01.2016).
5. Чернышкова Е. В., Андриянова Е. А., Репин В. Ф., Чернышков Д. В. Источники поддержания здоровья в интерпретациях представителей пожилого возраста // Саратовский научно-медицинский журнал. – 2015. – Т. 11. – № 1. – С. 058–061.
6. Чернышкова Е. В., Андриянова Е. А. Активный образ жизни в пожилом возрасте: медико-социальные стратегии, риски, практики. – Саратов, 2012.
7. Чернышкова Е. В., Андриянова Е. А. Потребление медицинских услуг пожилыми людьми в контексте социального неравенства (на примере Саратовской области) // Саратовский научно-медицинский журнал. – 2011. – Т. 7. – № 1. – С. 138–141.
8. Revisioning Aging. Empowerment of Older Women / Ed. by J. Onyx, R. Leonard, R. Reed. Vol. 4. – NY, 1999.

МНОГОДЕТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОМОЩЬ

З. М. Чомаева,
А. А. Джанкезова

*Кандидат педагогических наук, доцент,
магистрант,
Карачаево-Черкесский государственный
университет, г. Карачаевск,
Карачаево-Черкесская Республика,
Россия*

Summary. This article deals with the problem of many children in Russia, the problems faced by families with three or more children, as well as highlighted areas of the state policy in the field of family policy.

Keywords: large families; family policy; state aid.

Демографическая политика российского государства с разработкой и внедрением «Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2025 года», за последние 10 лет принесла свои ощутимые положительные итоги. Рождаемость выросла с 1457 тыс. в 2005 г. до 1947 тыс. в 2014 году. Но в то же время количество многодетных семей (три и более детей) составляет от 6 % до 9 % [3].

Причин здесь несколько.

В дореволюционной России многодетная семья была обычным явлением, религия и обычаи того времени воспринимали только подобный семейный уклад, кроме того это было выгодно и с экономической точки зрения, так как обеспечивало большое количество рабочих рук в патриархальном хозяйстве. Но современные реалии существенно изменили ситуацию складывавшуюся на протяжении многих веков. Возможность самостоятельно определять желаемое количество детей с одной стороны, имеющаяся альтернатива хлопотам о доме и уходе за детьми у женщины с другой стороны, экономическая непредсказуемость уровня доходов семьи с третьей стороны дают возможность более ответственно подойти к вопросу планирования количества детей в семье.

Многодетные семьи сталкиваются с непониманием со стороны общества. Пятеро детей вызывают недоумение и сочувствие, десятеро – чуть ли не презрение. Поэтому перспектива рожать не слишком привлекает большинство россиян – ведь каждому хочется, чтобы у его ребенка было все самое лучшее. Очень остро стоит проблема с жильем. Многие семьи не прочь завести еще одного ребенка, но им не позволяют жилищные условия, улучшить которые в настоящий момент становится все труднее из-за слишком высоких цен на недвижимость [2, с. 63].

Социальный статус женщины-матери зависит от того, насколько соответствует выбранная ее семьей модель репродуктивного поведения об-

щепринятым нормам. А какова она сегодня? Один-два ребенка. К сожалению, современная установка на малодетность постепенно уменьшает общественную ценность материнства, а нестабильность экономической жизни лишь усугубляет этот процесс, несмотря на существование и возрождение традиции.

Естественно, что до тех пор, пока общепринятая норма такова, многодетные семьи будут восприниматься обществом скорее как исключение из правил, как явление из ряда вон выходящее, и отношение к ним будет складываться соответствующее. Вокруг многодетных матерей и их детей возникала и возникает до сих пор зона социального неодобрения, и даже отторжения. Многодетные семьи часто расцениваются как «социальные изживенцы», хотя на практике льготы у них очень скромные. В частности в России многодетные семьи имеют право на следующие льготы:

- скидка в размере не ниже 30 % за пользование отоплением, водой, канализацией, газом и электроэнергией.
- бесплатная выдача лекарств для детей до 6 лет.
- бесплатный проезд на внутригородском транспорте (трамвай, автобус, троллейбус, метро).
- первоочередной прием детей в дошкольные учреждения.
- бесплатное питание (завтраки и обеды) для учащихся общеобразовательных и профессиональных учебных заведений.
- бесплатное обеспечение школьной, а также спортивной формой на весь период обучения детей в общеобразовательной школе.
- один день в месяц для бесплатного посещения музеев, парков культуры и отдыха, а также выставок.
- необходимая помощь многодетным родителям, желающим организовать крестьянские (фермерские) хозяйства, малые предприятия и другие коммерческие структуры, выделение для этих целей земельных участков, а также предоставление льгот по взиманию земельного налога и арендной платы.
- предоставление безвозмездной материальной помощи либо беспроцентных ссуд для возмещения расходов на развитие крестьянского (фермерского) хозяйства.
- полное или частичное освобождение от уплаты регистрационного сбора с физических лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью.
- первоочередное выделение садово-огородных участков [2].

Содействие в предоставлении многодетным семьям льготных кредитов, дотаций, беспроцентных ссуд на приобретение строительных материалов и строительство жилья. Понятно, что этих льгот не достаточно и именно многодетные семьи имеют наиболее высокий риск оказаться в числе бедных, так как размеры детских пособий никак не соотносятся с уровнем жизни.

По наблюдениям психологов и социологов, стереотип семьи с тремя и более детьми начал меняться относительно недавно. Все чаще многодетность становится модной в материально благополучной среде. А это значит, что у многодетных семей есть будущее.

Рассматривая причины многодетности можно отметить и такие аспекты как особенности ее восприятия в зависимости от национальных и урбанистических факторов. Известно, что в национальных республиках многодетность является более обыденным явлением, чем в целом по России, хотя по экономическому развитию эти республики значительно отстают от Центральной России. Также в сельской местности или небольших городах чаще встречаются многодетные семьи, хотя здесь жизненный уровень также ниже среднероссийского. Значит, деньги – далеко не главная проблема в многодетной семье. Часто те, кто сознательно рождает много детей, реально представляют себе, каким образом они будут этих детей содержать. Демографическая проблема – одна из самых острых в России. И многодетные семьи, многодетные родители, являясь единственным решением данной проблемы, нуждаются в повышенном внимании федеральной и региональной власти.

Политика государства, заботящегося о будущем России, должна иметь долгосрочный план вывода семьи из кризисного состояния. И этот план должен иметь отчетливо прослеживающийся социальный характер. Семье с детьми необходимо обеспечить достойные условия для жизни и работы.

Выступая на заседание президиума Госсовета, посвящённое политике в области семьи, материнства и детства Президент РФ В. В. Путин отметил, что «Создание условий для роста рождаемости, охрана материнства и детства, укрепление института семьи – это приоритетные социальные задачи в России. Они имеют ключевое значение для настоящего и для будущего нашего государства и требуют системной, согласованной работы органов власти всех уровней и общества, и граждан, работы, которая должна иметь единые цели и чёткие, понятные критерии их достижения» [4].

На том же заседании были определены основные направления для дальнейшей работы. Перечислим их:

- создание условия для повышения уровня и качества жизни обычной, рядовой российской семьи и её общественного престижа;
- повышение доходов семей с детьми, путем создания условий для активной трудовой деятельности родителей.
- помощь многодетным семьям как путем выделения так называемого «регионального капитала» за рождения третьего ребенка, так и выплат до достижения ребёнком трёх лет.

Таким образом, мы можем отметить, что несмотря на крайне медленно меняющуюся тенденцию, многодетность в российском обществе воспринимается скорее как неординарное явление, но есть надежда, что

благодаря целенаправленной политике государства ситуация в ближайшие 5-10 лет изменится, так как только семьи с тремя и более детьми обеспечат устойчивый рост численности России со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Библиографический список

1. Варламова С. Н. Носкова А. В., Седова Н. Н. Семья и дети в жизненных установках россиян // Социс. – 2006. – № 11. – С. 61–72.
2. Льготы для многодетных семей в 2016 году <http://altaempresa.ru/lgotyi-dlya-mnogodetnyih-semei-v-2016-godu/> дата обращения 05.03.2016
3. Население России: численность, динамика, статистика <http://www.statdata.ru/russia> дата обращения 05.03.2016
4. Стенографический отчёт о заседании президиума Государственного совета «О государственной политике в сфере семьи, материнства и детства» <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20265> дата обращения 04.03.2016
5. Шевченко И. О. Большая семья – какая она?: (о многодетных семьях в России) // Социс. – 2005. – № 1. – С. 95–101.

IV. DIALECTICS OF CULTURE AND RELIGION

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF RELIGION DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF SPIRITUAL CULTURE

O. Yu. Kolosova

*Ph.D., assistant professor,
Stavropol branch of Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
Stavropol, Russia*

Summary. Considering a problem of the ratio of history of social and philosophical thought and history of religion in spiritual culture we face two unilateral tendencies. Firstly, there is absolutization of the role of religion in the history of spiritual culture of mankind and respectively teologization of all elements of this culture. Formation of social and philosophical thought on the basis of the religious principles in the context of spiritual culture is a logical consequence of such approach. Secondly, the scientific understanding of the problem is resisted also by the simplified representations ignoring the significant role of religion as the important sphere of culture in the history of spiritual life of mankind.

Keywords: religion; spiritual culture; public consciousness; national consciousness; logical method; historical method; sociological method.

Need of the accounting of history of philosophy and history of religion interrelation significantly increases in the modern conditions which are defined by unity of universal tendencies on the uniform moral and religious basis. Analysis and assessment of these tendencies demand comprehensive study of the real role of religious ideas in the context of all history of world social and philosophical thought which on particles incorporated elements of planetary universal consciousness [27].

The solution of such problems logically makes the demand of development of tools, logical device of research, including methods of the social and philosophical analysis of history of philosophy and religion [13, p. 6–9]. Characterizing these methods, we will proceed from strict subordination, distinguishing the general method, general scientific and private methods. Each of them means application of the scientific laws of various degree of the community reflecting objective laws of life and consciousness to research of the empirical phenomena and processes [4].

It is necessary to distinguish history of philosophy and religion as the certain objective process and reflection of this process in the public consciousness [17, p. 15–19]. Of course it is a peculiar reflection. It differs from reflection in other spheres of historical science where the distance between subject and object of knowledge remains and are shown rather obviously. Object

and subject have different ontologic nature [2, p. 168–177]. For example, objective history of production of goods, political establishments, equipment, social groups and reflection of this history in the ideal sphere are non-uniform, versatile. In relation to history of religion it means allocation in its structure only of institutional part (institutions, press, material forms of culture). The subject of reflection – separately learning person or group – essentially differs from object of reflection [14, p. 87–94].

Reflection, as the aspect of historical and philosophical and historical and religious knowledge, significantly differs from the specified forms. Heterogeneity of the subject and object is expressed implicitly: they in many respects possess generality, both according to contents and form. Object of knowledge is connection of religious and philosophical ideas, their development as a result of interaction of various national, philosophical, theological, socio-political doctrines [24, p. 241]. Development of philosophical and religious ideas is made objectively, regardless of its understanding by historians and from degree of depth of this understanding, reflection [15, p. 18–22]. As for the subject of reflection, that is theoretical activity of historian of philosophy and historian of religion, it is expressed in the same logical forms, as a complex of the ideas serving as object of reflection. In other words, the object and subject are identical by the substantial nature [26, p. 177–182].

The problem of the subject and object relations in relation to historic and philosophical process was partially covered in the scientific researches. V. V. Sokolov gives the characteristic of structure of the subject as unities of three interconnected parties: national and ethnic, class, personal. We are interested in the aspect of «national ethnic», a factor of social determination of historic and philosophical process covers practically all sphere of spiritual culture, including, naturally, and history of religious thoughts, which has developed by these people. The author gives classical examples of such national and ethnic determination: culture of nations of East Mediterranean has defined the birth of Ancient Greek philosophy as initial beginning of all subsequent not only European, but also Middle Eastern, Arabic-language philosophy, empirical tradition of English and rationalistic of French philosophy. The national and ethnic aspect of determination in historic and philosophical process can't be separated from other parts of the philosophical subject (class and personal). Absolutization of them conducts to unilateral judgments and conclusions.

The national and ethnic aspect, has to be considered not as something complete, single (that it is enough for a general characteristic of social determination). But when it comes to concrete identification of the mechanism of development of religious and philosophical ideas in this or that region or into this or that period, the accounting of interrelation of ideas within the national characteristic is necessary. In purely national and ethnic look any philosophical, including religious and philosophical, system doesn't function [22, p. 39–44].

Research of genesis of each of numerous philosophical systems, each of religious doctrines shows that in all cases the national and ethnic aspect of the subject in historical and philosophical process doesn't act separately. Therefore it is essential to consider not only communications of philosophical doctrines of various people, but also interrelations of philosophical doctrines with religious ideas of various directions [19, p. 29–31].

Therefore we have an essential methodological conclusion about need for process of the analysis of internationalization of social thought constantly correlate subject to object, without allowing its separation, entering into knowledge of lines and conclusions which don't follow from object. Need of such strict correlation of the subject (results of reflection) and objective process of internationalization of ideas extends not only to area of theoretical consciousness, but also all public consciousness in general [5]. Such requirement is necessary for the concrete analysis of the phenomena of history of philosophy and history of religion.

Application to this analysis of general scientific and specific methods historical and philosophical researches assumes the obligatory accounting of history of religious ideas [16, p. 123–128]. The first general scientific method – logical – allows to carry out the fullest theoretical reconstruction of object of historical and religious and historica and philosophical research.

Special value of logical method in the course of knowledge of history of philosophical and religious thought is that it allows to abstract from concrete forms and conditions and to reveal theoretical essence of the main problems of fundamental character. Identification of these problems in their "pure" form, that is conditional abstraction from concrete forms, allows to express theoretically forms of religious interpretation of any problem or category. At the same time the logical method gives the chance to consider not only specifically philosophical concepts, but also concepts which the religion uses. These concepts join in system of categories of this era, reveal their role in these or those philosophical doctrines (realism, nominalism, pantheism, deism).

The logical method is supplemented with the use of other general scientific method – historical – which essence is in the knowledge of any object or system, in its formation and development, in organic communication with the conditions fencing it. The historical method allows to reproduce role of the complex of ideas of various forms of social thought in formation of the type given to it. The historical method gives the chance to adequately reproduce background and concrete stages of development of religious and philosophical ideas.

Due to the historical method an opportunity to investigate concrete forms of motion of ideas through means of spiritual communication [3, p. 309–315] is created. The historical method allows not only to define the main stages of development of national social thought in the direction of its progressing internationalization, but also to reveal specific forms of this process.

The historical method can be shown in the several private versions. Among them are the comparative-historical and concrete historical analysis. The first of them is important for comparison of forms of the solution of problems in the various national types of social thought in the context of global problems of society [28, p. 12–18]. The concrete historical analysis allows to consider conditions of the place and time and give the exact social characteristic of result of changes of separate ideas, and also to estimate the direction of process in general [11, p. 119–123].

The historical method is closely connected with the sociological method of research of internationalization of social thought [20, p. 282–284]. Need of its application is defined by the fact that explanation of features of development of philosophical and religious thought by the immanent analysis, remaining only within pure logic is impossible. Only having revealed social, class requirements, the objective bases of interaction of spiritual cultures, is possible to explain historically peculiar forms of functioning of philosophical and religious thought [12, p. 172–176].

The sociological method is effective at the explanation of the role of institutions, social institutes in practical functioning of history of ideas, and also at an explanation of ratio ethnic and social in national cultures, their class character [25, p. 45–48].

One of the sociological method sides is the social and psychological analysis [21, p. 77–84] allowing to consider a role of traditions, social feelings, moods playing a significant role in real history of national forms of social thought [10, p. 155–159].

Application of the social and psychological method to historical and philosophical and historical and religious researches is very essential to the analysis of such category as national consciousness [18, p. 87–93].

The concept of national consciousness has difficult structure. First of all, it is reference by people themselves to this or that national ethnic group, or it is what in language of social psychology is called identification. We will notice that self-reference to this or that religious faith also is extremely important condition of functioning of national consciousness [23, p. 10–16]. The accounting of all manifestations of identification is especially important for historical and philosophical science in several informative situations.

Firstly, when it comes to representatives of small national groups and created by them philosophical including socio-political, ethic and esthetic compositions, religious ideas. As a rule, these groups in the majority assimilate an identification Assessment, both subjective (self-reference), and objective, allows to establish more precisely the cultural environment in which there were these or those ideas and certain works have been written [7, p. 28–34].

Secondly, the accounting of identification is important when philosophical works were created by the representative of these people in the conditions of simultaneous functioning of several literary languages. Language which is

traditionally carried to the main signs of the nation out of a factor of national consciousness can't be considered as the main determinant of the national identity of authors of philosophical works.

Besides identification the structure of the national consciousness studied by the method of social psychology includes also national autostereotypes, ideas of members of this ethnic group of the historical past, of religious traditions, of culture and the territory [6, p. 118–124].

The factor of national consciousness has not only theoretical, informative, but also emotional and estimated, regulatory sense. Its account is also important in the course of historical and philosophical research as raising of national consciousness can stimulate considerable increase of interest in the historical past of this national ethnic group and respectively to history of its social thought [9, p. 124–129]. The increased public attention to history of philosophy and history of religion characterizes such psychological state as growth and the certain sharpening of feeling of national consciousness.

The important place in the system of private methods of the historical and philosophical analysis is taken by semantic approach, it is a set of methods of the theoretical and linguistic analysis of terms which representatives of social thought at various stages of its development used [1, p. 156–159]. This method allows to investigate in detail texts, reveal real sense of concepts, the phrase. The semantic method is extremely important for the analysis of any national form of philosophy. The textual analysis allows to reveal elements of social thought in philosophical, religious, esthetic, ethical and other texts.

Full historical and philosophical research is almost impossible without history of religious ideas, all forms of interaction and interinfluence of the philosophical and religious ideas making a basis of spiritual culture [8, p. 151–155].

Bibliography

1. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Ерохин А. М. Эпистемологические и лингвистические исследования в аналитической философии науки: семантика конструктов // Вестник СевКавГТИ. – 2015. – Т. 1. – № 2 (21). – С. 156–159.
2. Бакланова О. А., Бакланов И. С. Современная российская социальность в контексте социального конструкционизма // Вопросы социальной теории. – 2015. – Т. 7. – № 1-2. – С. 168–177.
3. Бакланов И. С., Яценко А. Л. Роль социальных сетей в процессах глобализации // Личность. Культура. Общество. – 2010. – Т. XII. – № 4 (59–60). – С. 309–315.
4. Богомолов А. С., Ойзерман Т. И. Основы теории историко-философского процесса. – М. : Наука, 1983. – 287 с.
5. Говердовская Е. В., Антюхина А. В., Шульженко В. И. Актуальные проблемы духовной жизни личности и общества: региональный аспект. – Волгоград, 2014.
6. Говердовская Е. В., Добычина Н. В. Взаимные референции между реальным и виртуальным пространством: новая коммуникационная среда // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 7. – С. 118–124.

7. Говердовская Е. В. Социокультурные и этнологические особенности региона – основа модернизации высшего образования на Северном Кавказе // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2007. – № 7. – С. 28–34.
8. Гончаров В. Н. Современные концепции общества: философский анализ // Культура. Духовность. Общество. – 2015. – № 16. – С. 151–155.
9. Гончаров В. Н. Социально-философский аспект исследования общества // Наука и современность. – 2014. – № 32-2. – С. 124–129.
10. Гончаров В. Н. Социально-философский анализ экономической сферы общества // Наука и современность. – 2015. – № 35. – С. 155–159.
11. Гончаров В. Н. «Политическая культура» и «политическая социализация» как основы гражданского общества в России // Система ценностей современного общества. – 2010. – № 15. – С. 119–123.
12. Гончаров В. Н. Общество как социальная система // Система ценностей современного общества. – 2015. – № 39. – С. 172–176.
13. Dağanova Yu.S. Философия науки // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2011. – № 4. – С. 6–9.
14. Емельянов Б. В. О природе историко-философских источников // Философские науки. – 1979. – № 6. – С. 87–94.
15. Ерохин А. М. Религиозное сознание в контексте общественных отношений // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2015. – № 2 (81). – С. 18–22.
16. Ерохин А. М. Научно-информационный аспект исследования социокультурного развития общества в области культуры и искусства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – № 2. – С. 123–128.
17. Ерохин А. М. Культурологический аспект формирования религиозного сознания // European Social Science Journal. – 2013. – № 11-1 (38). – С. 15–19.
18. Камалова О. Н., Карпун А. Б. Основные структурные элементы политической власти // Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 1. – С. 87–93.
19. Камалова О. Н. «Созерцание» в философско-культурологических построениях И. Ильина // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 6. – С. 29–31.
20. Лобейко Ю. А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. – 2014. – № 7-2 (46). – С. 282–284.
21. Лобейко Ю. А. Проблема организации психолого-коррекционной работы со студентами-первокурсниками // Известия Южного федерального университета. Технические науки. – 2012. – Т. 135. – № 10. – С. 77–84.
22. Матяш Т. П., Несмеянов Е. Е. Православный тип культуры: идея и реальность // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2015. – № 3 (82). – С. 39–44.
23. Матяш Т. П., Матяш Д. В., Несмеянов Е. Е. «Науки о природе» и «науки о духе»: судьба старой дилеммы // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2015. – № 1 (80). – С. 10–16.
24. Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследований современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 9. – С. 241.
25. Микеева О. А. Анализ парадигмальных оснований социокультурного подхода в социальном познании // Научная мысль Кавказа. – 2009. – № 1. – С. 45–48.
26. Несмеянов Е. Е. Соотношение религии и науки в гуманитарном знании и современном обществе (по материалам монографии К. В. Воденко и А.А. Мекушкина «Христианство и наука: история и современность» (М., 2014) // Гуманитарий Юга России. – 2015. – № 1. – С. 177–182.
27. Новиков А. И. Классовый подход и новое мышление. – Л. : Лениздат, 1988. – 175 с.

28. Шумакова А. В. Кризис системы образования в контексте глобальных проблем общества: обоснование образовательной парадигмы // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2013. – № 1. – С. 12–18.

ФИЛОСОФСКАЯ КРИТИКА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО КРИЗИСА

Е. В. Сапрыкина

*Кандидат философских наук, доцент,
Северо-Кавказский федеральный
университет, г. Ставрополь, Россия*

Summary. The cultural atmosphere of uncertainty, instability becomes an important active role of philosophy, serving as a special form of social practice, and to think critically about how the existence of society and culture. It is argued that philosophy is the highest expression of critical human capacity, aimed to release him from enslaving relations. Philosophy as criticism is defined as an individual's moral position in contemporary culture.

Keywords: philosophy; culture; postmodern; criticism.

Человек в современном мире обладает ранее невиданными возможностями, по сути неограниченной свободой. Свобода современного человека выражается в независимости собственного суждения, самостоятельного выбора от безоговорочного авторитета традиции. Мобильность, динамизм, предприимчивость – следствия именно такой свободы. Современная культура предлагает человеку множество различных способов существования, стилей жизни, жизненного поведения. Человеку предоставляется возможность самостоятельно выбирать тот образ жизни, который для него является наиболее приемлемым, отвечает его целям, соответствует его интересам и потребностям. Возможность неограниченного выбора, а также самого выбора предполагает свободу в культуре и жизни человека.

В действительности человек часто совершает выбор неосознанно или руководствуется не всегда оправданными мотивами: прагматическими соображениями, установкой на оригинальность, новизну, игровую изобретательность. Кроме того, в современной культуре он оказывается не перед проблемой выбора, а перед проблемой избытка выбора. Неспособность разумно адаптироваться к переменам, новизна ситуации могут вызывать у человека апатию, неуверенность, смятение. Зачастую человек, думая, что он совершает свободный выбор, осуществляет его в результате манипуляций внешних, неподвластных ему сил. Так, например, мода ненавязчиво диктует нам свои стандарты-императивы, невыполнение и пренебрежение которых грозит отлучением от современности.

Именно эти обстоятельства вызывают необходимость развития критического мышления, направленного на освобождение человека. Философия всегда выступала за свободу мышления, личности и общества. Фило-

софию можно рассматривать как высшее проявление критической способности мыслить.

Критическая рефлексия философии заключается в сомнении, в требовании обоснованных доказательств и аргументации. Конструктивность критики философии связана с тем, что она направлена на обличение общепринятых норм, взглядов обывателей на жизнь, против слепого преклонения перед традициями и ложными авторитетами. Философия ориентирует не принимать без критики на веру стереотипные мнения и суждения, а формировать собственные убеждения. Человек, осознанно совершая свой выбор, есть не объект манипулятивных действий, а в некоторой степени творец и хозяин собственной жизни.

Критика философии всегда ориентирована на ценности, общественный идеал, связана с оценкой социокультурной действительности под определенным углом зрения. Одной из главных ценностей современной культуры является свобода – экономическая, политическая, идеологическая. Однако конфликтность, трудность жизни в условиях свободы недостаточно осознаны. Следствием свободы в обществе и культуре является преследование всеми личных интересов, столкновение волей, удовлетворение потребностей, сопровождающиеся непониманием. В современной интеллектуальной ситуации, где плюрализм возводится в закон, необходима критическая рефлексия, осуществляемая философией. Рациональная критика, свободное обсуждение противоречивых мнений будут способствовать достижению компромисса, выбору оптимальных решений проблем, возникающих в результате столкновения противоположных интересов, убеждений, стилей и форм жизни.

Задачей философии является выработка условий коммуникации в современной интеллектуальной атмосфере, достижения консенсуса, понимания между субъектами социокультурного мира. Эти требования превращают философа из «великого мыслителя», изобретающего за письменным столом рецепты жизни, в активного участника коммуникации, общения. Своеобразие его интеллектуальной позиции заключается в выявлении общих «правил игры», которых придерживаются участники коммуникации. Это создает условия для критической рефлексии и контроля над теми коммуникативными структурами, по которым живут, действуют и познают индивиды. Таким образом, философское исследование, направленное на развитие форм социально-культурного общения, становится реальным процессом производства социокультурной действительности, осуществляет единство теоретического и практического разумов, о котором заботились философы прошлого и настоящего.

Ю. Хабермас предлагает концепцию философии, основанную на коммуникативной рациональности [4]. Философия обеспечивает необходимую связь между повседневным миром и теорией. Сохраняя связь с до-теоретическим знанием и с непредметной целостностью практического

опыта, философия способна к рефлексивному обращению на научное знание. По отношению к жизненному миру повседневности философия занимает ту же позицию, что и научное знание, так как несмотря на непосредственную связь с жизнью, философия противопоставляет «здравому человеческому рассудку» силу своей рефлексии. Таким образом, философия осуществляет критическую рефлексия по отношению к науке, будучи связанной с до-научными практиками, а также по отношению к миру повседневности, принимая форму специального знания.

Философская критика, представленная многообразием форм социального критицизма, становится социально ориентированной, так как направлена на анализ и осмысление социальных организаций и структур. Размышляя о современной парадигме философствования, В. Фурс утверждает, что философия в современной культуре принимает обличье социального критицизма [3, с. 4]. Это означает, что критика, осуществляемая с помощью философии, по отношению к социокультурным феноменам воплощает стратегию дальнейшего продуктивного развития философии в культуре.

Многие исследователи полагают, что тотальная критика философского разума обусловлена сложившейся интеллектуальной ситуацией, выражающейся в сомнении в возможности существования науки, идеологии и других метанарративов [2]. Критика классической философской парадигмы рационализма, гуманизма, историзма, радикальное неприятие социальной организации, отрицание возможности отдельной личности противостоять могуществу надличностных (социально-политических, идеологических) структур – лейтмотив большинства постмодернистских рассуждений. В своих разоблачениях постмодернизм не уникален. Это выражение состояния эпохи на переломе, переходного периода, ломки старых традиций и поиска новых мировоззренческих ценностей. В кризисный период развития культуры повышается роль критической рефлексии философии. Это обусловлено следующими обстоятельствами: во-первых, критика – это одна из основных ипостасей философии; во-вторых, общая тенденция современной философской мысли выражается в тотальной критике модернистского типа сознания, идеи модерна, о чем свидетельствует появление множества направлений критического толка; в-третьих, актуализация критической функции философии выступает необходимым условием преодоления прежнего миропонимания и формирования нового взгляда на мир и человека [1, с. 16]. Негативным тенденциям и деструктивным процессам современности философия должна противостоять созидательной силой своей критики, направленной на конструирование новых ценностных ориентиров, принципов поведения и жизнедеятельности человека.

Культурные перемены породили ранее неизвестную мобильность человека, который перестает быть привязанным к одной социальной и культурной среде. Если раньше он постоянно имел дело с одним и тем же со-

циальным окружение, с повторяющимися ситуациями и сходными проблемами, для которых культура выработала и закрепила определенные стереотипы и образцы, то современность порождает новые социальные и культурные практики, для которых нет готовых норм и схем поведения или культурных предписаний.

Новая социокультурная ситуация поставила человека в ранее неизвестную ему нравственную ситуацию. Если в прошлом только интеллектуалы прозревали необходимость расширения нравственной ответственности человека до масштаба всего человечества, сейчас же это становится потребностью нравственного сознания каждого человека. В прошлые века определение культурных ценностей, идеалов, норм и традиций, ориентирующих человека в мире и диктующих ему, как поступать и действовать, считалось обязанностью и привилегией интеллектуалов и философов-экспертов, то в настоящее время ответственность за правильный выбор лежит на каждом человеке и составляет основу его нравственной позиции.

Философия в современной культуре – это систематический опыт свободы. Это означает, что она не сводится только к академической форме своего существования, а включает в себя «непрофессиональную» философию, которая была всегда, но сейчас ее отличают не тоскливые размышления о смысле жизни, а неприятие любого патернализма, развитое критическое мышление. Эмансипация в философии понимается не в смысле освобождения, связанного с социально-классовой борьбой или национально-освободительным движением. Это особый опыт, который человек проделывает относительно себя. Быть философом – это осознанная этическая позиция, последовательно проводимая в жизненных практиках индивида.

Библиографический список

1. Сапрыкина Е. В. Трансформация функций философии в современной культуре: Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филос. наук. – Ставрополь, 2004.
2. Сергодеева Е. А., Сапрыкина Е. В. Философский дискурс в культуре постмодерна// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. –2014. – № 9 (47).
3. Фурс В. Н. Контуры современной критической теории. – Минск, 2002.
4. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М. : Academia, 1995.

ПРОТИВОРЕЧИВОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ ЗАБЛУДЩИХ ГРУПП

Х. Сагдиев

Докторант,
Ташкентский исламский университет,
г. Ташкент, Узбекистан

Summary. The article analyzes refutes of the scientists of "Ahl al-Sunnah wa al-Jama'ah" against the theological views of the representatives of the currents of "Khawarij" and their newly appeared representatives. In particular, it is based on the early dogmatic works of Abu Hanifa and his successor Abu Ja'far at-Tahawi and their commentaries to disclose the fault of "Khawarij" beliefs contradicting to "Ahl al-Sunnah wa al-Jama'ah".

Keywords: Kharijites; Ahl Al-Sunnah Wa al-Jama'ah; kufr (disbelief); al-Aqeedah Al-Tahawi; bloodshed; a revolt against the ruler; the prosecution of scientists.

Заглянув в историю распространения ислама на территории нынешних стран СНГ, можно стать свидетелем того, что традиционно, преобладающая часть верующих придерживается богословско-правового комплекса ханафитского толка (последователи данного мазхаба, от имени основателя Абу Ханифы, (ум. в 767 г.), возникли в VIII в. в г. Куфа (Ирак). Особенности мазхаба в том, что Коран принимается как источник права целиком и безоговорочно, а сунна принимается как независимый источник, но только после тщательного отбора хадисов) ортодоксального течения «Ахл ас-Сунна ва-л-Джамаа» (люди сунны и согласия общины – самоназвание большей части мусульман, суннитов – одного из основных течений ислама, наряду с шиитами и хариджитами). После приобретения независимости бывшими странами СССР широко открылся путь к вероисповеданию и получению религиозных знаний. Народы, проживающие на территории стран СНГ, начали возрождать свои обычаи и почти утерянные традиции, а также вернулись к религиозным верованиям, которых испокон веков придерживались их предки. Естественно, тот духовный вакуум, который образовался в период долгих лет атеистической пропаганды, начал быстро заполняться. Но, наряду с традиционными верованиями ислама, среди населения стран СНГ начали проникать чуждые ортодоксальным учениям взгляды и воззрения.

Одним из таких представителей фанатично-экстремистских верований являются новоявленные последователи исторического течения «хариджитов» (ал-Хаваридж – ед. ч. харидж; «выступающие», «мятежники», «раскольники». «Хариджиты», последователи самой ранней в истории ислама религиозно-политической группировки, образовавшейся в ходе борьбы за власть в Халифате между сторонниками Али б. Аби Талиба и Му'авии в битве при Сиффине (657 г.), такие как: «Ат-Такфир ва-л-Хиджра» (международное религиозное объединение, включенное в список экстремистских организаций решением Верховного Суда Российской Федерации от 15.09.2010.), «База» («Аль-Каида»), «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир ал-Ислами»), «Исламская партия Туркестана» (бывшее

«Исламское движение Узбекистана»), «Исламский джихад – Джамаат моджахедов» (Все они включены в список террористических организаций Верховным судом Российской Федерации от 18 июля 2006 г.) и т. д.

Основной акцент в статье направлен на сравнительный анализ теологических вероучений вышеназванного течения (хариджиты) с представителями «Ахл ас-Сунна ва-л-Джамаа» и опровержению экстремистским взглядам на основе главных источников ислама; Корана и Сунны, а не возникновению «хариджитов», их руководителей и деятельности. При этом использованы произведения Абу Ханифы, а также ханафитского ученого Абу Джа`фара ат-Тахави «ал-Акида ат-Тахавия» и комментариев к ним, которые являются фундаментальной основой и духовным наследием в области теологии при изучении догм ислама в медресе и в высших религиозных учебных заведениях стран СНГ.

Сторонники «Ахл ас-Сунна ва-л-Джамаа» единогласно убеждены в том, что «хариджиты» являются заблудшим течением, которые внесли нововведение в религию и раскололи единство мусульман [2, с. 9]. Относительно того, являются ли они мусульманами или нет, среди ученых «Ахл Сунны ва-л-Джамаа» существует два мнения. Среди известных ученых, считавших «хариджитов» «неверными» на основании того, что они сделали дозволенным запреты Аллаха и его Посланника, а также хадиса, в котором сказано, что они вылетят из религии как стрела из лука были: ал-Бухари, Абу Бакр ибн ал-‘Араби, ас-Субки и ал-Куртуби [10, ч. 12, с. 300; 12, ч. 7, с. 85]. Другим и наиболее правильным мнением считается то, что они не являются «неверными» [16, ч. 7, с. 170; 13, с. 392]. Ибо сподвижники были единогласны в необходимости сражения с ними, однако они не называли их «неверными» [5, ч. 5, с. 248].

Наиболее известный признак заблуждения «хариджитов» – это то, что они обвиняли в неверии мусульман за большие грехи [1, ч. 1, с. 166–167; 18, с. 224]. Основывают они эти свои взгляды тем, что за совершение грехов, которые в Коране или Сунне называются неверием (куфр) человек может попасть в Ад. Это свидетельствует о незнании «хариджитами» основ религии, а также об уровне их непонимания шариатских текстов. Многие большие грехи именуются в Коране и Сунне неверием (куфр), однако это не означает, что совершивший эти деяния мусульманин впадает в великое неверие. Подобный прием используется для указания на особую степень тяжести этого греха, но никак не для того, чтобы обвинить человека в великом неверии, выводящем его из религии. Такой вид неверия называется малым неверием. Ал-Бухари в своем «сахихе» приводит хадис от Пророка о неблагодарности женщин по отношению к своим мужьям, называя это деяние неверием (куфр) и тем самым именовал эту главу, содержащую подобные хадисы: *«Неверие, которое меньше неверия»* [8, с. 4].

Абу Ханифа в своем трактате говорит: «Ни одного из мусульман не называем «кафиром» (неверным) за содеянный грех, хоть это будет боль-

шим грехом, за исключением, если он не назвал греховное деяние дозволенным» [7, с. 210]. Ханафитский ученый Абу Джа'фар ат-Тахави говорит: «Мы не считаем, кого бы то ни было из людей нашей «кыблы» (*сторона, в которую обращаются мусульмане во время молитвы*) неверующим из-за какого-то греховного действия, совершенного им, пока он не считает это действие дозволенным» [11, ч. 2, с. 368]. Ученые «Ахл ас-Сунны ва-л-Джамаа», которые комментируют слова Абу Ханифы и Абу Джа'фара ат-Тахави приводят доводы из Корана и Сунны Пророка. В Коране Аллах говорит: **«О те, которые уверовали! Вам предписано возмездие за убитых: свободный – за свободного, раб – за раба, женщина – за женщину. Если же убийца прощен своим братом, то следует поступить по справедливости и уплатить ему выкуп надлежащим образом»** [19, с. 31]. Ученые, приводя этот аят в качестве довода, указывают на то, что хотя убийство и считается большим грехом, Аллах не выводит этих грешников из числа верующих. Приводя доводы, ученые обращаются на слова Посланника Аллаха. Пророк Мухаммад говорил: *«Тот, кто обвинил мусульманина в неверии, подобен тому, кто его убил!»* [17, ч. 22, с. 177]. Другой хадис, который приводит Исмоил ал-Бухари в своем сборнике хадисов, когда Пророк Мухаммад наказал одного из своих последователей за питье алкоголя и один из присутствующих проклял его за это, на что Посланник Аллаха сказал: *«Не проклинаяте его, клянусь Аллахом, он любит Аллаха и его Посланника»* [8, с. 566]. В приведенном хадисе ясный довод на то, что Пророк не вывел человека, который совершил большой грех из религии.

Следующее, это то, что «хариджиты» обвиняют в неверии мусульман, несогласных с ними, считая дозволенным покушение на их жизнь и присвоение их имущества [18, с. 224]. Абу Ханифа в своем трактате говорит: «Раб, который принял ислам, станет верующим и освободится от многобожья. Его жизнь и имущество станет неприкосновенным. Ему даны права мусульман. Покушаться на его кровь и имущество стало запретным» [15, с. 35]. Комментируя эти слова, ученые приводят в доказательство следующий аят и хадис от Пророка Мухаммада. Аллах в Коране говорит: **«Если же кто-либо убьет верующего преднамеренно, то возмездие ему будет Геенна, в которой он пребудет вечно. Аллах разгневается не него, проклянет его и приготовит ему великие мучения»** [19, с. 111]. Пророк Мухаммад, указывая на выход «хариджитов» из племени человека, который упрекнул его в несправедливости, сказал: *«Будут оставлять поклоняющихся идолам, и убивать обладателей веры!»* [8, с. 270]. Ученый ханафит Абу Джа'фар ат-Тахави говорит: «Мы говорим, что нельзя поднимать меч против кого-либо из общины Мухаммада, да благословит и приветствует его Аллах; меч поднимается только против того, кому это обязательно» [11, ч. 2, с. 603]. Ученые «Ахл ас-Сунны ва-л-Джамаа», комментируя слова улема ат-Тахави, приводят хадис Пророка Мухаммада, где он сказал: *«Проливать кровь мусульманина, свидетельствующего,*

что нет Бога, достойного поклонения, кроме Аллаха, и что я – Посланник Аллаха, не разрешено. Исключений только три: женатый (замужняя) прелюбодей (ка), убийца и вероотступник который, покидая религию, отделяется от общины» [16, ч. 11, с. 164–165]. При этом решение о пролитии крови мусульманина выносит только кади (судья), назначенный руководителем государства.

Очередным и самым главным распространенным признаком заблуждения «хариджитов», который является их убеждением то, что они дозволяют восстание против законного правителя мусульман, выискивая их за грехи, и публично порочат [1, ч. 1, с. 167; 6, с. 72; 3, с. 106]. Это вовсе не новшество современных «хариджитов», таков был метод и первых из их числа. Укба ибн Васадж говорит: «Мне рассказывали о «хариджитах» и о том, как они порочат своих правителей. И однажды, когда я встретил Абдуллаха ибн Амра, я сказал ему: «Ты из числа оставшихся сподвижников Посланника Аллаха, и Аллах даровал тебе знание. Тут люди в Ираке порочат своих правителей и заявляют во всеуслышание об их заблуждениях, что ты скажешь об этом?» Он ответил: «Это те, на которых проклятие Аллаха, ангелов и всех людей!» [14, с. 647] Абу Джа`фар ат-Тахави сказал: «Мы не будем выступать против наших имамов (правителей) и руководителей даже если они будут совершать зулм (несправедливость и насилие). Мы не будем проклинать их. Мы не будем противиться в повиновении им. Мы считаем повиновение им обязательным повиновением Аллаху, если только они не приказывают совершать грех. Мы молим у Аллаха для них правильности и прощения» [11, ч. 3, с. 3]. Ученые «Ахл ас-Сунны ва-л-Джамаа», комментируя слова ат-Тахави приводят довод из Корана, где Аллах говорит: **«О те, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху, повинуйтесь Посланнику и обладающим влиянием среди вас»** [19, с. 104]. Пророк Мухаммад о повиновении правителю говорит: *«Кто повинуется мне, тот повинуется Аллаху, и кто не повинуется мне, тот не повинуется Аллаху, и кто повинуется правителю, тот повинуется мне, и кто не повинуется правителю, тот не повинуется мне»* [8, с. 238]. Пророк Мухаммад также сказал: *«Слушайся и повинуйся правителю, даже если он будет бить тебя по спине и забирать твое имущество!»* [8, с. 1010]. Известный ученый, дядя и один из первых наставников Абу Джа`фара ат-Тахави, Ибн ал-Мунзир говорил: «Обладатели знанием единогласны в том, что человек обязан оберегать свои жизнь и имущество, если на это покушаются не по праву. Но вместе с этим все знатоки хадисов считают, что правитель является исключением из этого, на что указывают предания о необходимости терпения несправедливости с его стороны и недопустимости выхода против него!» [10, ч. 5, с. 148].

Следующее их убеждение то, что они порочат и обвиняют в неверии ученых. Примером может послужить тот случай, когда Ибн Аббас пришел для проведения переговоров с «хариджитами», отколовшимися от войска

Али. Некоторые из них стали выкрикивать: “Не разговаривайте с ним!”, и тогда встал Ибн ал-Кавва, который на тот момент еще был «хариджитом», и обратился к людям, предостерегая их от Ибн Аббаса, со словами: “О, последователи Корана! Поистине, если кто-либо из вас и не знает этого Ибн Аббаса, то я знаю его, это о его народе Аллах сказал: **«Они являются людьми препирающимися»** [19, с. 638]. Пусть возвращается к своему хозяину (Али), пусть возвращается к своему хозяину, вы же не отходите от Книги Аллаха!» [4, ч. 8, с. 309]. Если заглянуть на убеждение других заблудших сект и течений, то можно увидеть это качество и у них. Ханафитский ученый Абу Джа`фар ат-Тахави в своем трактате говорит: «Ученые первой общины (предшественники) и те, кто следовали их пути (табиинны), – люди добродетели, сообщавшие хадисы (предания), правоведы (факихы) и люди разума; о них нужно отзываться только наилучшим образом, и кто скажет что-либо плохое о них, – не на прямом пути» [11, ч. 3, с. 435]. Комментируя слова ученого, улемы «Ахл ас-Сунны ва-л-Джамаа» приводят аяты из Корана, где Аллах говорит: **«Аллах возвышает по степеням тех из вас, кто уверовал, и тех, кому даровано знание»** [19, с. 720]; а также, **«Боятся Аллаха среди Его рабов только обладающие знанием»** [19, с. 557]. Ученые, приводя доводы из Сунны Посланника, сообщают, что Пророк Мухаммад сказал: *«Не относится к моей общине тот, кто не уважает старших среди нас, не милосерден к младшим, а также не отдает должное тем, кто обладает знанием»* [9, ч. 9, с. 343]. Также Пророк Мухаммад говорит: *«Кто двинется по дороге с целью обрести знания, того Аллах поведёт по одной из дорог, ведущих в Сад (Рай). Воистину, ангелы склоняют свои крылья из благоволения к ищущему знания. Воистину, за ищущего знаний просят прощения (у Аллаха) те, кто на небе и на Земле, и даже рыбы в глубинах морских. Воистину, преимущество учёного мусульманина над мусульманином-богомольцем такое же, как у Луны перед остальными светилами. Воистину, учёные – наследники пророков, которые оставляли в наследство не дирхемы и не динары, но знания. Итак, избравший это (поиск знаний) обретает долю изобильную»* [8, с. 1493].

В заключении нужно подчеркнуть тот факт, что в нынешнее время всемирной глобализации доступ для получения информации становится все легче и доступнее. Любая личность, в том числе и мусульманин при получении той или иной информации в сетях интернета обязательно сталкивается с ложными материалами об исламе, которые привлекательно окутывают читателя доводами из Корана и Сунны, интерпретированные убеждениями вышеназванных заблудших течений и сект. В связи с этим, необходимо обратить серьезное внимание на то, где сегодня верующие мусульмане получают знания по основам исламской религии и на какие источники опираются. Немаловажно установление и развитие связей по научным направлениям со странами СНГ и зарубежными государствами, занимающимися вопросами религиоведения и исламоведения. Потому

что, религиозный экстремизм является проблемой не только стран СНГ, но и глобальной проблемой всего мира.

Нужно отметить, что все ученые «Ахл ас-Сунна ва-л-Джамаа» признавали религию ислам как светочзнания, просвещения и науки. Доведение этой религии до сознания нынешних и будущих поколений, как орудия просвещения, должно быть задачей каждого обладателя здравого ума.

Библиографический список

1. Абу Хасан ал-Аш`арии. «Макалат ал-исламийин ва ихтилаф ал-мусаллийн». – Бейрут : ал-Мактаба ал-асрия, 1990.
2. Абдул Мухсин Насир Оли Убайкани. «ал-Хавариж ва ал-фикр ал-мутажаддида». – Кувейт : Мактаба ибн ал-Кайум, 2007.
3. Абу ал-Фатх Мухаммад Абду ал-Карим аш-Шахристани. «ал-Милал ва ан-нихал». – Бейрут-Ливан : Дар ал-Кутуб ал-илмия, 1992.
4. Абу Бакр Ахмад ал-Байхаки. «ас-Сунан ал-кубро». – Бейрут-Ливан : дар ал-Кутуб ал-илмия, 2003.
5. Абу ал-Аббас Такий ад-Дин Ахмад ибн Абду ал-Карим. «Минхаж ас-Сунна ан-набавия», 1986.
6. Абду ал-Кахир ибн Мухаммад ал-Багдади. «Фарк байн ал-фирак». – Ливан: ал-Мактаба ал-асрия, 1995.
7. Али ибн Султан Мухаммад ал-Кари. «Минаху ал-Равз ал-Азхар фи шарх ал-Фикх ал-Акбар». – Ливан-Бейрут : Дар ал-Башаир ал-Исламия, 1998.
8. «Ал-Кутуб ас-Ситта». – Эр-Рияд : Дар ас-Салам, 2008.
9. Ахмад ибн Ханбал. «Муснад ал-Имам Ахмад бин Ханбал». – Бейрут-Ливан : Дар ал-Кутуб ал-Илмия, 2008.
10. Ахмад ибн Хажар ал-Аскалани. «Фатх ал-Бари». – Каир : Дар ар-раиан ли-т-турас, 1987.
11. «Джами` ад-Дурус ал-Акадия фи шарх ал-Акида ат-Тахавия ли Аби Джа`фар ат-Тахави». – Каир: «Дар ибн Хазм», 2009.
12. Джалал ад-Дин ас-Суюти. «Сунан ан-Насаи би шарх ал-Хафиз Джала ад-Дин ас-Суюти». – Бейрут-Ливан : Дар ал-башаир ал-исламия, 1986.
13. Зайд бин Абд ал-Азиз Оли Фаяз. «ар-Равза ан-Надия шарх ал-акида ал-васатия». «Дар ал-ватан». 1994.
14. Ибн Абу ал-Асим «ас-Сунна». – Эр-Рияд : Дар ал-Сами`и ли-н-нашр ва ат-тавзи, 1998.
15. Мухаммад Захид ал-Кавсари «ал-Алим ва ал-мутаалим, далее рисала Аби Ханифа ила Усман ал-Баттий, после ал-Фикх ал-абсат». 1949.
16. Мухиддин Абу Закария Яхя ан-Навави. «Сахих Муслим би шарх ан-Навави». – Каир : Матбуат ал-Мисрия би-л-Азхар, 1969.
17. Сулайман ибн Ахмад ат-Табарани. «ал-Мажмау ал-кабир». – Каир : Мактаба ибн Таймия, 1983.
18. Хамуд Тавижри. «Иттихаф ал-джамаа». – Эр-Рияд : Матбуат ал-мадина, 1976.
19. Кулиев Э. (перевод с арабского) «Смысловый перевод священного Корана на русский язык». – Медина, Саудовская Аравия : Комплекс имени Короля Фахда по изданию священного Корана, 2002.

V. TOLERANCE AS MORAL IMPERATIVE

МОРАЛЬ КАК ОСНОВА ТОЛЕРАНТНОСТИ

И. Г. Дорошина

*Кандидат психологических наук, доцент,
генеральный директор,
Научно-издательский центр
«Социосфера», г. Пенза, Россия*

Summary. The article reveals the essence of moral tolerance phenomenon. The moral is justified as the foundation and source of tolerant relations. A number of moral qualities and principles in terms of the theory of tolerance are interpreted. Logical sequence and the relationship of moral qualities of a tolerant person are identified.

Keywords: morality; tolerance; respect; understanding; friendship and responsibility.

Исторический опыт развития общества показывает, что на всех этапах эволюции взаимоотношения между людьми, группами, народами и народностями толерантность выступает одним из важных условий стабильного сосуществования, потому что толерантность по своей сути – это прежде всего высокое морально-нравственное чувство, а как известно, мораль является особой формой общественного сознания, идеалом гуманистической культуры человека. Она распространяется на все сферы жизни общества: труд, быт, политику, науку, межличностные, семейные, внутригрупповые, межнациональные и т. п. отношения. Моральные принципы отличаются от требований, предъявляемых в каждой из названных сфер тем, что носят универсальный характер. Они одинаковы для всех людей и разных жизненных ситуаций. Мораль взаимосвязана с культурой человеческих отношений и складывается на основе исторического опыта развития сообщества людей.

Моральные принципы регулируют общественные устои в общем виде, чем отличаются от более конкретных традиций, обычаев, ритуалов, этикета и т. д. В отличие от юридических норм и служебных предписаний, которые разрабатываются и контролируются специальными органами, нравственные нормы создаются в процессе взаимного общения людей и отражают духовный и практический опыт общности и составляющих её индивидов. Моральные нормы имеют общечеловеческую универсальность, но в то же время свою специфику вносят национальные, религиозные и исторические особенности. Мораль проявляется в массовом сознании, общественном мнении, убеждениях, привычках и оценках людей.

Соблюдение требований морали контролируется самими людьми, причём компетентность человека в нравственных вопросах определяется не его статусом или официальными полномочиями, а уровнем его собственного духовно-нравственного развития и его добропорядочным жизненным опытом. Моральные нормы отличаются от обычаев тем, что они имеют мощную идейную составляющую, выражающуюся в заповедях, принципах, регулирующих повседневное поведение человека. Совокупность моральных принципов создает духовный каркас, на котором строится культура общества во всём своём многообразии [2].

Мораль – это целостная система взглядов на явления социальной жизни, человека, общества, истории. Моральные воззрения, основанные на универсальных критериях оценки происходящего с позиции добра и зла, могут не совпадать с существующими в обществе обычаями, нормами, образом жизни. Регуляция морального поведения осуществляется на уровне сознания, человек сам или при содействии других понимает и принимает оценку своих поступков с точки зрения соответствия их нравственным нормам, а также соотносит с этой оценкой свои будущие действия. Нравственная личность ориентируется не на внешние похвалу или порицание, а на внутренние потребности морального поведения. Моральные принципы влияют на формирование нравственных убеждений личности и, соответственно, мотивов, побуждений и намерений. Главной целью воспитания является формирование в человеке нравственной культуры, способности самостоятельно соотносить свои и чужие поступки с критериями морали. Нравственное развитие личности взаимосвязано с формированием таких качеств, как совесть, порядочность, честь, достоинство. Система представления о морали, наличие твёрдых устоев, регулирующих поведение в обществе, создаёт моральный облик личности.

Следование моральным нормам не всегда связано с моментальным достижением определённого результата, но как показывает богатейший опыт человеческой истории, мораль ведёт человечество к духовному и социальному прогрессу, к гуманизму и толерантности. Таким образом, моральные требования являются императивом поведения людей во взаимоотношениях друг с другом.

В плоскости толерантности понимание является одним из важных моральных требований взаимоотношений. Понимание – это качественное состояние зрелости человека и в этом смысле оно имеет прочные моральные основы, опирается на нравственное воспитание. Кроме прочего, понимание – универсальная необходимость формирования всяческих форм взаимоотношений. Понимание как сложное умственно-психическое состояние изучается разными социально-гуманитарными науками: психологией, философией, социологией, этикой и т. д. Понимание имеет многообразный характер и связано с интеллектуальными, культурными и духовно-нравственными особенностями, также целями и задачами

познающего субъекта. Понимание необходимо для организации эффективной совместной деятельности, потому что без понимания невозможно скоординировать действия и усилия. Понимание не сводится к усвоению суммы знаний об объекте, так как возможно знание, основанное на механическом запоминании информации без осознания сути явления.

Не всякое понимание – правильное, полное осознание сути вещей и явлений сложно и противоречиво. Тем не менее, понимание является необходимым условием познавательного процесса и толерантных взаимоотношений. Понимание чего-либо и кого-либо означает постижение его смысла, обеспечивает стабильность и продолжительность общительного процесса. Для характеристики толерантных взаимоотношений необходимо взаимное понимание участников общения. Одностороннее понимание не гарантирует конструктивного социального контакта между субъектами и не устраняет потенциальные и существующие сложности в процессе взаимодействия. Взаимопонимание между людьми, группами способствует формированию между ними и других отношений ещё более высокого уровня, расширяются возможности построения партнёрства и сотрудничества. Понимание – это способность, требующая непрерывного обогащения знаниями, умениями и навыками и накопления жизненного опыта. Одним словом, понимание как универсальное необходимое свойство солидарных, близких, дружеских, любовных, партнёрских и т. п. взаимоотношений является императивом социальной толерантности.

Во многом состояние понимания между сторонами общения, диалога находят свое еще более развитое отражение в возникновении дружбы между ними, что в свою очередь является признаком развития атмосферы толерантности. Дружба – это форма толерантных отношений между людьми, имеющая устойчивый, избирательный характер. Узлы дружбы предполагают взаимную привязанность, усиление процессов сближения, взаимные ожидания ответных действий. Дружба может иметь место на межличностном, межгрупповом, международном уровнях. Необходимость взаимопонимания, откровенность и открытость друг другу, доверительность, постоянная взаимопомощь, взаимный интерес к делам друга, искренность и бескорыстие чувств – необходимые условия дружбы. Нарушение этих обязательных условий приводит к прекращению дружеских связей, к поверхностным отношениям или даже превращению дружбы во вражду.

Дружба возникает при осознании человеком значимости близких взаимоотношений с другими и этому способствуют большая частота встреч и большой объём совместно проводимого времени. Дружба означает глубокие эмоциональные контакты. Дружеские связи появляются, начиная с ранней молодости, и могут продолжаться до конца жизни. Но бывает и такие случаи, что дружба в силу разных причин распадается. С

появлением собственной семьи, новых родственных связей дружеские отношения в определённом смысле отходят на задний план, но это не означает конец дружбы, потому что это толерантное чувство имеет очень устойчивый, стабильный характер. Другие социальные партнёры могут меняться, но люди предпочитают не менять друга, отсюда и афоризм: «Лучший друг – старый друг!».

Дружба носит избирательный смысл. Человек не будет дружить с каждым, так как дружба – это прочный союз, который доставляет сторонам огромной психологический комфорт, поэтому люди дружат с теми, в которых они уверены, имеют к ним высокое доверие и чувство сопричастности. Вышеизложенные мнения подтверждают, что дружба является одной из основных категорий философии толерантности, которая придает межличностным, межгрупповым взаимоотношениям возвышенный духовный смысл, усиливает чувства взаимной привязанности, общности интересов и симпатии.

Нравственный, дружественный взгляд на окружающих людей в свою очередь вытекает из развитого чувства взаимности. Такое чувство толерантности означает общую, обоюдную связь между участниками общения. Взаимность, как правило, трактуется как достойный ответ на те или иные действия партнёров. Взаимность подразумевает не простую связь, а обусловленность сторон ответными поступками. Когда говорят о взаимности, имеют в виду наличие ответных чувств симпатии, любви, доверия. Здесь уместно вспомнить следующие строки французского писателя Андре Моруа: «Ничто не имеет для нас цены, если этого нельзя разделить с тем, кто любит нас, любит от всего сердца; однако и эта любовь принесёт нам мало радости, если мы не отвечаем на неё взаимностью».

Но взаимными могут выступать и негативные чувства, например, взаимное нерасположение, ненависть и т. п. Так что взаимность, хотя и является положительным понятием, не всегда отражает добрые ответные шаги. Тем не менее, взаимность должна рассматриваться как категория философии толерантности, потому что благодаря обоюдным уважительным, солидарным и терпимым отношениям укрепляются основы толерантности в обществе.

Толерантность как моральное требование в необходимое время проявляет себя в сочувствии. Известно, что сочувствие как состояние глубокого взаимопонимания поддерживает благосклонность и солидарность между людьми в сложных и тяжёлых случаях их жизни. Жизнь человека проходит не всегда ровно и спокойно в силу разных семейно-бытовых, личных, общественных и др. причин иногда возникают сложные и неоднозначные моменты, в которых человек особенно остро нуждается, прежде всего, в моральной поддержке и близости окружающих

себя людей. Сочувствие проявляется в таких случаях и выступает мощнейшей духовной силой толерантного сближения людей друг к другу.

«Друзья познаются в беде» – мудрое высказывание характеризует важное значение сочувствия в жизни человека, потому что именно во внезапно произошедших неприятностях, беде и горе особенно ярко замечаются истинные отношения к нему тех или иных родных, близких и др. знакомых. С этой точки зрения сочувствие воплощается в реальность в гармонии с другими такими толерантными качествами, как сострадание, благожелательность, милосердие, проявление которых, несомненно, ещё более сильно сближает людей, усиливает симпатию между ними и укрепляет основы толерантности.

Огромный толерантный смысл несет в себе такое моральное качество как ответственность. Чувство ответственности формируется, это результат последовательного воспитательного, образовательного процесса, а также положительное воздействие окружающей среды. Быть ответственным или чувствовать ответственность перед кем-либо или чем-либо – на самом деле объективная необходимость для каждого человека на пути достижения своего достойного места в обществе. Ответственность как сложное духовное, эмоциональное состояние человека формируется и проявляется в воздействии других его добрых качеств и индивидуальных особенностей. Следует отметить, что ответственность способствует развитию и других таких качеств толерантности у человека, как внимание, уважение, доверие, справедливость, равенство, порядочность, сопричастность, беспристрастность и т. д. Таким образом, ответственность нужно рассматривать как неразрывный элемент общей культуры толерантности социальных субъектов, без которой невозможно полноценное проявление терпимости во взаимоотношениях между людьми и во всех сферах жизни общества.

Важно отметить, что практически все моральные качества включают в свою структуру элемент уважения, которое проявляется в признании достоинств другого человека. Так как «...чёткое различие себя и других, разумеется, ещё не означает полного толерантного его отношения к другим. В этом определяющее значение приобретает уровень нравственной культуры и воспитания, социальная мобильность, активность и коммуникативные способности индивида» [1, с. 168]. Уважение основывается на неформальной оценке поступков и черт личности человека, оно не определяется социальным статусом, профессиональной принадлежностью или возрастом. Уважение не является изначальной и постоянной характеристикой, его надо заслужить и можно потерять. Леонардо да Винчи писал: «Всяк, кто желает иметь верных друзей, должен быть добрым и терпимым, проявляя внимание к чужим нуждам. Почёт и уважение добываются не силой, а великодушием и готовностью поделиться с нуждающимся последним куском». Анализом

уважения как нравственного понятия занимались такие учёные, как И. Кант (1724–1804), М. Бубур (1878–1965), Э. Левинас (1905–1995). По Канту, уважение, даже скорее, чем симпатия, составляет норму межчеловеческих отношений; только на его основе может возникнуть установка объективной «благожелательности», позволяющая не судить, а понимать другого. Кроме того, уважение – это моральный долг, единственно верная естественная позиция человека перед лицом любой ценности и, в частности, перед лицом любой человеческой личности [2].

Нормы морали практически любой культуры требуют уважения по отношению к родителям, старшим, власть имущим. Уважение необходимо для построения толерантных отношений в любой сфере, личной или общественной. Доброе, уважительное отношение сплачивает семью, способствует укреплению любви между её членами. Также невозможно представить честных, открытых деловых контактов, не сопровождающихся чувством уважения партнёров друг к другу. «Уважать всякого человека, как самого себя, и поступать с ним, как мы желаем, чтобы с нами поступали, выше этого нет ничего», – утверждал Конфуций. Таким образом, привитие У. к другим людям является важной задачей воспитания подрастающего поколения, начиная с самых ранних периодов жизни.

В заключении важно отметить, что мораль по своей сути является источником толерантных взаимоотношений. Сложная, но необходимая взаимосвязь между моралью и толерантностью можно характеризовать как взаимоотношения двух относительно самостоятельных регуляторов нравственных связей между людьми, которые по отношению друг другу играют взаимодополняющую функцию.

Библиографический список

1. Кушаев У. Р. Принципы теории толерантности // Modern philosophic paradigms: interrelation of traditions and innovative approaches : materials of the II international scientific conference on March 3–4, 2015. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». – 192 p. – P. 164–171.
2. Кушаев У. Р., Дорошина И. Г. Толерантность : энциклопедический словарь. – Пенза : Научно-издательский центр «Социосфера», 2014. – 484 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ

У. Р. Кушаев

*Кандидат философских наук,
старший научный сотрудник-
соискатель,
Ташкентский исламский университет,
г. Ташкент, Узбекистан*

Summary. The paper analyzes the determinants of social and legal tolerance. Tolerant meaning of international legal instruments, declarations and conventions is disclosed. Logical consistency between them is established. the Social background of strengthening a culture of tolerance is revealed. Results of philosophical generalizations on the dialectics of social and legal foundations of tolerance are shown.

Keywords: human rights; equality; the Declaration of principles of tolerance; consensus; reciprocity.

Современное общество отличается своей высокой динамичностью от предыдущих этапов его развития. Проблема ускорения времени, интенсификация взаимоотношений между социальными субъектами и институтами, качественные изменения в их интересах и ценностях и многие другие факторы способствуют сложному и неоднозначному состоянию социума. Однако с социально-философской точки зрения при любых обстоятельствах толерантность выступает как краеугольный камень более или менее стабильного развития человеческих взаимоотношений. Кроме прочего, отметим, что толерантность тоже не является самоцелью, ибо сущность рассматриваемых любых вопросах и проблем составляет человек, его потребности и интересы, обеспечение благоприятных условий для его самореализации.

В этом смысле толерантность как многогранное явление ярко проявляет себя в таком фундаментальном вопросе философии и права как права человека. В нынешнем мире, который мы характеризуем как цивилизованный права человека подняты до уровня общечеловеческих ценностей. В контексте теории толерантности это объективная необходимость, ведь права человека – это понятие, отражающее идеи и взгляды, связанные со свободами, долгом и обязанностями человека, которые составляют особую категорию моральных норм, присущих всем людям независимо от расовых, национальных или социальных различий. Права человека представляют собой необходимые условия для достойной человеческой жизни, для полноценных взаимоотношений и взаимодействий между людьми.

Права человека юридически закрепляются на международном и национальном уровнях. Основным документом, провозглашающим права человека как общечеловеческие ценности, является Всеобщая декларация прав человека. Также действуют международные стандарты по обеспечению прав и свобод человека, которые фиксируют гражданские, политические, экономические, социальные права, права в области культуры, права

ребёнка и др. Гражданские права включают в себя право на жизнь, свободу, неприкосновенность, свободу от насилия, свободное передвижение, гражданство и законную защиту интересов человека. Политические права подчёркивают свободу мысли, совести и вероисповедания, мирных собраний и ассоциаций, право на участие в государственных делах. Экономические права означают право на частную собственность, на труд и отдых. Право на семейную жизнь, на социальную защиту и достойный жизненный уровень характеризуют социальные права человека. А система культурных прав человека состоит из таких элементов, как право на образование и самореализацию своих творческих способностей.

Права человека охватывают все сферы жизни человека, поэтому часто употребляется выражение «основные или фундаментальные права и свободы человека». Без соблюдения прав человека невозможно говорить о полноценном развитии современного общества. Они являются основополагающими юридическими принципами формирования и развития социальной толерантности. В наше время существуют многочисленные государственные и негосударственные организации, объединения по защите прав человека. До сих пор было принято несколько сотен международных документов: конвенций, деклараций, пактов и др., направленных на укрепление правовых основ обеспечения прав человека.

Соблюдение прав человека требует строгого правопорядка. А в свою очередь правопорядок, обеспечение всяческих прав зависит от уровня правового сознания и культуры членов общества. Право наряду с нравственностью предназначено формированию, укреплению и развитию толерантных, терпимых взаимоотношений между людьми. Разумеется, у этих двух явлений разные механизмы действия и функционирования. Право санкционируется государством, а нравственные поступки обусловлены духовно-воспитательными особенностями людей и социальных групп. Тем не менее, правовые и нравственные нормы взаимодействуют, взаимодополняют друг друга и выступают необходимыми условиями толерантности.

При рассмотрении вопросов, связанных с правами человека, в рамках философии толерантности равенство как принцип демократии тесно переплетается с ними. По сути дела, равенство – это принцип социальной толерантности, означающий равные, терпимые и толерантные отношения ко всем социальным субъектам. Издревле равенство считается острой социально-философской проблемой. На протяжении эволюции общественной мысли выдвигались разные его трактовки, которые в итоге нашли свое отражение во «Всеобщей декларации прав человека» [1], в 1-й статье которой излагается: «Все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства».

По этому поводу отметим, что данная декларация является основополагающим правовым фундаментом формирования культуры толерант-

ности в глобальном масштабе. В Декларации провозглашены основные гражданские, политические, социальные, экономические и культурные права и свободы человека. Декларацию можно назвать всеобщим юридическим законом толерантности, принятие которого, в свою очередь, означает начало нового качественного этапа развития терпимых взаимоотношений между странами и народами мира.

Согласно 1 статье Декларации, все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и правах. Этот принцип служит методологическим постулатом всяческих исследований, направленных на раскрытие особенностей прав и свобод человека, также прочной основой принимаемых законов и юридических актов по обеспечению равноправия. 2 статья Декларации гласит: «Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашёнными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения...». В данной статье намечены контуры терпимых, толерантных отношений народов и народностей всего мира с неповторимыми социокультурными особенностями.

Позже на основе Декларации было принято около 50 договоров по правам человека, в частности Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и др. Декларация составила основу международной системы прав человека и стала неотъемлемой частью международного и национальных законодательств. Несмотря на продолжающиеся до настоящего времени сложности в области обеспечения равенства и справедливости Декларацию можно считать своеобразным торжеством в установлении прав и свобод человека как наивысшей общечеловеческой ценности.

Разные положения «Всеобщей декларации прав человека» приобрели особую юридическую силу в виде отдельных деклараций. Например, «Декларация о расе и расовых предрассудках» [5] принята Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры на ее двадцатой сессии 27 ноября 1978 г. Документ утверждает равные права, свободы и возможности самовыражения для всех представителей человеческого рода независимо от расовой принадлежности и является одной из важных правовых основ укрепления культуры толерантности в глобальном масштабе.

Кроме этого «Декларацию о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений» [2] можно назвать документом ООН, непосредственно направленным на укрепление духа толерантности и основ культуры мира в глобальном масштабе. Декларация была принята резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г. В ней отражены основные идеи и принципы ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений в со-

временном мире. В частности 1-я статья гласит: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. ... Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь религию или убеждения по своему выбору».

Еще один из важных документов ООН – «Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам» [4], содержание которого непосредственно вытекает из цели организации – поощрение и развитие уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка или религии. Декларация была принята резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1992 г.

Особую значимость в борьбе против тяжелых форм интолерантных действий имеет «Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма» [3]. Данный правовой акт ООН, направленный на пресечение всех форм международного терроризма, принят резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1994 г. Его нужно рассматривать как одну из важных и необходимых мер по решению глобальной проблемы современной эпохи как международный терроризм. Актуальность декларации можно объяснить с более возрастающими и опасными связями между террористическими группами и торговцами наркотиками и их полувоенными бандами, которые прибегают к любым видам насилия, тем самым, создавая угрозу конституционному строю государств и нарушая основные права человека.

Торжеством легитимизации основных положений толерантности стала принятие «Декларации принципов толерантности» [6]. Этот основополагающий документ ЮНЕСКО, рассматривающий идею толерантности как единственный способ мирного сосуществования стран и народов мира. Декларация принята 16 ноября 1995 г. в Париже на 28-й сессии Генеральной конференции ООН по вопросам образования, науки и культуры. Декларация состоит из описания общих понятий и принципов, связанных с вопросами толерантности, а также путей, средств и механизмов борьбы с проявлениями нетерпимости. Следует отметить, что «Декларация принципов толерантности» представляет собой своеобразный синтез остальных, ранее объявленных документов, направленных на обеспечение прав и свобод человека, ликвидацию всяких форм дискриминации.

Кроме деклараций одной из важных линий юридической основы укрепления толерантности во всем мире выступают конвенции, принятые на уровне ООН. В частности, «Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» [9] раскрывает интолерантную суть преступлений геноцида, его тяжёлые последствия в жизни стран и народов, также предписывающий меры предотвращения этой жестокости. Конвенция была принята Генеральной Ассамблеей от 9 декабря 1948 г., в ней геноцид характеризуется как действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую, ра-

совую или религиозную группу как таковую. Также документ описывает конкретные акты геноцида: убийство членов той или иной группы; причинение серьёзных телесных повреждений или умственного расстройства членам групп; предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые направлены на её полное или частичное физическое уничтожение; меры, приводящие к предотвращению деторождения; насильственная передача детей из одной группы в другую.

14 декабря 1960 г. Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры была принята «Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования» [7]. В 1-ой статье данного документа сформулированы принципы недопустимости запрета или ограничения образования для лиц по признаку расы, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, экономического положения или рождения.

«Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания» [10] принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1984 г., подтверждает равные права для всех членов человеческой семьи, соблюдение которых необходимо сохранения для свободы, справедливости и всеобщего мира. В соответствии со статьёй 5 Всеобщей декларации прав человека, статьёй 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также Декларацией о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. В данном документе пытка определяется как любое действие по умышленному причинению человеку сильной боли, а также физического или нравственного страдания официальным лицом или с его ведома с целью получения сведений, признаний, наказания, запугивания или по любой причине, основанной на дискриминации. Применение пыток не имеет оправдания ни при каких условиях, вызывает презрение и заслуживает наказания. Конвенция предписывает государствам не выдавать другому государству лицо, которому реально угрожает применение там пыток.

Одним из ключевых документов толерантности безоговорочно является «Конвенция о правах ребёнка» [8], направленная на обеспечение бережного, заботливого и достойного отношения ко всем детям Земного шара. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. В ней подчеркивается, что ребёнок как человеческое существо, не достигшее 18 лет, в силу своей физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения. Каждый ребёнок имеет право на жизнь, на имя, на гражданство, он имеет право знать своих родителей и получать их заботу.

Разумеется, кроме вышеперечисленных документов было принято множество документов международного уровня в рамках различных соци-

ально-экономических, общественно-политических структур. Следовательно, основные принципы всех международных актов находят свое отражение в конституциях и законах национальных государств. Таким образом, на сегодняшний день человечество располагает необходимыми правовыми механизмами и рычагами развития толерантного сознания и укрепления толерантной культуры во всех направлениях взаимоотношений людей. К сожалению, реальная жизнь показывает, что принятые положения несмотря на их высокий юридический статус не реализуются в полном объеме, что порождает множество новых проблем в области толерантности.

Человеческие взаимоотношения порождены их интересами, а последние, как известно, не всегда совпадают, а порой полностью противоречат друг другу. Тем не менее, право на жизнь, в том числе на достойную жизнь имеет каждый несмотря на социальные, этнические и другие особенности. В этом смысле компромисс действенным способом разрешения конфликтов путём частичного удовлетворения интересов участвующих сторон. Компромисс является хорошим, но не идеальным путём выхода из конфликтных ситуаций, так как ни одна из сторон не достигает полного удовлетворения. Тем не менее, во многих случаях компромисс выступает оптимальным результатом. Достижение компромисса является возможным, если стороны обладают культурой толерантности, способны уважать позицию другого, даже если она противоречит их собственным интересам. Также важным условием достижения компромисса является правильное понимание предмета спора и оценивание возможности уступок каждого участника.

Компромисс на всех уровнях социального взаимодействия играет огромную роль, выступая смягчающим, облегчающим и в некоторых случаях разрешающим фактором различных сложностей, противоречий и конфликтов между взаимодействующими сторонами. Нередко принятию компромиссного решения на переговорах способствует наличие третьей стороны – авторитетного посредника, который в состоянии объективно рассмотреть проблемную ситуацию и выбрать пути наилучшего сочетания достижений и уступок с каждой стороны. В любом случае компромисс предстает как показатель определённого качественного уровня толерантных взаимоотношений, основанных на понимании, уважении и снисходительности.

Близким к компромиссу состоянием взаимоотношений является консенсус, который означает единодушие разных сторон в отношении какого-либо вопроса. Понятие «консенсус» употребляется в значении наличия единого мнения у разных политических партий и движений по актуальным вопросам общественного устройства, стратегий социального развития, конкретных мер по их реализации [11]. Консенсус также называют результатом переговоров, при котором стороны, обсудив спорные вопросы, приходят к единому мнению. В этом плане он выступает как продуктивный ме-

ханизм политической дипломатии. Консенсус – объективная необходимость в современных общественно-политических реалиях для полноценного, поступательного развития как внутри страны, так и на международном уровне. Отсутствие консенсуса в обществе может привести к серьёзным последствиям.

Консенсус можно назвать определённым качественным уровнем культуры толерантности в тех сферах, в которых он достигается благодаря стремлению к взаимопониманию, уважению, уступке и взаимовыгодному сотрудничеству сторон. Деятельность многих международных организаций осуществляется по принципу консенсуса, так как он является эффективным способом разрешения противоречий и выработки единого мнения по поводу сложных, спорных вопросов, что, несомненно, способствует снижению напряжённости во взаимоотношениях, ведет к установлению мира и согласия в обществе.

Признаком достаточно высокого уровня толерантной культуры является взаимность. Данное чувство толерантности означает общую, обоюдную связь между участниками общения. Взаимность, как правило, трактуется как достойный ответ на те или иные действия партнёров. Взаимность подразумевает не простую связь, а обусловленность сторон ответными поступками. Когда говорят о взаимности, имеют в виду наличие ответных чувств симпатии, любви, доверия. Здесь уместно вспомнить следующие строки французского писателя Андре Моруа: «Ничто не имеет для нас цены, если этого нельзя разделить с тем, кто любит нас, любит от всего сердца; однако и эта любовь принесёт нам мало радости, если мы не отвечаем на неё взаимностью» [цит. по 11].

Но взаимными могут выступать и негативные чувства, например, взаимное нерасположение, ненависть и т. п. Так что взаимность, хотя и является положительным понятием, не всегда отражает добрые ответные шаги. Тем не менее, взаимность должна рассматриваться как категория философии толерантности, потому что благодаря обоюдным уважительным, солидарным и терпимым отношениям укрепляются основы толерантности в обществе.

В заключение следует отметить, что задачи укрепления духа толерантности в современном мире требует одинакового внимания, как к правовым, так и социальным механизмам толерантной практики. Четкий учет диалектической взаимосвязи между ними будет служить гарантом равных, справедливых и стабильных взаимоотношений между социальными субъектами, институтами в данном историческом пространстве и времени.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека.
URL:http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr. Дата обращения 26.02.2016.

2. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/relintol.shtml. Дата обращения 26.02.2016.
3. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/terrdec1. Дата обращения 26.02.2016.
4. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml. Дата обращения 26.02.2016.
5. Декларация о расе и расовых предрассудках. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/racism.shtml. Дата обращения 26.02.2016.
6. Декларация принципов толерантности. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc. Дата обращения 26.02.2016.
7. Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/educat. Дата обращения 26.02.2016.
8. Конвенция о правах ребёнка. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon. Дата обращения 26.02.2016.
9. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml. Дата обращения 26.02.2016.
10. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml. Дата обращения 26.02.2016.
11. Кушаев У. Р., Дорошина И. Г. Толерантность : энциклопедический словарь. – Пенза : Научно-издательский центр «Социосфера», 2014. – 484 с.

VI. SPIRITUAL AND MORAL PROBLEMS OF INFORMATION SOCIETY

INFORMATION SOCIETY: SOCIAL AND HUMANISTIC ASPECT OF DEVELOPMENT

V. N. Goncharov

*Ph.D., assistant professor,
North caucasus federal university,
Stavropol, Russia*

Summary. The idea of information society has appeared as a result of judgment of really proceeding tendencies of the society development, growth of value and role of information in all social and cultural processes. It contains the positive moments of the universal plan expressing process of informatization of all human civilization.

Keywords: information; informatization of society; information society; social processes; social information; culture, civilization; socio and cultural sphere; humanistic society.

On the one hand, it is not about the general theory of information service of all types of social activity, but about mass and global use of technical means of the automated information technologies in all human activities (it is comprehensive and pervasive nature of informatization) [15, p. 241]. On the other hand, it is hardly worth meeting all information requirements, but those which promote progress, rationally optimum development. Rational humanistic orientation of process of informatization means that society information mastering would promote a survival and further social progress of society [5, p. 118–124].

Considering importance, large-scale and cardinal nature of process of informatization, existence of its positive and negative consequences and need of elimination of the last, it is necessary to give a notion of “information security”. Safe development of information is such process of informatization which reduces all negative consequences and tendencies to a necessary minimum, providing humanistic orientation of progress of society, not the last part in it is in development of the political sphere of society [6, p. 128–133]. Without giving to process of informatization informationally safe form of development it is impossible to construct originally humanistic society which has mastered all types of information on the basis of which further progress of a human civilization is developed [11, p. 155–160].

An object of research is a complete system and it is supposed that interaction of components of the system is a source of its self-development, transformations into that final target state which is called information society [2, p. 168–177]. Transition to information society assumes deep communication between three components: information becoming a public product; social value of new

information technologies; social and structural changes happening in the society [20, p. 48]. A subject is general regularities of a coevolution of society and, first of all, informatization of society.

When we speak about informatization as a process of transition to a new qualitative condition of society, to formation of information society, it is important that this state is free from many shortcomings and negative consequences which are shown during informatization. Let's allocate the following areas of researches. Firstly, this studying of the social consequences and high-quality changes in society arising in the course of informatization and closely related directions of scientific and technical progress [8, p. 123–128]. Secondly, it is social conditions and prerequisites of informatization, the social orientation of informatization in the broadest sense, its humanistic orientation to the cultural development [16, p. 39–44]. Thirdly, the studying of such phenomena and processes where the proceeding interactions in society have taken such forms which represent already complete educations, man-technological systems (like hybrid intelligence of the information society) in which tendencies of informatization of society and humanization of equipment have merged in the uniform system [6, p. 136–143].

Information society is the stage of social development which is objectively arising during the historical process. It assumes qualitatively new, higher level of productive forces (in comparison with industrial society). With the transition from industrial to information society restrictions to storage and uses of information resources in all spheres of social practice are eliminated that leads to strengthening of dynamism of social processes and acceleration of the public progress [18, p. 7].

The concept of post-industrial society as information society was developed in works of D. Bella, A. King, J. Martin, A. Norman, S. Nora, J. Neysbita, Y. Masuda, J. Pelton, M. Ponyatovsky, Zh. Servanus Schreiber, K. Shteynbukh. Idea of the role of information has developed into the concept of information society. Information owing to objective circumstances of historical development poorly joined in the sphere of human labor, material production and was still unconscious natural «addition» to substance, energy, requirement for which has been realized in significantly larger degree. Only that part of science which was engaged in studying of consciousness, anyway, moved towards understanding of what is information [1, p. 156–159]. Information, despite importance of its ideal form, is not consolidated to the ideal social information though it plays nearly the defining role that information as a resource and a factor of development moves to the forefront in comparison with resources material and power (in general material in the philosophical sense of the word). Information owing to the fact that it appears to be a part of reflection (and expresses in it aspect of the variety in the most general view) acts as a link, unique exchange factor between material and ideal. It one of its important characteristics which is used by mankind for self-development because interaction of ideal and material (on the basis

of the last) in human activity is one of the major sources and mechanisms of the social progress.

Ideal social information joins due to the property of reflection in material developments, opening new opportunities to production as the modern basis of the society's activity. This party of the information role and especially scientific information developed within Marxism in concepts of formation of science by direct productive force though information essence of process of this formation usually disappeared of sight researchers [21, p. 243–265].

Property of ideality of the certain (highest) part of social information was that property which has unique and essential advantages before material and power and other material phenomena. All material processes and phenomena can be studied and even reproduced by means of information without considerable movement, transformation and expenditure of material and power and other material resources. Ideal information, of course, doesn't exist without material carriers. The ideal information embodied in the special computer information technologies gives the chance to find and enter new qualitative factors, save substance, energy, manpower. Ideal, social, first of all, scientific information action was a powerful factor of transformation of social activity.

Mastering information will not only increase labor productivity in administrative and through it in the production field of activity. It occurs in the course of informatization, but it is not its only result. More important fact that there will be strengthening and association of intellectual resources of all civilization for its survival and further safe development [14, p. 129–134]. By means of the computer equipment and telecommunications, global information means and transformation of all bases and databanks and knowledge into universal property, transformation of mankind into the uniform interconnected global civilization will accelerate [3, p. 309–315]. Any other real, more powerful and at the same time comprehensive mechanism and means of consolidation of mankind in one global system is unknown. Information society in the global scale is, along with its other qualities, uniform human civilization in the information plan appearing the material base of realization of ideas of the new socio-political thinking [9, p. 87–93].

But it would be wrong to reduce informatization process only to technical and even to the information technical aspect though without it is also impossible to speak about informatization. Informatization is socio-technical, systemic and activity process, and it is important to direct it in the humanistic direction that information society would be that qualitatively new state where all principles and ideals of humanity will triumph fully [4]. Thereby, it is about radical humanization of process of informatization, about orientation from the very beginning of any programs of informatization at any level – from local, regional to global - for the benefit of the person [12, p. 130–134].

It is unlikely that information society will be a certain perfect condition: shortcomings are inherent in any condition and the period of development of society, including in relation to the information society. Informatization appears

difficult and contradictory socio-technical process. Humanistic orientation of informatization assumes such mutual adaptation social and technical in one human-machine system in order to human, social component will be conducting and determining.

It is considered that information society is society founded on the knowledge. However from the very beginning human society has been founded on the knowledge. Therefore when we say that a person is distinguished from the animal only by emergence of production, it is obvious impoverishment of his real development, and it goes in the same material and power aspect of outlook though very important. Another, but not less important, difference is presence of consciousness at the person which is closely connected with production and other material forms of social activity [7, p. 18–22]. A product of consciousness is knowledge as ideal reflection in the sign form of social and natural reality, and it is hardly possible to think of the past of mankind without use of knowledge [13, p. 266–270]. In this sense production of knowledge always was ideal base of mankind as its material basis – production of material benefits, and they have been from the very beginning interconnected in real activity even if this knowledge was prescientific and primitive. But knowledge is a part of social information, and from this information point of view from the very beginning it is possible to call society information unity. On the other hand the emphasis of human activity from the moment of its emergence has been placed on material, material economic factors of development and technologies of activity. Information components of activity have been integrally interwoven into material and power and were represented by their natural maintenance.

Process of formation of information society assumes economic and social fields of activity. The knowledge appears the most important mechanism of functioning of social processes, and it admits the most essential factor of development, and, first of all, the scientific knowledge which in principle is the most important factor of progress. Limitation of power factors and resources seems not only in the quantitative plan (the attention also is paid to it), but also in the qualitative plan (they are really not so various both in the nature, and in the production). Qualitative variety of information (and scientific information in particular) has no limits. This qualitative and quantitative boundlessness of knowledge established during the answer to the second part of the main philosophical question having direct practical relation to formation of information society, so, and to potentially possible development of public progress. Information society is special development of informatization. Not only the saturation of information, but also means of mastering of this resource is important for its characteristic. From these positions the priority is given to concepts of information sphere. Employment as new sphere of activity increases in the information sphere, and in other traditional (production of goods) decreases. However at the same time the fact that the information activities increase in each separate branch of production of goods isn't taken into account.

Information as a structure, organization represents independent essence in the ontologic plan only from the natural-science point of view. In the social aspect we deal not so much with structural information but with information reflection, that is containing data on something, being out of the message. And it is, first of all, information on substance and energy, on other properties, forms, processes, parties of objective reality, natural and social.

As substance, energy and information act (along with other properties and attributes) as characteristics of matter, the information activities which nowadays have in the basis the automated information technologies along with activities for processing of substance and energy make a dingle system of social activity in which material and ideal (information) components of whole, interacting among themselves, form the mechanism of self-development of social form of motion of matter. Though it was emphasized, information component (in the less developed look) accompanied both anthropogenesis, and further historical process, nevertheless, about information society has become possible to speak when industrialization has prepared informatization of society.

Informatization in cumulative system of social activity leads to acceleration not only in the sphere of production of goods, but also in all other socio-cultural spheres [19, p. 177–182], and it is its generality and comprehensiveness: information component accompanies any kind of human activity.

Information society corresponds to various aspects in time and space: global coevolution of society and information technologies; society in which information priority in relation to substance and energy including in the sphere of employment takes place; civilization which has solved a problem of information crisis; all mankind which has reached unity thanks to information factors that is global and information civilization; the society based on the automated production and use of knowledge on the basis of means of the information technologies based on the artificial intelligence; a condition of society in which all fields of activity are computerized that is informatization has found the general and comprehensive nature; society in which each person has high information culture and freedom of access to banks of knowledge as to universal property and a resource of development in the humanistic direction.

Formation of information society and its further development, certainly, are possible not only in the positive plan. Allocating the most essential signs, we will define information society from a position of the social and humanistic component. We will understand integrated result of process of informatization, future qualitative condition of all human civilization in which the fullest use of information as the resource and factor of cultural development [17, p. 10–16], satisfaction humanistically the focused information requirements, both all society, and each person, ensuring further social progress safe in every respect.

Bibliography

1. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Ерохин А. М. Эпистемологические и лингвистические исследования в аналитической философии науки: семантика конструкторов // Вестник СевКавГТИ. – 2015. – Т. 1. – № 2 (21). – С. 156–159.
2. Бакланова О. А., Бакланов И. С. Современная российская социальность в контексте социального конструкционизма // Вопросы социальной теории. – 2015. – Т. 7. – № 1–2. – С. 168–177.
3. Бакланов И. С., Яценко А. Л. Роль социальных сетей в процессах глобализации // Личность. Культура. Общество. – 2010. – Т. XII. – № 4 (59–60). – С. 309–315.
4. Говердовская Е. В., Антюхина А. В., Шульженко В. И. Актуальные проблемы духовной жизни личности и общества: региональный аспект. – Волгоград, 2014.
5. Говердовская Е. В., Добычина Н. В. Взаимные референции между реальным и виртуальным пространством: новая коммуникационная среда // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 7. – С. 118–124.
6. Джиоева Д. А., Камалова О. Н. Значение сенсорных технологий в жизнедеятельности человека // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2011. – № 1. – С. 136–143.
7. Ерохин А. М. Религиозное сознание в контексте общественных отношений // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2015. – № 2 (81). – С. 18–22.
8. Ерохин А. М. Научно-информационный аспект исследования социокультурного развития общества в области культуры и искусства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – № 2. – С. 123–128.
9. Камалова О. Н., Карпун А. Б. Основные структурные элементы политической власти // Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 1. – С. 87–93.
10. Колосова О. Ю. Политическая сфера общества: социально-психологический аспект общения // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – № 2. – С. 128–133.
11. Колосова О. Ю. Эволюция общественных отношений: пути и определяющие факторы // Культура. Духовность. Общество. – 2015. – № 16. – С. 155–160.
12. Колосова О. Ю. Социально-философские аспекты глобализации // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 45. – С. 130–134.
13. Колосова О. Ю. Природная среда и общество в контексте исторического развития // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2014. – № 13. – С. 266–270.
14. Колосова О. Ю. Экологическая проблема: глобальный характер современной эпохи // Наука и современность. – 2014. – № 32-2. – С. 129–134.
15. Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследований современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 9. – С. 241.
16. Матяш Т. П., Несмеянов Е. Е. Православный тип культуры: идея и реальность // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2015. – № 3 (82). – С. 39–44.
17. Матяш Т. П., Матяш Д. В., Несмеянов Е. Е. «Науки о природе» и «науки о духе»: судьба старой дилеммы // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2015. – № 1 (80). – С. 10–16.
18. Михалевич В. С. О концепции информатизации общества // Информатизация общественного производства: тезисы докладов международной конференции (Суздаль, 17–21 апреля 1989 г.). – М., 1989. – 404 с.
19. Несмеянов Е. Е. Соотношение религии и науки в гуманитарном знании и современном обществе (по материалам монографии К. В. Воденко и А. А. Мекушкина «Христианство и наука: история и современность» (М., 2014) // Гуманитарий Юга России. – 2015. – № 1. – С. 177–182.

20. Пирогов А. И. Информатизация российского общества и укрепление обороны страны. – М. : Военный университет. – 1995. – 123 с.
21. Урсул А. Д. Проблема информации в современной науке. – М. : Наука, 1975. – 287 с.

SPIRITUAL MORAL VALUES AND EDUCATION OF YOUNG PEOPLE AS THE MAJOR CONDITIONS OF THE PROGRESS OF RUSSIA

O. I. Lapteva,

**E. Y. Emelyanova,
A.Y. Malenkova**

*Candidate of psychological sciences,
assistant professor,
assistant professor,
student,
Siberian institute of management – branch
of Presidential Russian academy of national
economy and public administration,
Novosibirsk, Russia*

Summary. The article considers the role of spiritual and moral values and education of young people as the most important factor of the progress of Russia. The author speaks about the priority of spiritual and moral education of the youth on the basis of the national culture.

Keywords: morality; spiritual and moral values; education of the youth; national culture.

To begin with, it is necessary to answer the following question: what does the term “spiritual and moral education” mean?

Spiritual and moral education is one of the educational aspects, directed to bringing up new generations in such a way that they use the cultural wealth of the nation and form their behavior on its basis. It is quite apparent that the attitude to cultural, spiritual, moral values changes with time and depends on a lot of social, political and cultural conditions. Thus, after the collapse of the Soviet Union the country entered the period of deep spiritual crisis. It was manifested by relations between people in society, drop in morals, certain social behavior and even a manner of speech. Certainly, it concerns not all the population, but, nevertheless, its significant part. As for me, I think, the mankind has survived in all disasters and exists now only due to the distinction between good and evil, between the truth and lie, between sanctity and sin. However, the modern civilization has started to reject these concepts, making accent on freedom of people, which often becomes just all-permissiveness. At the same time, the ability to distinguish between good and evil is extremely important. In 2001 the state program “Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2001–2005” was accepted. The development and adoption of the given program was supposed to play a significant role in the education of young citizens of our country. This step was quite timely, because modern society is in danger due to washing

out traditional values. The gap between generations, infringement on continuity between them, introduction of cultural wealth alien to the Russian society are just concrete examples of the above mentioned danger. The restoration of respect to cultural wealth, moral values, national feelings are capable to consolidate the society. School is of tremendous importance in carrying out spiritual and moral education of students, in introducing them into the world of culture.

Spiritual and moral values in conditions of system crisis of the society are exposed to reassessment. A lot of values and principles that inspired people in the middle of 20th century, stopped being attractive. Under the influence of scientific and technical revolution and globalization, the mankind has come on the verge of survival. Proceeding from all aforesaid, it is possible to come to the conclusion that the keystone to the progress of Russia is: cultural, spiritual, moral education [1, p. 19].

Teachers and educators are seriously concerned with the issues of spiritual and moral education. How to instill the sense of patriotism into the younger generation, how to teach children to love their culture, identity and national traditions? These questions were asked more than once. So the absorption of moral lifestyle remains the main short-term priority task for the Russian society. Some people think that the solution to the problem can serve as initiation of youth to the Orthodox tradition. Church and secular education together can form, in their opinion, the identity of a beneficial effect on all aspects and forms of man's relationship with the world: ethical and aesthetic development, philosophy and the formation of civic, patriotic and family orientation, intellectual capacity, emotional state, and overall physical and mental development.

Currently, an appeal to the experience of Orthodox pedagogy is especially important. Spiritual revival of Russia is impossible to imagine without recourse to Orthodoxy. It is able to help students study cultural traditions. Mastering the experience of ancestors, their moral and spiritual values, leads to the formation of their own outlook. Spiritual and moral education based on orthodox traditions is beneficial to all parties and forms the man's relationships with the world. This proves the special importance and urgency of the development program for the spiritual and moral education and upbringing of young people and children. Another question is what could be achieved with the help of interaction between the church and the state education system. Some recognize that Orthodoxy predetermined a lot of specific aspects in Russian culture. Others believe it is important to familiarize the young people with the traditions of Orthodoxy, but the church itself is treated as an anachronism. Finally, some teachers are strongly against everything that is connected with faith and Orthodox traditions. Thus, the ambiguity of opinions cannot completely solve the problem concerning the spiritual and moral education of youth on the basis of the Orthodox tradition [2, p. 103].

However it is possible to adjust the mode of dialogue between the state and society with the church. This can help the special case studies. They say that youth is ready to make contact with the Orthodox culture, believing that the

Russian Orthodox Church has played an important role in the history of the Russian state.

Bibliography

1. Brichkov A. S. "Spirituality" of modern young people // Alma mater. – 2011. – № 10. – P. 20–24.
2. Markova N. G. The objectives of moral education of young people in the modern world // Innovation. – 2012. – № 5. – P. 102–104.

REASONS FOR SPIRITUAL AND MORAL PROBLEMS IN RUSSIA

O. I. Lapteva,

E. Y. Emelyanova,

O. P. Rassohina

Candidate of psychological sciences,

assistant professor,

assistant professor,

student,

Siberian institute of management – branch

of Presidential Russian academy of national

economy and public administration,

Novosibirsk, Russia

Summary. The article considers the causes of spiritual and moral problems in Russia. The author speaks about the guarantees for the safety of spiritual culture in the Russian society.

Keywords: spiritual and moral disaster; spiritual culture; safety of spiritual culture.

During the Russian Civil War people divided into Bolshevik and anti-Bolshevik groups. It can be really said that those days led to the crisis of Russian religiosity. Supporters of the Red Army tried to use their strong will and tended to obtain material well-being. Their supporters were not only revolutionaries, but also representatives of the Russian merchant class.

In February 1917 Russian people, especially the ruling Russian elite neglected the Czar, which caused unpredictable consequences.

In other words, the aim of Bolshevik group was to replace the Russian Orthodox Church with state institutions. Finally, at the end of Civil war the White army was defeated because of its ideological instability. However, at the end of the 20th century, the collapse of the Soviet Union changed the situation that had been stable for several decades.

The society needed some new ideological directions. After all, faith united the multitude of people at all times. In our opinion, people should stop looking up at Western civilization and should start to promote national Russian ideas. Bolsheviks succeeded in doing away with monarchy, thus interrupting centuries-long ties within the nation. The loss of moral and spiritual values led to a huge gap in the spiritual life of society. People were helpless, they betrayed God.

During the 20th century our country went through a number of terrible disasters and crises. Now the only way out is to get back to historical origins and the Orthodox faith.

The important thing in the lives of the Russians was demonstrated by the great postulate of Russian enlightened conservatism «God, fatherland, family».

The security of the spiritual culture is not an abstract issue. Many economic, political failures are directly related to the crisis of spiritual culture of the population. The decay of the nation and the destruction of the state, as history shows, almost always begin with the decomposition of spirituality and the foundations of culture, the destruction of moral principles, the substitution of national values with strange ones, the introduction of false ideas [1, p. 109].

However, before considering this issue, some general questions should be clarified. This primarily refers to the concepts of "spiritual culture" and "safety". The concept of "spiritual culture" is now increasingly narrowed to various genres of art, leisure, entertainment, while "spiritual culture is the spiritual source of the material culture of the entire human being." Spiritual culture is what distinguishes humans from animals and this level has been achieved in the course of the development of society.

Questions of culture are extremely complicated. The concept of culture itself has a lot of definitions, approaches and interpretations. Culture and people are unthinkable without each other, thus, they should be considered together. It is necessary to explain what works of art, entertainment, leisure can be called culture. Besides, one should differentiate real culture and mass culture. Culture is a force, not violence against the person and the spiritual world. Aggression and violence cannot be included into the concept of culture, because violence and culture are incompatible. Then, it should be discussed how to raise the cultural level of people. It is the task of school, first of all, then, mass media, theatre, state.

The problem is relevant because during the years of social, political and economic transformations much of the cultural heritage of Russia was lost. The value orientation of the citizens, especially the younger generations, has changed. The national, traditional culture of our peoples began to undergo some hard pressure on the part of mass culture, destroying the spiritual world. Now, more than ever, an acute issue is how to protect culture and ensure its security. There is a problem of mass culture that permeates the information society and clogs the Russian language with different useless words, which, consequently, distorts the thinking process and the sphere of feelings and emotions. .

From the foregoing, we can conclude that culture is going through hard times. Special attention should be paid to children, adolescents, who are defenseless against weapons of mass culture and foreign influence due to the absence of experience.

Bibliography

1. Tonkonogov A. V. Guarantees for the safety of spiritual sphere of modern society in Russia // Social and humanitarian sciences. – 2009. – № 3. – P. 104–115.

ВОСПИТАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ И ПРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В ИНТЕРНЕТЕ

К. Д. Облабердиева,
Г. М. Махкамов,
Р. Я. Рузметов,
Х. А. Абдупаттоев

*Доцент,
преподаватели,
Кокандский государственный
педагогический институт,
г. Коканд, Узбекистан*

Summary. This article modern computer technology in human life and reflected the growing importance of education . The interpretation of the importance of the formation of the younger generation the skills to work with the Internet.

Keywords: computer technology; Internet; world; moral personality traits.

Современные компьютерные технологии стремительно развиваются и занимают все больше места в системе образования и в жизни каждого человека. Включение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в учебный процесс позволяет учителю организовать разнообразные формы учебно-познавательной деятельности на уроках, сделать активной и целенаправленной самостоятельную работу учащихся. ИКТ можно рассматривать как средство доступа к учебной информации, обеспечивающее возможно поиска, сбора и работы с источником, в том числе и сети Интернет.

Одним из результатов обучения и воспитания в школе первой ступени должна стать готовность детей к овладению современными компьютерными технологиями и способность актуализировать полученную с их помощью информацию для дальнейшего самообразования и духовно-нравственного самовоспитания.

Умение использовать интернет (в том числе для поиска информации) стало необходимым и было включено в Государственный стандарт общего среднего образования. Учебная программа 7 класса предусматривает изучение основ работы в Интернете. Основные направления программы:

- дать понятия об Интернете;
- ознакомить учащихся с программами, необходимыми для работы в Интернете и их основными возможностями;
- научить пользоваться электронной почтой и способами получения информации из Интернет;
- представить сведения о защите информации и антивирусах.

Для многих школьников Интернет становится информационной средой, без которой они не представляют себе жизнь. Вместе с тем, в интернете содержатся огромные массивы информации, которые являются запрещенной могут нанести вред физическому и психическому здоровью детей, их духовному и нравственному развитию.

В этой связи возникает проблема защиты человеческого сознания, особенно недостаточно сформировавшегося сознания детей и подростков от манипулирования им средствами массовой информации и, в частности через глобальную сеть Интернет, подготовки школьников к жизни в бескрайнем и фактически лишенным позитивного содержания информационном пространстве. Решение данной задачи связано с проблемой формирования устойчивых нравственных свойств личности, способной противостоять информационным угрозам, воспитания информационной культуры у юных пользователей Интернета.

В современных условиях особую опасность для формирования и развития мировоззрения младших школьников и подростков представляют:

- "суицид-сайты", на которых дети получают информацию о "способах" расстаться с жизнью;
- сайты-форумы потенциальных самоубийц;
- "наркосайты", которые предлагают различные рецепты и советы по изготовлению и употреблению "зелья";
- сайты, разжигающие национальную рознь и расовое неприятие: экстремизм, национализм, фашизм;
- сайты порнографической направленности;
- сайты знакомств, виртуальное общение, которые разрушают способность к общению реальному, "убивают" коммуникативные навыки подростков;
- сайты о сектах, отрицательно влияющих на взгляды молодежи на мир. Через социальные сети подростки могут попасть под влияние радикальных политических групп или различного рода религиозных сект. Серьезная опасность начинается тогда, когда подростки после просмотра реальных сцен насилия и жестокости пытаются подражать "героям" роликов, размещенных на Интернет-ресурсах.

Вовлечение в азартные игры, это еще одна угроза негативного воздействия на ребенка. Даже простые он-лайн игры наносят непоправимый вред психическому и физическому здоровью ребенка, занимая у него подавляющую часть времени, отвлекая от занятий и спокойного отдыха.

Помимо перечисленных рисков и угроз интернет несет опасность, напрямую связанную с личностными изменениями детей и подростков - развитие интернет-зависимости.

Угрозы становятся все более реальными, так как дети не способны иногда правильно оценить степень вредного воздействия информации, которую они воспринимают или передают. Это, в свою очередь, имеет место

вследствие того, что темпы информатизации оказались столь быстрыми, что и семья и школа оказались не готовы к угрозам нового типа и методы борьбы с ними еще только разрабатываются.

Для преодоления негативного воздействия сети Интернет на детей в образовательном учреждении должна проводиться целенаправленная воспитательная работа. Научить школьников распознавать и противостоять интернет-угрозам является совместной задачей школы и семьи. При этом именно школа должна инициировать и организовать это сотрудничество, просвещая родителей и обучая своих учеников.

Образовательному учреждению совместно с родителями и детьми необходимо выработать единую стратегию безопасности. Эта стратегия должна предусматривать обучение как педагогических работников, так и родителей и детей.

Библиографический список

1. Учебная программа по курсу "Основы информатики и вычислительной техники" (5–9 классов), Республиканский центр образования МНО Республики Узбекистана, 2010.
2. Фадеева С. В. Психолого-педагогические аспекты компьютерной зависимости подростков // Воспитание школьников. – №10. – 2009. – С. 23.
3. Livingstone, S., Haddon, L, & Gorzig, A. Children, risk and safety on the Internet: Kids online in comparative perspective. – Bristol : The Policy Press July 2012.
4. <http://www.detionline.ru>

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2016 ГОДУ**

Дата	Название
5–6 апреля 2016 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
7–8 апреля 2016 г.	Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира
10–11 апреля 2016 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2016 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
18–19 апреля 2016 г.	Актуальные аспекты педагогики и психологии начального образования
20–21 апреля 2016 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2016 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2016 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2016 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2016 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
5–6 мая 2016 г.	Теория и практика гендерных исследований в мировой науке
7–8 мая 2016 г.	Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты гуманитарного осмысления
10–11 мая 2016 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2016 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2016 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2016 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2016 г.	Реклама в современном мире: история, теория и практика
25–26 мая 2016 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2016 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
5–6 июня 2016 г.	Могучая Россия: от славной истории к великому будущему
10–11 сентября 2016 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2016 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2016 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2016 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2016 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2016 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования

5–6 октября 2016 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
10–11 октября 2016 г.	Актуальные проблемы связей с общественностью
12–13 октября 2016 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2016 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2016 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2016 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2016 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2016 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2016 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2016 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2016 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2016 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2016 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2016 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2016 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2016 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2016 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2016 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2016 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2016 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Реферативные базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Россия), • Open Academic Journal Index по адресу, • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада) • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия)	• Global Impact Factor за 2015 г. – 1,041, • Scientific Indexin Services за 2015 г. – 1,09, • РИНЦ за 2014 г. – 0,194.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия)	
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия)	
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный и практический журнал «Akademická psychologie»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный и аналитический журнал «Sociologie člověka»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	РИНЦ (Россия)	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок).
- Изготовление оригинал-макета.
- Дизайн обложки.
- Печать тиража в типографии.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг **«Премиум»** включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors).
- Making an artwork.
- Cover design.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items).

Other options will be considered on an individual basis. For questions and requests you can contact us by e-mail sociosphere@yandex.ru.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Philosophical Society of Uzbekistan
Faculty of Business Administration, University of Economics in Prague
Urgench State University named after al-Khorezmi
Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences

MODERN PHILOSOPHIC PARADIGMS: INTERRELATION OF TRADITIONS AND INNOVATIVE APPROACHES

Materials of the III international scientific conference
on March 3–4, 2016

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Signed in print 25.03.2016. 60x84/16 format.
Publisher's sheets 9,2.
100 copies.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz